

ISSN 2686-9764

Том 14, № 3
2020

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

scientific and practical journal

of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Volume 14, № 3
2020

PENITENTIARY SCIENCE

Пенитенциарная на ука

ISSN 2686-9764

научно-практический журнал

том 14, № 3
2020

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под названием
«Вестник института:
преступление, наказание,
исправление»

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Журнал

зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных техноло-
гий и массовых коммуника-
ций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-78598
от 15.08.2019
ISSN 2686-9764

Журнал размещается
в следующих реферативных
и полнотекстовых базах
данных: Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»

Все права защищены.
Перепечатка материалов
только с разрешения редак-
ции журнала. Авторские
материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет
за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения
рукописи

Высказанные в статьях
мнения и суждения могут
не совпадать с точкой зре-
ния редакции. Ответствен-
ность за подбор и изложение
материалов несут авторы
публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

Подписной индекс 41253
по Объединенному каталогу
«Пресса России»
Розничная цена:
270 руб. за 1 экз.

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
21.10.2020

Формат 60x90/8. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 17.
Заказ № 7904. Тираж 1000 экз.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педа-
гогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного уни-
верситета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Фе-
дерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естествен-
ных наук;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения),
доктор, профессор криминологии;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного
психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного уни-
верситета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болга-
рия), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуйского государственного универси-
тета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор
юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Россий-
ского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления
МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Пе-
тровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юри-
дических наук, доцент;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного
правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, про-
фессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического универ-
ситета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института
ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД Рос-
сии, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического универ-
ситета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;
Мальшев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психо-
логических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юри-
дических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педаго-
гических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государствен-
ного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор
юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Санташов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических
наук, доцент;

Сочико Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук,
профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дис-
циплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского
государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского уни-
верситета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

Penitentiary Science

ISSN 2686-9764 scientific and practical journal
Volume 14, № 3 of the Vologda Institute of Law and Economics
2020 of the Federal Penal Service

Published since 2007,
until August 2019
issued under the title
«Bulletin of the Institute:
crime, punishment,
correction»

It comes out four times a year

Founder:
VILE FPS of Russia
Journal is registered
in the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media

Certificate of registration
of mass media
PI No. FS77-76598
from 15.08.2019
ISSN 2686-9764

The journal is in the
following abstract and full-
text databases: Russian
Science Citation Index
(RSCI), Scientific Electronic
Library «CyberLeninka»

All rights reserved.
Reprint of materials only
with the permission of the
publisher. Copyrighted
materials are reviewed
and do not returned.

The editor reserves the right
to make reductions
and editorial changes
to the manuscript

Opinions and judgments
expressed in articles may
not coincide with the
point of view of the editor.
Responsibility for the
selection and presentation
of materials is on the
authors of publications

Editor address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Publisher address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Printing address:
160010, Vologda,
ul. Cubinskaya,
d. 16, apt. 74

Phones:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru
Subscription index 41253
in the unified catalog
«Press of Russia»

Retail price:
270 rub for 1 copy

© VILE FPS of Russia
Release date: 21.10.2020
Format 80x90/8
Offset printing.
Conv. oven p. 17.
Order No. 7904.
Circulation 1000 copies

EDITOR-IN-CHIEF:

Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor.

EXECUTIVE SECRETARY:

Karavaeva Yu. I. – Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Sociology.

EDITORIAL COUNCIL:

Antonyan Yu. M. – Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Regional University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Belyaeva L. I. – Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zautorova E. V. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor;

Kruglikov L. L. – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State after P. G. Demidov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy Of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Mesko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Pozdnyakov V. M. – Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in Psychology, Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Stoyanov V. – Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria), Dsc. in Psychology;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysay State I. Zhansugurov University (Republic of Kazakhstan), Doctor of Law, Professor;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminology of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor.

EDITORIAL TEAM:

Bukalerova L. A. – Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (part-time work), Dsc. in Law, Professor;

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Golodov P. V. – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor;

Zubkova V. I. – Senior Researcher of the Laboratory for Social Studies and Comparative Law of the Moscow M. V. Lomonosov State University, Dsc. in Law, Professor;

Ishchenko E. P. – Head of the Department of Criminology of the Moscow State O.E. Kutafin Law University (Moscow State Law Academy), Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kozayev N. Sh. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Kovtunen L. V. – Associate Professor of the Department of Penal and Criminal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Kozachenko I. Y. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Malyshev K. B. – Professor of the Department of Sociology of the Vologda State University, Dsc. in Psychology, Associate Professor;

Nagornyykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panova O. B. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Mogilev State A. A. Kuleshov University (Republic of Belarus), Ph.D. in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law, of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Santashov A. L. – Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Sochivko D. V. – Professor of the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Moscow State Law O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Hatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Associate Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Public Law Disciplines of the National Research University "Higher School of Economics", Dsc. in Law, Professor.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	303	КУНИЦИН С. Н. Повышение эффективности прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования	381
БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА О. Б., МЯХАНОВА А. Н., СКИБАА П. Развитие правовой системы Китая: к вопросу о сочетании права и морали.	303	ГЕРАСИМЕНКО Н. И. Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности	388
НАУМОВ А. В. Об историческом опыте сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами.	309	СМИРНОВ А. В. Понятие и административно-правовая природа государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации	394
МЕШКО Г., ХАЦИН Р., ШИШИГИНА С. Н. Исследование самолегитимности тюремных работников в исправительных учреждениях Словении	315	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	400
ПОПОВ В. В., СМОЛЕВ С. М. Цели уголовного наказания как отражение современной уголовной политики	324	ЦВЕТКОВ В. Л., ХРУСТАЛЕВА Т. А. Психологические причины и условия отклоняющегося поведения подростков, находящихся в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей	400
ПРОНИНА М. П. Должностные преступления: особенности правоприменения	331	ПАНОВА О. Б., ЗАУТОВА Э. В., СОБОЛЕВ Н. Г. Психологические механизмы развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных	407
ЧЕРЕХОВИЧ М. М. Роль психологической работы в системе средств исправления осужденных	337	БОВИН Б. Г., КАЗБЕРОВ П. Н., БОВИНА И. Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности	415
КОСТЕРИН В. В. Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования	343	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	425
ГРИГОРЬЯН И. Г. Проблемы правового регулирования некоторых форм содействия государственных органов работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера.	349	МЕЩЕРЯКОВА Е. И. Принцип культуросообразности в профессиональной подготовке специалистов в ведомственных образовательных организациях.	425
САНТАШОВ А. Л., МУХТАРОВА Е. А., ТАНЦЮРА В. С. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла	353	БАБКИН А. А. Методика организации работы с буферами обмена данных в программном комплексе АКУС при обучении сотрудников территориальных органов на курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки начальников отрядов исправительных учреждений	431
МАШИНСКАЯ Н. В. Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения»	362	МАЗКИНА О. Б. Взаимосвязь нравственной позиции и социально-психологических особенностей личности в студенческом возрасте	437
КРЫМОВ В. А. Уголовно-процессуальное противодействие преступлениям: сущность, понятие и значение ..	368	НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ	445
ГОЛОДОВ П. В. Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования.	373	КУЗНЕЦОВ А. П. Отзыв на диссертационное исследование Карташова Сергея Васильевича на тему «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»	445

CONTENT

JURISPRUDENCE	303	KUNITSIN S. N. Improving the efficiency of prosecutorial supervision for the legality of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation	381
BALCHINDORZHIEVA O.B., MYAKHANOVA A. N., SKIBA A. P. Development of the Chinese legal system: on the issue of combining law and morality	303	GERASIMENKO N. I. Specifics of using the Internet in the investigation of extremist crimes	388
NAUMOV A. V. On the historical experience of preserving the territorial integrity of the state by criminal law means	309	SMIRNOV A. V. The concept and the administrative-legal nature of public service in the prosecutor's office of the Russian Federation	394
MESHKO G., HAZIN R., SHISHIGINA S. N. A qualitative study of the self-legitimacy of prison workers in Slovenian prisons	315	PSYCHOLOGY	400
POPOV V. V., SMOLEV S. M. The goals of criminal punishment as a reflection of modern criminal policy	324	TSVETKOV V. L., KHRUSTALEVA T. A. Psychological reasons and conditions of deviant behavior of juveniles in the temporary detention centers for minor delinquents	400
PRONINA M. P. Malfeasances: features of law enforcement	331	PANOVA O. B., ZAUTOVA E. V., SOBOLEV N. G. Psychological mechanisms of development of social intelligence of juvenile convicts	407
CHEREKHOVICH M. M. The role of psychological work in the system of means for correcting convicts	337	BOVIN B. G., KAZBEROV P. N., BOVINA I. B. Radicalisation in prison: social identity approach	415
KOSTERIN V. V. Criminal misdemeanor: assessment of embodiment forms and prospects of existence ..	343	PEDAGOGY	425
GRIGORYAN I. G. Problems of legal regulation of certain forms of state bodies assistance in the work of penal inspections on execution of penalties and other criminal measures	349	MESHCHERYAKOVA E. I. Cultural conformity principle in specialists' professional training in departmental educational organizations	425
SANTASHOV A. L., MUKHTAROVA E. A., TANTSYURA V. S. Legislative technique and its significance for lawmaking in the field of the branches of the criminal cycle	353	BABKIN A. A. Methods of organizing work with data exchange buffers in the AKUS software complex when training employees of territorial bodies in advanced training courses and professional retraining of units heads of the penal institutions	431
MASHINSKAYA N. V. Analysis of the project "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation"	362	MAZKINA O.B. The correlation between moral position and socio-psychological characteristics of the individual in the student age	437
KRYMOV V. A. Criminal procedural delinquency counteraction: essence, concept and meaning	368	SCIENTIFIC REVIEWS	445
GOLODOV P. V. Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research	373	KUZNETSOVA A. P. Review of the dissertation research by Sergey Vasilievich Kartashov on the topic «Criminal liability for illegal receipt and disclosure of information about commercial, tax or banking secrets»	445

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-303-309

УДК 34.01/343

Развитие правовой системы Китая: к вопросу о сочетании права и морали

О. Б. БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

А. Н. МЯХАНОВА

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-8998-7363>, e-mail: alex27-m@mail.ru

А. П. СКИБА

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, Санкт-Петербургский университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7953-9743>, e-mail: apskiba@mail.ru

Реферат. В статье рассматриваются особенности формирования в Китае верховенства права как управления обществом путем неукоснительного соблюдения законов, не подразумевающего субъективное усмотрение правоприменителей. Отдельно изучается развитие китайского законодательства, основанного на легистской теории методов управления, в том числе в правоохранительной сфере, под воздействием правил морали, принятых в обществе, что подразумевает понимание и одобрение населением при их применении. В настоящее время в Китае наблюдается некое гармоничное сочетание права и морали («управления на основе закона» и «управления на основе морали»), а само законодательство впитывает в себя правила морали, принятые в обществе, и развивается под их воздействием. Подход, имевший место в СССР, основанный на широком привлечении общественности к управлению государством, отправлению правосудия, обеспечению правопорядка, исполнению уголовных наказаний и иных мер воздействия к правонарушителям, в целом оправдывал себя, в том числе за счет применения мер общественного воздействия, базировавшегося на правилах морали. Китайский опыт свидетельствует о возможности в России всестороннего достижения целей применения уголовных наказаний в виде восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, предусмотренных в ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая система Китая; верховенство права; правила морали; цели применения уголовных наказаний.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Развитие правовой системы Китая: к вопросу о сочетании права и морали. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):303–309. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-303-309.

Development of the Chinese legal system: on the issue of combining law and morality

O. B. BALCHINDORZHIEVA

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

A. N. MYAKHANOVA

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-8998-7363>, e-mail: alex27-m@mail.ru

A. P. SKIBA

Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, St. Petersburg University of the Federal Penal Service of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7953-9743>, e-mail: apskiba@mail.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of the formation in China the «supremance of law» as the management of society through strict observance of laws, which does not imply the subjective discretion of law enforcement officials. The development of Chinese legislation based on the legal theory of management methods, including in law enforcement, under the influence of moral rules adopted in society, which implies understanding and approval of the population when applying them, is studied separately. Currently, in China, there is a kind of harmonious combination of law and morality («rule of law» and «governance on the basis of morality»), and the legislation itself absorbs the moral rules adopted in society and develops under their influence. The approach that took place in the USSR, based on the wide involvement of the public in governing the state, administering justice, ensuring law and order, the execution of criminal penalties and other measures of influence against offenders, as a whole justified itself, including through the use of measures of social influence based on the rules morality. The Chinese experience testifies to the possibility in Russia comprehensively achieving the goals of applying criminal penalties in the form of restoring social justice, correcting convicts and preventing the commission of new crimes provided for in Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: the law system of China; the supremacy of law; morality rules; the purpose of applying criminal penalties.

12.00.01 – Theory and history of law and state; History of doctrines about law and state.

For citation: Balchindorzhieva O.B., Myakhanova A. N., Skiba A. P. Development of the Chinese legal system: on the issue of combining law and morality. *Penitenciarная nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):303–309. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-303-309.

Современный Китай в начале XXI в. достиг не только заметных успехов в экономическом развитии и правоохранительной деятельности, но и ощутимого прогресса в различных сферах – науке, экологии, образовании и т. д. Одним из залогов этого успеха является устойчивое стремление к обеспечению верховенства закона с одновременным сохранением традиционной культуры Китая. В этом контексте для России интересен китайский опыт в данной сфере, особенно с учетом не всегда надлежащей эффективности исполнения законодательства, в том числе в правоохрани-

тельной сфере (уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, оперативно-розыскной и пр.), а также его качества [3; 6].

Об особенностях китайской цивилизации, при помощи которых достигается ее жизнестойкость, сказано уже много. Во-первых, это соблюдение традиций как способ создания нового не через разрушение старого, а путем одновременного сочетания и старого, и нового. Во-вторых, это принцип «переваривания», или «китаизации», чужеродных культур как главный метод использования достижений других цивилизаций. И законодательство Китая развивается на основе тех же принципов.

Духовная культура Китая отличается целостностью, охватывая практически все стороны традиционного китайского общества, в том числе политико-правовую культуру (включая законодательство), нормы и ценности. Традиционные китайские ценности непосредственно влияют, в частности, на развитие уголовного и иного законодательства, содержащего вопросы применения наказаний за совершенные преступления (похожая ситуация и в других дальневосточных странах с учетом их специфики [14, с. 20–23; 15, с. 339–340]).

Система ценностей китайского общества включает разносторонние взгляды, идеи и нравственные нормы конфуцианства, даосизма, легизма и буддизма, отличающиеся высокой степенью восприимчивости при сохранении своей самоидентичности [12, с. 41]. Среди основных нравственных ценностей можно выделить выполнение долга, самосовершенствование, уважение к традиции, почитание «дэ» (добродетель), трудолюбие, прагматизм.

Одним из важнейших принципов, оказывающих свое влияние на развитие правовой системы Китая, является традиционное требование о гармоничном сочетании права (внешнее принуждение) и морали (внутреннее убеждение). В этом случае китайское законодательство впитывает в себя правила морали, принятые в обществе, и развивается под их воздействием, что априори подразумевает понимание и одобрение населением при их применении.

Как известно, китайский философ Сюнь-цзы, развивая конфуцианское учение о способах государственного управления, приходит к идее о сочетании «ли» (ритуалов) и «фа» (законов). «Великий долг в управлении делами [государства] состоит в следующем: того, кто приходит с добрыми намерениями, следует встречать в соответствии с нормами ритуала; того же, кто приходит не с добрыми намерениями, следует встречать законами об уголовных наказаниях» [4, с. 150]. В дальнейшем Сюнь-цзы и другие представители конфуцианства обосновывают тезис о необходимости разумного сочетания наказаний и великодушного правления на основе нравственности, долга и справедливости. Это, на наш взгляд, приводит к идее о необходимости в России всестороннего достижения восстановления социальной справедливости как цели применения наказания по ст. 43 УК РФ.

В последнее время в Китае все больше внимания уделяется также проблеме обе-

спечения правопорядка. Проведение в жизнь данного курса неразрывно связывается с превращением страны в современное правовое государство, управляемое на основе закона, при сохранении руководящего статуса коммунистической партии и системы собраний народных представителей [8]. За годы реформ разработан значительный массив законодательных актов, регламентирующих все стороны экономической, государственной и общественной жизни.

Главным лозунгом XVIII съезда Компартии Китая стало выражение «фачжи» [10]. Официальные средства массовой информации (например, информагентство Синьхуа) перевели это выражение как верховенство права. Западные эксперты по Китаю полагают, что данный перевод не передает точного смысла тезиса о «фачжи». Так, в литературе можно найти такие варианты перевода: rule of law (верховенство права) и rule by law (правление в соответствии с законом). Дж. Чин – автор статьи «Верховенство права или правление в соответствии с законом?» – в свою очередь приводит высказывания экспертов, полагающих, что суть данного тезиса выражается в более расплывчатой фразе «依法治国» («управление страной на основе закона»).

Все же полагаем, что здесь речь идет именно о термине «法治», обозначающем верховенство права, как основополагающем принципе управления государством, вместо противоположной стратегии управления «人治» – «правление человека», что подразумевает, по нашему мнению, субъективизм в принятии юридически значимых решений. В этом случае значимость закона, впитавшего в себя китайские традиционные правила морали, для правоохранительных и иных правоприменительных органов становится практически абсолютной.

В китайской науке на начальном этапе реформ не утихали споры о том, что важнее для стабильности государства: опираться на власть мудрого правителя или на авторитет законов и правовой системы? В целом этот спор начался еще со времен Платона и Аристотеля, а в Китае – с конфуцианцев и легистов. Современная трактовка верховенства права означает, что управление должно основываться в первую очередь на неукоснительном соблюдении законов, не подразумевающих широкое субъективное усмотрение правоприменителей.

Анализ тезиса «依法治国» начинается с легистской трактовки методов управления, где «法» – закон – понимался в качестве средства управления. Возникновение

термина «法治» было связано с усилением государства, а целью легистов были «сильная армия и процветание Поднебесной», что подразумевало повышение роли верховенства и незыблемости закона.

Легизм был официальной идеологией империи Цинь, объединившей Китай в начале I тысячелетия. Основоположник легизма – Гуань Чжун – обосновывал идею, что законам должны подчиняться абсолютно все, включая правителя: «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые – все должны следовать закону» [11]. Впоследствии легизм из доктрины верховенства закона превращается в идеологию, опирающуюся на силу, устрашение, принуждение, что, на наш взгляд, отразилось и на карательной составляющей применяемых наказаний. По точному замечанию Гегеля, «идеи позднего легизма – не право, а подавление права» [2, с. 163].

Хань Фэй-цзы – систематизатор идей легизма – настаивал на том, что сила и благосостояние государства находятся в зависимости от применения «писаного закона» – кодекса правил поведения, составленного правителем и обязательного для исполнения подданными. Стоит отметить, что «воззрения легистов... являлись не консервативными, а скорее, эволюционистскими, по крайней мере, они отмечали изменчивость исторических условий. Действительно, в процессе развития общества изменяются материальные условия жизни, вместе с ними – законы и ритуалы» [1, с. 37].

В сфере правосудия легисты утверждали единые принципы: чиновникам при определении наказания предписывалось действовать в соответствии со строго определенными стандартами, не допускающими субъективного усмотрения правоприменителей. Однако из сферы действия закона исключался только правитель, а чиновники, как и все население, наказывались за нарушение закона соответствующим образом. Таким образом, привилегированным положением обладал только правитель, и закон для него был средством, способствующим утверждению абсолютной власти без учета правил морали. Такое отношение к закону оставалось неизменным в Китае на протяжении многих столетий.

В настоящее время подход к управлению обществом исключительно на основе закона остается неизменным, и содержание этого тезиса распространяется как в целом на дальнейшее совершенствование китайского законодательства, так и на реформу

судебной системы и прокуратуры. На этом фоне Коммунистической партией Китая принято решение о всестороннем развитии «управления на основе закона» в различных отраслях законодательства, что свидетельствует о продолжении строительства правового государства. Помимо этого, руководство страны продолжает работу над формированием правоохранительных и иных государственных органов, применяющих законодательство, совершенствованием организации набора законодателей, судей и прокуроров из числа квалифицированных юристов-специалистов, расширением деятельности и созданием судов и прокуратур, чья юрисдикция будет выходить за пределы административных единиц, созданием механизма борьбы с вмешательством различных должностных лиц в отправлении правосудия, включая оглашение подобных фактов и привлечение их к ответственности, улучшением судебной защиты прав человека, предоставлением прокурорам права инициировать судебные разбирательства в общественных интересах и т. п. [16, с. 100–101].

По мнению профессора Ху Цзяньмяо, «ожидается обогащение и обновление теории о социалистическом правопорядке с китайской спецификой, всестороннее продвижение строительства социалистической правовой системы с китайской спецификой, это станет веховым событием в истории китайского права» [17]. Проректор Китайского университета политических наук и юриспруденции профессор Ма Хуайдэ в свою очередь отметил, «что КПК впервые в партийном документе явно запретила чиновникам вмешиваться в судебные дела и пообещала привлечь нарушителей к ответственности» [7]. Представляется, что реализация вышеуказанных направлений станет реальным шагом к «法治» как реальному верховенству права, которое по-прежнему остается стратегической задачей для китайских властей.

Отметим, что «управление на основе закона», используемое сегодня в качестве основного руководящего принципа управления государством, не исключает другой традиционной для Китая концепции – «управления на основе морали», что, полагаем, актуально для России после развала советской системы управления с привлечением общественных институтов, в том числе в области профилактики преступлений и иных правонарушений, включая применение уголовных наказаний и иных мер. Еще с древних времен теория «управление на основе морали», базирующаяся на наци-

ональных традициях, противопоставлялась широко распространенным в то время легистским теориям.

Политические взгляды Конфуция основывались на теории так называемого «добродетельного (или морального) правления», которое было прямой противоположностью принципу законности легизма. Он говорил: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и исправится» [13, с. 298]. Представляется, что подобный подход, имевший место в СССР, основанный на широком привлечении общественности к управлению государством, отправлению правосудия, обеспечению правопорядка, исполнению уголовных наказаний и иных мер воздействия к правонарушителям, в целом оправдывал себя, в том числе за счет применения мер общественного воздействия, базировавшегося на правилах морали.

Таким образом, в Китае идее правления при помощи закона (то есть управления народом и его принуждения к каким-то действиям посредством кодифицированного закона) противопоставлялась идея морального правления (то есть нравственного воспитания народа и создания системы общественного контроля над ним на основе соблюдения ритуала и чувства стыда). Так, например, китайский исследователь Лю Юйнин отмечает, что одним из факторов, обеспечивающих равномерность и сбалансированность в развитии правовой систе-

мы, является наличие морали и нравственности в действиях независимых и грамотных юристов [19].

Конфуций также считал, что требования добродетельного правления более обоснованны и действенны. Он был глубоко убежден, что один лишь закон не способен удержать от совершения преступлений, а добродетельное управление взывает к нравственному исправлению, при всесторонней реализации которого преступления должны исчезнуть сами по себе. Это, по нашему мнению, теоретически соответствует исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений как целям применения наказаний по ст. 43 УК РФ и цели уголовно-исполнительного законодательства по ст. 9 УИК РФ.

Интересна точка зрения японского исследователя творчества Конфуция С. Каидзуки. По его мнению, «добродетельное правление» строилось на сознании отдельного человека, поскольку Конфуций считал фундаментом такого управления нравственное пробуждение индивида [5].

Вышеизложенные концепции позволяют утверждать, что одним из прогрессивных нововведений легистов следует признать их усилия по продвижению идеи национального самосознания. Но если они предлагали теорию управления, основанную лишь на внешнем подчинении законам, то Конфуций полагал, что необходимо воспитание внутренней убежденности в исполнении законов. В результате в настоящее время в Китае наблюдается некое гармоничное сочетание права и морали («управления на основе закона» и «управления на основе морали»), что актуально и для России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бальчиндоржиева, О. Б. Концепции государства в философских учениях Древнего Китая и их современное значение / О. Б. Бальчиндоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 32–38.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга 1 / Г. В. Ф. Гегель. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 349 с. – ISBN 5-02-028171-9.
3. Горбань, Д. В. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова [и др.] ; под общей редакцией А. А. Крымова ; под научной редакцией А. П. Скибы. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Криминологическая библиотека, 2018. – 296 с. – ISBN 978-5-6042048-0-1.
4. Древнекитайская философия. В 2 томах. Том 2 / составитель Ян Хин-шун. – Москва : Философское наследие, 1972. – 384 с.
5. Каидзука, С. Конфуций. Первый учитель Поднебесной / С. Каидзука // Проект Абирус. – URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/625/647/12514/> (дата обращения: 14.07.2014).
6. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общей редакцией А. А. Крымова ; под научной редакцией А. П. Скибы. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 407 с. – ISBN 978-5-238-03183-5.
7. КПК сформулировала новый план в сфере верховенства закона // Сайт Института Дальнего Востока РАН. – URL: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141024> (дата обращения: 01.11.2014).
8. Ли, Буюнь 依法治国” 有待厘清的法治概念 (Концепция «верховенства права» нуждается в уточнении) / Буюнь Ли // Caixin.com. – URL: <http://opinion.caixin.com/2014-08-20/100719449.html> (дата обращения: 01.11.2014).
9. Лю, Юйнин Модернизация правовой системы Китая / Юйнин Лю // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-pravovoy-sistemykitaya> (дата обращения: 04.05.2020).

10. Основные тезисы коммюнике 4-го пленума КПК 18-го созыва // Сайт Института Дальнего Востока РАН. – URL: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141024> (дата обращения: 01.11.2014).
11. Переломов, Л. С. Гуань Чжун / Л. С. Переломов // Китайская философия : энциклопедический словарь. – Москва : Мысль, 1994. – С. 77–78. – ISBN 5244007572.
12. Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – Москва : Наука, 1981. – 333 с.
13. Переломов, Л. С. Конфуций: Луньюй / Л. С. Переломов. – Москва : Восточная литература, 1998. – 588 с. – ISBN 5-02-018024-6.
14. Скиба, А. П. Виды наказаний и их содержание по Уголовному кодексу Корейской Народно-Демократической Республики (сравнительно-правовой анализ с отдельными нормами российского законодательства) / А. П. Скиба, А. В. Ковш, А. Н. Мяханова // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 10. – С. 20–23.
15. Скиба, А. П. Рецензия на издание, подготовленное А. В. Ковш и Ю. Д. Скрипник, на тему: «Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики» / А. П. Скиба, А. Н. Мяханова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 339–340.
16. Цырендоржиева, Д. Ш. Особенности реформирования органов государственной власти КНР / Д. Ш. Цырендоржиева, О. Б. Бальчиндоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2007. – № 11. – С. 100–101.
17. Эксперты: 4-й пленум КПК 18-го созыва станет вековым событием в истории китайского права // Сайт Института Дальнего Востока РАН. Новости. – URL: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141020> (дата обращения: 01.11.2014).

REFERENCES

1. Bal'chindorzhieva O. B. Концепции государства в философских учениях Древнего Китая и их современное значение [The concept of the state in the philosophical teachings of Ancient China and their modern meaning]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2020, no. 1, pp. 32–38. (In Russ.).
2. Gegel' G. V. F. *Lekcii po istorii filosofii. Kniga 1* [Lectures on the history of philosophy. Book 1]. St. Petersburg, 1993. 349 p. (In Russ.).
3. Krymov A. A., Skiba A. P. (red.) *Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyah stihijnogo bedstviya, vvedeniya chrezvychajnogo ili voennogo polozheniya* [Criminal executive legislation in the context of natural disaster, state of emergency or martial law]. Moscow, 2018. 296 p. (In Russ.).
4. *Drevnekitajskaya filosofiya. V 2 tomah. Tom 2* [Ancient Chinese philosophy. In 2 vol. Vol 2]. Moscow, 1972. 384 p. (In Russ.).
5. Kaidzuka S. *Konfucij. Pervyj uchitel' Podnebesnoj* [Confucius. The first teacher of the Middle Kingdom]. Available at: <http://www.abirus.ru/content/564/623/625/647/12514/> (accessed 14.07.2014). (In Russ.).
6. Krymov A. A., Skiba A. P. (red.) *Kollizii zakonodatel'stva Rossii i ryada stran (kratkij nauchnyj kommentarij)* [Collisions of the legislation of Russia and a number of countries (short scientific commentary)]. Moscow, 2018. 407 p. (In Russ.).
7. *KPK sformulirovala novyj plan v sfere verhovenstva zakona* [CPC Formulates New Rule of Law Plan]. Available at: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141024> (accessed 01.11.2014). (In Russ.).
8. Li Buyun' *«依法治國» 有待厘清的法治概念 (Konceptsiya «verhovenstva prava» nuzhdaetsya v utochnenii)* [«依法治國» 有待厘清的法治概念 (The concept of "rule of law" needs clarification)]. Available at: <http://opinion.caixin.com/2014-08-20/100719449.html> (accessed 01.11.2014). (In Russ.).
9. Lyu Yujin *Modernizatsiya pravovoj sistemy Kitaya* [Modernizing China's Legal System]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*, 2017, no. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-pravovoy-sistemykitaya> (accessed 04.05.2020). (In Russ.).
10. *Osnovnye tezisy kommyunike 4-go plenuma KPK 18-go sozyva* [Main theses of the communiqué of the 4th Plenum of the CPC of the 18th convocation]. Available at: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141024> (accessed 01.11.2014). (In Russ.).
11. Perelomov L. S. Guan' CHzhun [Guan Zhong]. *Kitajskaya filosofiya* [Chinese Philosophy]. Moscow, 1994, pp. 77–78. (In Russ.).
12. Perelomov L. S. *Konfucianstvo i legizm v politicheskoy istorii Kitaya* [Confucianism and Legalism in the Political History of China]. Moscow, 1981. 333 p. (In Russ.).
13. Perelomov L. S. *Konfucij: Lun'yuj* [Confucius: Lunyu]. Moscow, 1998. 588 p. (In Russ.).
14. Skiba A. P., Kovsh A. V., Myahanova A. N. *Vidy nakazaniy i ih sodержanie po Ugolovnomu kodeksu Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respubliki (sravnitel'no-pravovoj analiz s otdel'nymi normami rossijskogo zakonodatel'stva)* [Types of punishments and their content under the Criminal Code of the Democratic People's Republic of Korea (comparative legal analysis with certain norms of Russian legislation)]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal education and science*, 2018, no. 10, pp. 20–23. (In Russ.).
15. Skiba A. P., Myahanova A. N. *Recenziya na izdanie, podgotovlennoe A. V. Kovsh i YU. D. Skripnik, na temu: «Ugolovnyj kodeks Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respubliki»* [Review of the publication, prepared by A. V. Kovsh and Yu. D. Skripnik, on the topic «The Criminal Code of the Democratic People's Republic of Korea»]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 339–340. (In Russ.).
16. Cyrendorzhieva D. Sh., Bal'chindorzhieva O. B. *Osobennosti reformirovaniya organov gosudarstvennoj vlasti KNR* [Peculiarities of reforming public authorities of the PRC]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2007, no. 11, pp. 100–101. (In Russ.).
17. *Eksperty: 4-j plenium KPK 18-go sozyva stanet vekhovym sobytiem v istorii kitajskogo prava* [Experts: 4th Plenary Session of 18th CPC Will Become a Milestone in the History of Chinese Law]. Available at: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141020> (accessed 01.11.2014). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ОЮНА БАИРОВНА БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА – доцент кафедры философии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, доктор философских наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

OYUNA B. BALCHINDORZHIIEVA – Associate Professor of the Department of Philosophy of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation, Dsc. in Philosophy, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МЯХАНОВА – доцент кафедры уголовного права и криминологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, судья в отставке. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-8998-7363>, e-mail: alex27-m@mail.ru

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА – начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7953-9743>, e-mail: apskiba@mail.ru

ALEXANDRA N. MYAKHANOVA – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation, Retired Judge. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-8998-7363>, e-mail: alex27-m@mail.ru

ANDREY P. SKIBA – Head of the Department of Penal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the St. Petersburg University of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7953-9743>, e-mail: apskiba@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314

УДК 342.3

Об историческом опыте сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами

А. В. НАУМОВ

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

Реферат. В статье рассматривается исторический опыт сохранения территориальной целостности государства путем принятия уголовных законов. Делается это на примере двух таких попыток в истории российского государства: Временным правительством после Февральской революции 1917 г. и во время горбачевской перестройки в связи с решением союзных республик Прибалтики обрести государственную самостоятельность. В обоих случаях законодатели приняли строгие уголовные законы, которые, однако, оказались неспособными предотвратить нарушение территориальной целостности государства. Так, например, при Временном правительстве была усилена уголовная ответственность за насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России или «на отторжение от России какой-либо ее части» (виновные даже подвергались пожизненной или срочной каторге). Второй опыт, также неудачный, относится к весне 1990 г., когда прибалтийские республики (Литва, Латвия и Эстония) заявили о своей государственной независимости. На это немедленно отреагировал внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР, признав эти решения недействительными, поскольку они противоречили Конституции СССР. Общесоюзная власть, зафиксированная в решениях съездов народных депутатов, едва ли не откровенно объявляла республикам, что их выход из Союза ССР невозможен и надеяться им в этом смысле не на что. Так, в интервью для советского и французского телевидения в ноябре 1990 г. Президент СССР, признав, что Конституция СССР предусматривает право на самоопределение вплоть до отделения той или иной республики, и сославшись на существование особого механизма этого выхода, вместе с тем сказал, что страна не может разделиться. Итог этого законодательного «поединка» известен и датируется декабрем 1991 г.

Что же должен извлечь законодатель из этих исторических уроков? Самое главное, он должен усвоить, что существуют пределы возможностей уголовного закона в достижении политических и социально-экономических целей.

Ключевые слова: уголовный закон; социальные функции уголовного закона; территориальная целостность государства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Наумов А. В. Об историческом опыте сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):309–314. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314.

On the historical experience of preserving the territorial integrity of the state by criminal law means

A. V. NAUMOV

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

Abstract. The article examines the historical experience of preserving the territorial integrity of the state through the adoption of criminal laws. This is done using the example of two such attempts in the history of the Russian state (by the Provisional Government after the February Revolution of 1917 and during Gorbachev's perestroika in connection with the decision of the union republics of the Baltic states to gain state independence). In both cases legislators passed strict criminal laws, which, however, proved unable to prevent violation of the territorial integrity of the state. For example, under the Provisional Government criminal liability was increased for violent encroachments on changing the existing state system in Russia or "to tear away any part of it from Russia" (the perpetrators were even subjected to life or urgent hard labor). The second experience, also unsuccessful, dates back to the spring of 1990, when the Baltic republics (Lithuania, Latvia and Estonia) declared their state independence. The extraordinary Third Congress of People's Deputies of the USSR immediately reacted to this, recognizing these decisions as invalid as contrary to the Constitution of the USSR. The all-Union power, recorded in the decisions of the congresses of people's deputies, almost openly announced to the republics that their withdrawal from the USSR was impossible and they had nothing to hope for in this sense. So, in an interview for Soviet and French television in November 1990, the President of the USSR, recognizing that the Constitution of the USSR provides for the right to self-determination up to the secession of a republic and referring to the existence of a special mechanism for this exit, at the same time said that he had come to the conclusion, the country cannot be divided. The outcome of this legislative "fight" is known and dates back to December 1991.

What should a legislator learn from these historical lessons? Most importantly: he must firmly grasp that there are certain limits to the possibilities of criminal law to achieve political and socio-economic goals.

Key words: criminal law; social functions of the criminal law; territorial integrity of the state.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Naumov A. V. On the historical experience of preserving the territorial integrity of the state by criminal law means. *Penitencijarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):309–314. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314.

В истории России можно выделить несколько попыток сохранения территориальной целостности страны уголовно-правовыми средствами.

Так, при Временном правительстве, примерно через полгода после Февральской революции 1917 г., Постановлением от 4 августа была принята новая редакция ст. 100 и 101 Уголовного уложения. Тем самым была усилена уголовная ответственность за насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России или «на отторжение от России какой-либо ее части, или на смещение органов верховной государственной власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую» (виновный подвергался пожизненной или срочной каторге, а за пригото-

вление к этому преступлению – заключению в исправительном доме или в крепости, если же при приготовлении виновный имел в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, содеянное наказывалось каторгой до восьми лет).

Как оценить такое ужесточение уголовного закона? Было ли оно необходимым и своевременным? И если да, то почему, как свидетельствует история, оказалось безрезультатным? В принципе, Временное правительство верно оценивало сложившуюся ситуацию и главным противником стабилизации положения внутри страны и на фронте видело анархистов и большевиков, поэтому принимаемые правительством законодательные уголовно-правовые акты были в этом смысле своевременными и

необходимыми [6, с. 420–421]. Однако, как известно, существуют лишь два способа приведения принимаемых законов и иных нормативных актов в действие: во-первых, путем их добровольного исполнения теми, кому они адресуются (идеальный вариант); во-вторых, посредством их принудительного исполнения. Временное правительство не располагало ни первым, ни вторым, в результате уголовно-правовые нормы превращались в ничего не значащие слова.

Второй опыт, также неудачный, относится к весне 1990 г. [7, с. 410–417]. Прибалтийские республики стремились к независимости. 10–12 марта 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР объявил о «восстановлении независимости Литовского государства», «отмене действия Конституции Литовской ССР и Конституции СССР на территории республики». На это немедленно отреагировал внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР, признав эти решения недействительными, поскольку они противоречили ст. 74 («Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик. В случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР») и ст. 75 («Территория Союза Советских Социалистических республик едина и включает территории союзных республик. Суверенитет СССР распространяется на всю ее территорию») Конституции СССР. Съезд подтвердил конституционное право союзной республики на самоопределение, одновременно указав, что «союзная республика вместе с тем не может при выходе из него игнорировать вытекающие при этом политические, социально-экономические, территориальные, правовые и другие проблемы». В связи с этим съезд оценил «решения Верховного Совета Литовской ССР как не имеющие законной силы». В соответствии с постановлением съезда только что избранный Президент СССР направил телеграмму в адрес Верховного Совета Литовской ССР и Председателя Верховного Совета Литовской ССР следующего содержания: «Направляю Постановление внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР, принятое 15 марта 1990 г. В трехдневный срок сообщите о мерах по реализации данного Постановления».

Однако стороны расценили эту ситуацию по-разному. Привычного «вытягивания по стойке смирно» и рапорта «слушаюсь» со стороны руководства Литовской республики в ответ на президентскую команду не последовало. В свою очередь Центр объя-

вил Литве экономическую блокаду, которая ухудшила экономическое положение республики (а учитывая сложные хозяйственные связи, сложившиеся в Союзе, и не только этой республики) и вызвала новый виток конфронтации.

Сходную с Литвой позицию заняла Эстонская ССР, чей Верховный Совет принял 30 марта 1990 г. Постановление «О государственном статусе Эстонии», а 16 мая 1990 г. Закон «Об основах временного порядка управления Эстонией» и, наконец, в августе того же года Постановление Верховного Совета «Об отношениях Эстонской республики и Союза Советских Социалистических Республик», в которых были объявлены не действующими на территории Эстонии Конституция СССР, законы СССР и Конституция Эстонской ССР, а также было заявлено об отказе вести переговоры с Союзом ССР на базе этих правовых документов. Указом Президента СССР от 19 мая 1990 г. и Заявлением от 12 августа 1990 г. эти постановления были признаны неконституционными и объявлены недействительными с момента их принятия. Такие же законы приняла и Латвия. Аналогичным было реагирование Президента СССР и на эти решения.

Руководство СССР отдавало себе отчет в том, что центробежные тенденции союзных республик могли приобрести и насильственные формы их реализации. И средством противодействия таким тенденциям стал Закон СССР от 2 апреля 1990 г. «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР». В соответствии с ним устанавливалась, в частности, строгая уголовная ответственность за призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного и общественного строя или насильственному нарушению единства территории Союза ССР и рекомендовано данный уголовно-правовой запрет предусмотреть в законодательстве союзных республик. Но ни РСФСР, ни другие республики «не заметили» этой рекомендации союзных властей и продолжали начавшуюся борьбу с их зависимостью от Центра. Они (одна за другой) принимали декларации о суверенитете своих республик и пытались обрести государственную самостоятельность. В июне 1990 г. такую декларацию принял I Съезд народных депутатов РСФСР (следом подобные законы приняли парламенты Украины, Армении, Грузии, а также и некоторые автономные республи-

ки – Татарстан, Башкирия, Коми и др.). При этом в российском (РСФСР) законе определялось в числе прочего и следующее: «Верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступивших в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории...». Как видно, началась «война законов».

Какова же была реакция руководства СССР? 23 октября 1990 г. был принят Закон СССР «Об уголовной ответственности за блокирование транспортных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта», в соответствии с которым вводился (в числе других) новый уголовно-правовой запрет – умышленное блокирование транспортных коммуникаций путем устройства препятствий, установки постов либо иным способом, которое повлекло или могло повлечь нарушение нормальной работы железнодорожного, воздушного, водного, автомобильного или магистрального трубопроводного транспорта. Закон был направлен на предупреждение самовольного выхода республик из Союза ССР. Увы, как и другие законы, этот остался невыполненным (по крайней мере, республики никак на него не прореагировали), нисколько не изменилось и реальное положение в республиках с их неприятием любых директив, исходящих из Центра.

Для союзного Центра наступили трудные времена, в особенности при согласовании союзных и республиканских интересов. К началу I Съезда народных депутатов СССР, то есть к маю 1989 г., в стране уже четыре года велись разговоры о перестройке. Ее истинно экономическое содержание (рынок, разгосударствление и приватизация собственности, свобода предпринимательской деятельности) противоречило «выбору», сделанному в октябре 1917 г. Прибалтийские же республики просили у съезда разрешения на проведение своеобразного эксперимента в стране – отработку новой модели социально-экономического развития республик, основанной на региональном хозрасчете в условиях предполагаемого общесоюзного рынка [9, с. 75].

Формально экономическую самостоятельность прибалты получили. Практически же взаимоотношения Центра и республик оставались те же. Республики не захотели ждать того времени, когда радикальные экономические реформы начнут осущест-

вляться сверху, и недвусмысленно заявили о своем намерении выйти из Союза. Приезд партийно-правительственной делегации лишь усилил это намерение.

Как уже отмечалось, экономическая блокада ухудшила экономическое положение Литовской республики (а заодно и других республик, входящих в Советский Союз) и вызвала новый виток конфронтации. По нашему мнению, это ошибочное решение и стало причиной дальнейшего неблагоприятного развития событий. Центру надо было не чинить прибалтийским республикам препятствия, а *помочь* в их стремлении обрести государственную независимость, поставив при этом единственное условие – интересы иноязычного (некоренного) населения. Этот вариант прошел бы гораздо безболезненнее, мирно, с сохранением дружеских и экономических отношений.

Общесоюзная власть (в том числе и перестроечно-демократическая), зафиксированная в решениях съездов народных депутатов, едва ли не откровенно объявляла республикам, что их выход из Союза ССР невозможен и надеяться им в этом смысле не на что. Вспомним, что в интервью для советского и французского телевидения в ноябре 1990 г. Президент СССР М. С. Горбачев, признав, что Конституция СССР предусматривает право на самоопределение вплоть до отделения той или иной республики, и сославшись на существование особого механизма этого выхода, вместе с тем сказал, что страна не может разделиться.

Фактическая «война законов» (Союза ССР и республик) вызвала на страницах средств массовой информации оживленную дискуссию. По этому поводу высказывались: заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству К. Лубенченко [3], председатель Комитета общесоюзного парламента по вопросам законности и правопорядка Ю. Голик [1], председатель Комитета Верховного Совета СССР по законодательству Ю. Калмыков [2]. Было высказано немало дельных мыслей и предложений, однако, как это ни странно, во всех выступлениях «главкомов» общесоюзного парламента по законодательству, на наш взгляд, не нашлось места для объяснения *главной* причины неисполнения общесоюзных законов. Дело в том, что «безработные» законы нашего общесоюзного парламента и такие же указы Президента страны и не могли быть иными. Закон, как и нормативный акт любого иного ранга, *способен* стать «трудящимся» лишь при условии, если мо-

жет регулировать общественные отношения, на которые он рассчитан, то есть регулировать волевое поведение людей. Если этому требованию законы не отвечают, они, по справедливому выражению немодного сейчас К. Маркса, превращаются в «пачку бумаги» [4].

Как отмечалось, существуют лишь два способа приведения принимаемых законов в действие: путем добровольного исполнения теми, кому они адресуются (это идеальный вариант), и путем исполнения принудительного. Для первого способа нужно наличие соответствующих мотивов их исполнителей, для второго – способность реализовать санкцию, предназначенную за неисполнение закона. Объединив то и другое, получим желание и силу как необходимые исходные для реализации любого закона. Да, без реальной силы здесь не обойтись. И хотя на словах марксистская теория права всегда критиковала буржуазную школу позитивизма за ее основной тезис о том, что сущностью всякого права является приказ власти, адресованный к подчиненному под угрозой санкции в случае неисполнения приказа, в жизни (на практике) юристы, стоящие даже на ортодоксально марксистских позициях, всегда придерживались в основном позитивистских принципов. И если при принятии закона законодатель не располагает ни доброй волей тех, кому адресован закон, ни силой, способной заставить выполнять требования закона, он может (по тому же Марксу) произвести на свет лишь «мертворожденное дитя» [5, с. 157–181]. Проиллюстрируем эти *избитые* в правовом смысле, но *забытые* в то время нашими законодателями истины.

Законодатель должен твердо усвоить: существуют известные пределы возможностей уголовного закона в достижении политических и социально-экономических целей [8, с. 768]. Вернемся к временам горбачевской перестройки. На что, например, надеялся Президент СССР, издавая указ об изъятии в 15-дневный срок незаконно хранящегося оружия? Неужели не нашлось человека, который бы убедил Президента, что в существующих условиях такое требование неисполнимо, что сроки придется переносить, и значительно, и что, следовательно, принятие такого заведомо невыполнимого указа лишь дискредитирует президентскую власть. Организовать реализацию этого указа при всех даже самых чрезвычайных полномочиях ни за 15, ни за 115 дней было невозможно.

Но Центр исходил, судя по его законодательной деятельности, из уверенности в своей силе, республики же, скорее всего, – из предположения об отсутствии такой силы у Центра (под силой понимаем не карательную силу армии либо правоохранительных органов, а силу отлаженного механизма реализации принимаемых законов). Нагромождение же «безработных» законов и указов свидетельствовало о том, что республики были ближе к реальной оценке своей законодательной потенции.

На первый взгляд, для принципиальных различий между Центром и республиками не было достаточных оснований, и именно на таких позициях стоял, например, Центр. Все признают необходимость нового Союзного договора, который уже разрабатывается и который по-новому определит взаимоотношения. По мнению Центра, это общая, объединяющая посылка. В действительности же эта посылка не только не объединяла противоборствующие стороны, а напротив, *разъединяла* их. Парадокс? Вовсе нет, так как наш вывод закономерно вытекает из *разного* понимания сформулированной выше посылки, а главное, из практических действий Центра по ее реализации. Центр все время говорит об обновленном Союзе и постоянно обещает стать иным, увязывая свое преобразование с будущим Союзным договором и новой Конституцией СССР. На деле же поступает по-иному. Предыдущий анализ законов СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» и от 24 октября «Об обеспечении действия законов и иных законодательных актов Союза ССР» вполне подтверждает это.

Центр, ссылаясь на правовые принципы, исходит из того, что все его законы основаны на Конституции СССР, а декларации о суверенитете республик ей противоречат. Но можно ли их (декларации) на этом основании считать недействительными, отменить? Неуклюжие попытки Центра сделать это показали лишь слабость центральной власти и придали уверенность республикам. К оценке указанных деклараций республик о суверенитете Центру надо было подойти по-иному. Провозглашение республиками их суверенитета – это не только политическая, но и *правовая реальность*. Налицо было правовое двоевластие. Именно декларации являлись основой будущего Союзного договора. И Центру надо было бы не уповать на противоречие указанных деклараций действующей Конституции, а в значительной мере с ними счи-

таться. Конфронтации Центра и республик во многом можно было бы избежать, если принятие любого нового общесоюзного закона рассматривать как необходимый шаг вперед на пути создания нового по содержанию Союза республик, а не оставлять все по-прежнему, ссылаясь на то, что старая Конституция действует, а новый Союзный договор еще не заключен. Упреждать события можно и нужно, но не таким путем,

как это было сделано принятием Закона от 26 апреля 1990 г., то есть оставаясь на старых позициях.

Сторонникам возможного сохранения (при всех условиях) Союза ССР рассмотренные перестроечные примеры, конечно же, не могут понравиться. Но, увы, так распорядилась *история*, и лучше всего из этого извлечь уроки не столько на будущее, сколько в настоящем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голик, Ю. Какой закон главнее? / Ю. Голик // Известия. – 1990. – 12 авг.
2. Калмыков, Ю. Будут ли исполняться наши законы? / Ю. Калмыков // Известия. – 1990. – 11 нояб.
3. Лубенченко, К. Безработные законы / К. Лубенченко // Известия. – 1990. – 7 июля.
4. Маркс, К. Сочинения. В 30 томах. Том 6 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. – 762 с.
5. Наумов, А. В. Обретение свободы (правовая хроника перестроечных лет). – Москва : АС, 1992. – 255 с.
6. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России. В двух частях. Часть I / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 752 с. – ISBN 978-5-4396-0688-7.
7. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России. В двух частях. Часть II / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 656 с. – ISBN 978-5-4396-0688-7.
8. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 784 с. – ISBN 978-5-392-25751-5.
9. Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая – 9 июня 1989 г. : стенографический отчет. В 6 томах. Том 2. – Москва : Верховный Совет СССР, 1989. – 479 с. – ISBN 5-206-00082-5.

REFERENCES

1. Golik YU. Kakoj zakon glavnee? [Which law is more important?]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, August 12, 1990. (In Russ.).
2. Kalmykov YU. Budut li ispolnyat'sya nashi zakony? [Will our laws be enforced?]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, November 11, 1990. (In Russ.).
3. Lubenchenko K. Bezrabotnye zakony [Unemployed laws]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, July 7, 1990. (In Russ.).
4. Marks K., Engel's F. *Sochineniya v 30 tomah. Tom 6* [Works in 30 vol. Vol. 6]. Moscow, 1957. 762 p. (In Russ.).
5. Naumov A. V. *Obretenie svobody (pravovaya hronika perestroechnykh let)* [Gaining freedom (legal chronicle of the perestroika years)]. Moscow, 1992. 255 p. (In Russ.).
6. Naumov A. V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V dvuh chastyah. CHast' I* [Crime and Punishment in the History of Russia. In two parts. Part I]. Moscow, 2015. 752 p. (In Russ.).
7. Naumov A. V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V dvuh chastyah. CHast' II* [Crime and Punishment in the History of Russia. In two parts. Part II]. Moscow, 2015. 656 p. (In Russ.).
8. Naumov A. V. *Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. A common part]. Moscow, 2017. 784 p. (In Russ.).
9. *Pervyy s'ezd narodnykh deputatov SSSR, 25 maya – 9 iyunya 1989 . Stenograficheskij otchet v 6 tomah. Tom 2* [First Congress of People's Deputies of the USSR, May 25 – June 9, 1989. Verbatim report in 6 vol. Vol. 2]. Moscow, 1989. 479 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНАТОЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ НАУМОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Национальной премии по литературе в области права. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

ANATOLY V. NAUMOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the National Prize for Literature of Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

Исследование самолегитимности тюремных работников в исправительных учреждениях Словении¹

Г. МЕШКО

Мариборский университет, г. Марибор, Словения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7466-0042>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

Р. ХАЦИН

Мариборский университет, г. Марибор, Словения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-5422>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

С. Н. ШИШИГИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3158-9738>, e-mail: sshishigina@inbox.ru

Реферат. Статья освещает результаты научно-исследовательского проекта «Легитимность полицейской деятельности, уголовное правосудие и исполнение уголовных санкций», проведенного в 2013–2016 гг. при финансовой поддержке Словенского исследовательского агентства.

В последние годы исследователи самолегитимности в тюремной среде обратились к вопросу восприятия тюремными работниками самолегитимности и признали необходимость его углубленного изучения. Целью исследования стало изучение самолегитимности тюремных работников в контексте словенской тюремной среды. В первой части статьи вводится понятие самолегитимности тюремного персонала, рассматриваются теоретические аспекты двойственной природы легитимности, а также особенности самолегитимности в тюремной среде. При этом тюремный персонал включает в себя как тюремных служащих, так и специализированный персонал. Во второй части статьи представлены результаты качественного исследования самолегитимности тюремных работников, дается ее детальная характеристика. Анализ ответов тюремных служащих и специализированных работников касался вопросов легитимности, отношений с коллегами, руководителями, заключенными, а также стресса и субкультуры тюремного персонала.

Результаты исследования показали, что отношения между персоналом и заключенными играют жизненно важную роль в установлении и поддержании порядка в тюремной среде, а самолегитимность тюремного персонала является основой их успешного взаимодействия с заключенными.

Ключевые слова: легитимность; самолегитимность; тюремный работник; исправительные учреждения; заключенные.

12.00.08 – Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Мешко Г., Хацин Р., Шишигина С. Н. Исследование самолегитимности тюремных работников в исправительных учреждениях Словении. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):315–324. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-315-324.

¹ Эта статья основана на результатах научно-исследовательского проекта «Легитимность полицейской деятельности, уголовное правосудие и исполнение уголовных санкций», финансируемого Словенским исследовательским агентством (2013–2016 гг., грант № J5-5548).

A qualitative study of the self-legitimacy of prison workers in Slovenian prisons¹

G. MESHKO

University of Maribor, Maribor, Slovenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7466-0042>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

R. HAZIN

University of Maribor, Maribor, Slovenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-5422>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

S. N. SHISHIGINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3158-9738>, e-mail: sshishigina@inbox.ru

Abstract. The article is based on the results of the research project "Legitimacy of policing, criminal justice and execution of penal sanctions", carried out in 2013–2016 with financial support from the Slovenian Research Agency.

In recent years researchers on self-legitimacy in the prison environment have addressed the issue of prison officials' perception of self-legitimacy and recognized the need for an in-depth study. The aim of the study was to study the self-legitimacy of prison officials in the context of the Slovenian prison environment. The first part of the article introduces the concept of self-legitimacy of prison staff, examines the theoretical aspects of the dual nature of legitimacy, as well as the features of self-legitimacy in the prison environment. However prison staff includes both prison officials and specialized staff. The second part of the article presents the results of a qualitative study of the self-legitimacy of prison workers and gives its detailed characteristics. Analysis of responses from prison officials and specialist staff focused on issues of legitimacy, relationships with colleagues, leaders, prisoners, and the stress and subculture of prison staff.

The results of the study showed that the relationship between staff and prisoners plays a vital role in establishing and maintaining order in the prison environment and the self-legitimacy of prison staff is the basis of their successful interaction with prisoners.

Key words: legitimacy; self-legitimacy; prison worker; correctional institutions; prisoners.

12.00.08 – Criminal law, criminology, penal law.

For citation: Meshko G., Hazin R., Shishigina S. N. A qualitative study of the self-legitimacy of prison workers in Slovenian prisons. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):315–324. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-315-324.

Тюрьма представляет собой общество в обществе, состоящее из объектов, которые устанавливают различные формы общественных отношений в зависимости от признания или непризнания закона. Построение легитимности в тюрьме как особой форме социальной группы является сложным процессом, так как тюрьма представляет собой замкнутую систему [47]. Очевидно, что представители власти ищут признания их легитимности от субъектов, на которые направлена эта власть. Тюремный

персонал¹ [25] обладает властью и создает связь между заключенными и организацией, которая является важным элементом легитимности [50]. Создание и поддержание легитимности тюремного персонала по отношению к заключенным возможно только тогда, когда тюремные работники верят в обладание собственным правом «управления» – самолегитимность.

Самолегитимность – это процесс построения, подтверждения и сохранения определенной самооценки представителя власти.

¹ This paper is based on a research project 'Legitimacy of policing, criminal justice and execution of penal sanctions' financed by the Slovenian Research Agency (2013–2016, Grant No. J5-5548).

Представители власти вступают с аудиторией в диалог о легитимности с образом себя как уверенного в себе человека, и просто как представителя власти. Такой диалог в тюрьме основан на отношениях между тюремным персоналом и заключенными, которые устанавливаются в процессе повседневного взаимодействия. Традиционные модели самолегитимности предполагают, что она зависит от процедурной справедливости, отношений с коллегами, заключенными и законопослушности аудитории [8]. Из-за ограниченного числа исследований самолегитимности в тюремной среде незападных демократических обществ [2] неясно, применимы ли установленные модели ко всем тюремным системам.

Организационный стиль западных тюрем изменился с авторитарного на бюрократический [18]. Тем не менее в большинстве европейских стран усиливается уголовный популизм и растет запрос на ужесточение тюремных режимов. Словенской пенитенциарной системе с ее маленькими учреждениями, фокусом внимания на реабилитацию заключенных, открытостью режимов и малым тюремным населением удалось избежать этой тенденции. Она развилась из наследия югославской пенитенциарной системы, характеризующейся низким коэффициентом тюремного заключения, высоким профессионализмом работников, снисходительностью уголовных законов, ориентированностью на реабилитацию заключенных, удовлетворительными условиями содержания в тюрьме. Несмотря на сохранение некоторых форм обращения с заключенными из социалистической эпохи, словенские тюрьмы уделяют приоритетное внимание обеспечению безопасности, что можно видеть в растущем числе тюремных служащих, главная задача которых заключается в обеспечении охраны и безопасности, и в стагнации числа специализированных

¹ В данной статье термины «тюремный персонал» и «тюремный работник» используются как синонимы и относятся к тюремным служащим и специализированным сотрудникам. Специализированные сотрудники тюрьмы ответственны за реабилитацию заключенных, это специалисты из сферы социальной работы, педагогики, андрагогики, психологии и т. д. Тюремные служащие, которые представляют большинство работников тюрем, проходят подготовку в области безопасности и безопасного обращения с заключенными [25]. Термины «тюремный персонал» или «тюремный работник» относятся к обеим группам, за исключением случаев, когда отдельно указана какая-либо группа.

работников, которые несут ответственность за обращение с заключенными [1].

Легитимность, то есть принятие законной власти, основана на восприятии индивидом того, что другой человек обладает правом управлять [20]. А. Боттомс и Дж. Танкебе обращают внимание на двойственный характер легитимности, когда субъекты и представители власти находятся во взаимозависимых отношениях и аудитория, которая подчиняется представителям власти, должна предоставить им законную власть управлять [8]. Аудитория выполняет приказы и идентифицирует себя с представителем власти [4]. Легитимность власти проистекает не только из согласия всех сторон, но также из коллективных, моральных и нормативных ожиданий, которые все стороны явно или неявно признают [6]. Индивид верит в то, что власть является нравственной и справедливой, и, следовательно, он обладает моральным правом на власть. Так, представители власти стремятся установить свою легитимность.

Нормативная концепция легитимности представляет собой набор критериев, основанных на ценностях, через которые власти должны осуществлять свою власть [28]. Нормативные мотивы включают интернализацию отношений, согласуются с общечеловеческой системой ценностей и убеждений [33]. Тюремные работники как члены общества и представители пенитенциарной системы как законной организации в обществе стремятся передать свои ценности заключенным. Взамен заключенные, которые усваивают эти ценности и принимают их как свои собственные, считаются реабилитированными и больше не представляющими угрозы для общества (они больше не будут нарушать закон).

Для того чтобы осуществлять свою власть надлежащим образом, представители власти должны верить в свою легитимность. Самооценка представителей власти есть сочетание черт, ценностей, мыслей и чувств и в значительной степени формируется из восприятия того, что думают о них другие, и это соответствующим образом влияет на их действия [45].

Дж. Хепберн выделил пять видов власти: 1) принуждение, 2) вознаграждение, 3) эксперт, 4) референт и 5) легитимность [27]. В принудительных организациях поддержание порядка имеет решающее значение, и традиционное использование принудительной власти в тюрьмах было в значительной

степени заменено легитимной властью. Одной из составляющих стиля работы тюремного персонала (например, типология стилей работы [44] и типология подходов работников тюрьмы С. Тейта [52]) является способность разрешить этическую или моральную дилемму, касающуюся применения принуждения [23]. Достижение порядка в тюрьме, основанное на легитимности, не единственный путь, но он представляет собой альтернативу классическому поддержанию порядка, основанному на принуждении [49].

Самолегитимность в тюремном контексте

Тюрьма – это место, где отношения с властью наиболее ярко выражены из-за четкого различия между представителями власти и субъектами [17]. Законная власть тюремных работников не возникает исключительно из их положения, которое дает им полномочия командовать [27], но она также зависит от принятия заключенными того факта, что тюремные работники имеют право занимать эту должность [14].

Легитимность тюремного персонала и тюрьмы по отношению к заключенным может быть установлена тогда, когда работники верят в собственное право управления. Такая концепция самолегитимности основана: 1) на убеждении тюремных работников, что их положение в тюрьме оправданно (влияние моральных норм общества); 2) уверенности в собственной способности осуществлять власть, возложенную на них [38]. Самолегитимность является предпосылкой признания легитимности аудиторией, иначе возникнет срыв диалогического процесса между тюремным персоналом и заключенными, который влияет на качество их жизни, благосостояние и порядок в тюрьме [37].

Социальные отношения представляют собой основу самооценки человека [3]. В принудительной среде наличие доверия между коллегами необходимо, так как люди должны чувствовать себя в безопасности, быть уверенными в том, что коллеги придут им на помощь. Кроме того, принадлежность человека к группе приводит к развитию конкретных отношений, эмоций и определенному поведению внутри группы, а также к формированию субкультуры [5]. Поскольку большинство тюремных работников чувствуют себя непонятыми, их коллеги представляют собой группу людей, которые понимают их работу, фрустрации и стресс, оказывают необходимую поддержку, влияя на самолегитимность [51].

Эффективность работы тюремного персонала зависит от его отношений с руководителями. Пенитенциарные служащие хотели бы, чтобы руководители относились к ним справедливо или ценили их работу и помогали в решении проблем [15]. В таком случае ощущение самолегитимности усиливается. Работа как таковая и участие в принятии решений влияют на удовлетворенность службой, эффективность работы с заключенными [57]. Кроме того, поддержка тюремного персонала руководителями уменьшает дистанцию между ними, оказывает положительное влияние на их отношения с заключенными [42]. Данные отношения важны для обеспечения справедливости на микроуровне [54]. Тюремные работники часто устанавливают отношения с заключенными, которые выходят за рамки обычных рабочих отношений, включают в себя простые ежедневные взаимодействия [43]. Отношения между заключенными и тюремным персоналом основаны на индивидуализме, терпимости и доверии [22]. Их можно понимать как союз, ассоциацию, связь или зависимость [48]. Позитивные взаимодействия являются результатом доверия, уверенности и принятия [7]. Отношение тюремного персонала к заключенным рассматривается как фактор, способствующий самолегитимности тюремного персонала, и как продукт позитивного восприятия самолегитимности тюремного персонала; отношения между тюремным персоналом и заключенными, основанные на справедливости, уважении и открытом диалоге, рассматриваются как инструменты легитимности.

В пенитенциарной среде заключенные представляют собой аудиторию, которая влияет на легитимность представителей власти (тюремных работников). Установленные отношения должны быть основаны на высоком уровне доверия, так как персонал проводит большую часть своего рабочего дня с заключенными [16]. В противном случае снижается легитимность тюремного персонала [54].

Работа в тюрьме не только уникальна, сложна, напряженна, но и не престижна [13]. Ролевые конфликты, условия тюрьмы и опасности тюремной работы усиливают профессиональное выгорание [11]. Статус наблюдателя-контролера, степень контакта с заключенными и вклад в процесс принятия решений влияют на уровень стресса тюремного персонала [34]. Выгорание также оказывает влияние на индивидуальную самолегитимность человека [21].

Требования службы создают особую субкультуру. Идентификация с этими нормами вызывает идентификацию с группой и влияет на самолегитимность тюремного персонала. Они вступают в особую социальную группу циничных людей, которые испытывают подобные проблемы и обращаются друг к другу за поддержкой [38]. Идентификация с такими группами вызывает у индивида чувство принадлежности к этой группе и правомочность статуса представителя власти. Следовательно, тюремные работники должны избегать ситуаций, когда они могут подорвать авторитет своих коллег или создать пробелы в безопасности, которые могут быть использованы заключенными [55].

Тюремная среда – это мужской коллектив, где навыки и характеристики доминирующей группы (применение силы, в том числе физической) ценятся и уважаются, поскольку они очевидны по своей природе [12]. Как бы то ни было, неформальный контроль над заключенными опосредует применение силы в отношении заключенных [10]. Применение силы в тюрьме неизбежно, но ограничено. Позитивное восприятие самолегитимности работниками тюрьмы может обусловить методы принудительной власти в тюрьме или оправдать применение силы к заключенным. Мнение тюремных работников, считающих, что они представляют более высокий уровень нормативной действительности, чем государство, оправдывает их физическое насилие над заключенными в процессе наказания в качестве возмездия [9].

В последние годы исследователи самолегитимности в тюремной среде обратились к изучению факторов, которые способствуют восприятию тюремными работниками самолегитимности и признали необходимость углубленного изучения данного вопроса [26].

Исследование, которое описывается в статье, проводилось с согласия генерального директора пенитенциарной службы Словении, директоров отдельных тюрем, руководителей отделов и тюремных работников. Сбор данных осуществлялся с октября 2015 г. по март 2016 г. Структурированные интервью проводились во всех шести словенских тюрьмах (Целе, Доб, Иг, Копер, Любляна и Марибор), их отделениях (Иг, Мурска Собота, Новая Горица, Ново место, Пушчава, Рогоза и Словенска-Вас) и исправительном доме (Радече). Участие в интервью было добровольным. Каждое интервью занимало приблизительно 30 минут, ответы респондентов записывались вручную. Интервью были переведены со словенского на

английский язык, а затем проанализированы с использованием четырехэтапного анализа, описанного Месец: 1) редактирование материалов (перевод интервью в цифровой формат, редактирование и классификация их в регистре), 2) определение кодировки единицы (определение ключевых фраз и предложений путем анализа обобщенных текстов интервью), 3) открытое кодирование (определение концепций и категоризация данных из эмпирических описаний) и 4) выбор соответствующих концепций и категорий для дальнейших исследований [41].

Чтобы максимально снизить вероятность того, что респонденты будут давать социально желательные ответы во время интервью, им давались гарантии того, что их ответы останутся конфиденциальными.

Выборка составила 139 тюремных работников (78 тюремных служащих и 61 человек из специализированного персонала), или 18,2 % всех тюремных служащих в 2015 г.

Более двух третей респондентов были мужчины. Примерно 45 % работников тюрьмы были старше 45 лет, менее 6 % – в возрасте от 25 до 29 лет. Более четверти имеют среднее образование и около 60 % – высшее. Более 40 % имеют стаж работы в пенитенциарной системе 16 лет и более, почти 30 % – от 6 до 10 лет, примерно 18 % – 5 лет или меньше.

Анализ включал транскрипцию ответов тюремных служащих и специализированных работников по следующим вопросам: 1) легитимность, 2) отношения с коллегами, 3) справедливость руководящих и контролирующих органов, 4) отношения с заключенными и легитимность аудитории, 5) стресс и 6) субкультура тюремного персонала и применение силы.

Обратимся к результатам исследования.

1. Самолегитимность.

Тюремные работники связывают самолегитимность с характером своей работы, авторитетом и профессионализмом (эффективностью в своей работе). Характер работы повлиял на обе группы (тюремные служащие и специализированные работники) по-разному. Так, тюремные служащие уверены, что они обладают властью и обеспечивают безопасность, специализированный персонал тюрьмы фактически признал, что они добились лишь частичного успеха в реабилитации заключенных. Официальная тюремная статистика подтверждает эти выводы, так как нападения и побеги в словенских тюрьмах редки, а рецидив вырос в 2016 г. примерно до 50 % [56].

Большинство тюремных работников (88 %) воспринимают свою роль в пенитенциарной системе как позитивную и подчеркивают положительные аспекты (например, регулярную оплату труда, помощь заключенным и т. д.). Среди негативных факторов профессии отмечают риск, ролевые конфликты, беспомощность в определенных ситуациях и т. д., отсутствие уважения к профессии в обществе [36].

Большинство респондентов (96 %) подчеркнуло, что установление власти – это непрерывный процесс, который зависит от качества отношений с заключенными. Этот вывод подтверждает теоретическое предположение, что легитимность в тюрьмах основана на взаимопонимании и постоянном диалоге между тюремными работниками и заключенными [9].

Большинство тюремных работников (81 %) считают, что они обладают достаточными знаниями для выполнения своих обязанностей, что сказывается на их уверенности в себе, а также на физической и психологической силе [53]. Одновременно они подчеркивали необходимость постоянной дополнительной подготовки.

Тюремные работники отмечают также тот факт, что в определенных служебных ситуациях они должны импровизировать, чему способствует опыт работы. Они заявили, что работа становится легче с годами, что отражает влияние опыта.

2. Отношения с коллегами.

Большинство тюремных работников (89 %) считают, что их отношения с коллегами профессиональны и приемлемы, и это представляет важный элемент для эффективного обращения с заключенными. Они отмечают, что существует напряженность в отношениях между тюремными служащими и специализированными работниками, которая вытекает из профессиональных разногласий в отношении обращения с заключенными. За исключением тюремного персонала в некоторых небольших тюрьмах у тюремных работников в целом не сложились личные отношения с коллегами.

Почти половина тюремных работников (43 %) призналась, что не доверяет своим коллегам из других служб. Наличие доверия указывает на социальный капитал в отдельной группе тюремных работников [5]. Кроме того, тюремные работники подчеркивали, что доверие между коллегами крайне важно при работе с «опасными» лицами, поскольку оно дает им необходимую уверенность в себе для выполнения своей работы.

3. Справедливость руководящих и контролирующих органов.

Хорошие отношения между тюремными работниками и руководящими органами оказывают положительное влияние на социальный климат внутри организации. Мнения о справедливости руководителей значительно различались (примерно 60 % работников тюрем считают решения своих руководящих органов справедливыми). В более крупных тюрьмах тюремные работники считают, что руководящие органы не имеют достаточного представления об их работе, безразличны к выполнению ими обязанностей. В таких случаях руководство оказывает негативное влияние на самооценку и самолегитимность персонала [15].

Большинство тюремных работников (75 %) отметили тот факт, что их руководители обычно учитывают их потребности и предложения при принятии решений. Самостоятельная работа и участие в принятии решений влияют на удовлетворенность работой тюремных работников и, следовательно, на самолегитимность [57]. Они подчеркнули, что руководители в некоторых тюрьмах имеют ограниченные полномочия и не несут ответственности за каждое решение работников.

4. Отношения с заключенными и легитимность аудитории.

Тюремные работники считают, что их отношения с заключенными правильные и гуманные. В небольших тюрьмах респонденты сообщали о налаживании более личных отношений с заключенными, подчеркивали тот факт, что заключенные ценят уважительное отношение, которое не всегда является формальным [42]. Более того, они полагали, что каждый тюремный работник формирует свои отношения с заключенными, при этом он не должен давать обещания, которые не сможет выполнить. Эти выводы подтверждают идею о том, что отношения между тюремным персоналом и заключенными основаны на индивидуализме, прощении и доверии [21]. Кроме того, каждое позитивное взаимодействие с заключенными укрепляет самолегитимность тюремного работника [54].

Большинство тюремных работников (84 %) считают, что заключенные пытаются установить хорошие отношения с ними в целях получения выгоды [6].

Респонденты считают, что заключенные имеют хорошее мнение о них, при этом могут поменять свое мнение о сотрудниках, когда получают отрицательные отзывы или

привлекаются к дисциплинарным взысканиям [29].

5. Стресс.

Большинство тюремных работников (около 80 %) считают, что они испытывают стресс в работе, который уменьшается с накоплением опыта службы. Серьезный стресс, испытываемый тюремными работниками из-за враждебного и непредсказуемого характера рабочей среды [34], создает угрозу их самолегитимности и может привести к выгоранию. Также отмечают, что нехватка персонала является основной причиной стресса.

Более половины тюремных работников отметили, что они справляются со стрессом самостоятельно (различные увлечения, спорт). Только 16 % респондентов заявили, что коллеги оказывают им необходимую помощь в преодолении стресса.

6. Субкультура тюремного персонала и применение силы.

Более половины тюремных работников (65 %) считают, что среди них существуют субкультуры. Большинство респондентов, отметивших наличие определенных ценностей и кодекса поведения, работали в закрытых отделах тюрем. Это указывает на то, что суровые условия влияют на решение тюремного работника искать поддержки у тех людей, которые имеют с ним что-то общее [32].

Тюремные работники допустили оговорки по поводу применения силы к заключенным, и большинство из них (96 %) полагают, что применение силы допустимо только в качестве крайней меры в соответствии с тюремными правилами и по принципу постепенности. Примерно 60 % анкетированных оказывались в ситуациях, когда они должны были использовать силу или ограничительные средства для контроля над заключенными. Такого рода ситуации вызывали у них сильный стресс.

Сделаем некоторые выводы по результатам исследования.

Самолегитимность тюремного персонала – основа успешного диалога между тюремными работниками и заключенными. Общие выводы показали, что тюремные работники в словенских тюрьмах уверены в выполнении своих обязанностей, обладают достаточной компетентностью при осуществлении властных полномочий. Качество и непрерывность обучения во время работы оказывают влияние на их самооценку и, следовательно, восприятие самолегитимности [25]. Их самооценка проистекает

из уверенности в собственных возможностях и опыта работы с заключенными. Тем не менее были отмечены последствия «кризиса идентичности». Несмотря на ухудшение отношений с коллегами, формирование цинизма [46], тюремные работники чувствуют, что могут положиться на своих коллег и доверяют им профессионально. Взаимоотношения между коллегами в закрытых учреждениях в большинстве случаев не перерастают в дружеские, как предполагается в специализированной литературе [40]. Однако формируется социальный капитал и доверие к профессионализму коллег, который влияет на легитимность тюремных работников. Для тюремных работников их коллеги представляют собой группу людей, которые понимают особенности службы и могут оказать необходимую поддержку.

Выводы о справедливости руководящих органов неоднозначны. На уровне отдельной тюрьмы надзорные органы оказывают положительное влияние на самолегитимность работников тюрем. Небольшой размер тюрем позволяет руководящим органам взаимодействовать со своими подчиненными ежедневно, что дает им возможность развивать более близкие отношения и отстаивать свой авторитет и легитимность своего положения. Более того, «нахождение в окопах» вместе с тюремными работниками развивает у сотрудников чувство, что руководители заботятся об их благополучии и пытаются помочь им. С другой стороны, руководство администрации пенитенциарных учреждений оказывает негативное влияние на самолегитимность работников тюрем, поскольку они считают их решения ненужными, непрофессиональными, а иногда и просто ошибочными. Тюремные работники отметили, что незаинтересованность высшего руководства в решении их проблем и вызывает разочарование и чувство неполноценности, что приводит к ухудшению их самолегитимности. Такое разделение на «мы» и «они» было выявлено почти во всех тюрьмах и предполагает внутреннее разделение в организации [42].

Результаты показывают, что отношения между заключенными и тюремным персоналом находятся на очень высоком уровне. Гуманное обращение с заключенными отражается на взаимоотношениях в тюрьме. Основным продуктом работы тюремных работников является не безопасность, охрана или контроль, а личные взаимоотношения между собой и теми, кого они контролируют [23]. Более того, большинство служащих по-

лагали, что заключенные воспринимают их позитивно или, по крайней мере, нейтрально, но знали, что это восприятие значительно варьируется. Наши выводы аналогичны данным Дж. Гордона и А. Стичмана, которые утверждали, что тюремные работники, ориентированные на реабилитацию заключенных, считают, что их положение является законным и авторитетным для заключенных [24].

Тем не менее тюремные работники лишь частично добиваются успеха в реабилитации заключенных [58]. Стресс, который испытывают работники, способствует конфликтам, недобросовестной работе и неэффективной конфронтации тюремных работников с заключенными [19]. Полученные данные свидетельствуют, что стресс может быть причиной и следствием низкой самолегитимности. Последствия могут проявляться в неспособности установить власть над заключенными или справиться с проблемами тюремной работы.

Общее недовольство тюремных работников, вызванное большим объемом работы, неудовлетворенностью оплатой, которая не обеспечивает безопасность и достойную жизнь, является одним из основных факторов, влияющих на субкультуру среди тюремного персонала, субкультуру, которая характеризуется сплоченностью, схожими убеждениями и «духом товарищества» [37]. Такие убеждения были обнаружены примерно у двух третей респондентов. Однако следует отметить, что суровые условия оказывают преобладающее влияние на решение индивида усвоить нормы субкультуры. Другими словами, субкультура менее распространена в более либеральных тюремных режимах, где

отношения более спокойные, а «опасности» тюремной работы встречаются реже.

Применение силы по отношению к заключенным представляет собой самое большое препятствие в построении легитимности в тюрьме. Тюремным работникам, которые уверены в себе и видят себя представителями власти в тюрьме, не нужно применять силу, поскольку в глазах подчиняющихся им заключенных они представляют законную власть. Результаты показывают, что отношения (особенно отношения между тюремным персоналом и заключенными) играют жизненно важную роль в установлении и поддержании легитимности в тюремной среде.

Отношения между тюремным персоналом и заключенными представляют собой «бьющееся сердце тюрьмы» [37]. Тюремные работники пытаются внушить заключенным, что приговор, который они получили, справедлив и призван помочь им не совершать больше преступлений. Легитимность власти является причиной воздержания от преступного поведения при помощи органов правосудия [9]. Заключенные, которые признают легитимность тюремного персонала, принимают его право диктовать соответствующее поведение (заменяя собственное суждение). Отсутствие убеждений отдельных лиц в отношении легитимности закона (работники тюрьмы являются представителями закона) ведет к правонарушениям [30]. Кроме того, судебные решения, связанные с процессуальным правосудием, обуславливают повторность преступлений заключенных в будущем, что указывает на то, что не только законность, но и справедливость решения влияет на будущее поведение заключенного [31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Aebi M. F., Hacin R., Tiago M. M., Burkhardt Ch. Ch. A comparative perspective of imprisonment trends in Slovenia and Europe from 2005 to 2014. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo – Journal of Criminalistics and Criminology*, 2016, vol. 67, no. 4, pp. 430–442. (In English).
2. Akoensi T. D. Perceptions of self-legitimacy and audience legitimacy among prison officers in Ghana. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2016, vol. 40, no. 3, pp. 245–261. (In English).
3. Barbalet J. *Emotions, Social Theory and Social Structure*. Cambridge, 2001. (In English).
4. Barker R. *Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects*. Cambridge, 2001. (In English).
5. Bell C. M., Hughes-Jones J. Power, self-regulation and the moralization of behavior. *Journal of Business Ethics*, 2008, vol. 83, no. 3, pp. 503–514. (In English).
6. Beetham D. *The Legitimation of Power*. London, 1991. (In English).
7. Blasko B. L., Taxman F. Are supervision practices procedurally fair? Development and predictive utility of a procedural justice measure for use in community corrections settings. *Criminal Justice and Behavior*, 2018, vol. 45, no. 3, pp. 402–420. (In English).
8. Bottoms A., Tankebe J., 'A voice within'. Powerholders' perspectives on authority and legitimacy. *Legitimacy and Criminal Justice*. Oxford, 2013, pp. 60–82. (In English).
9. Bottoms A., Tankebe J. Beyond procedural justice. A dialogic approach to legitimacy in criminal justice. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2012, vol. 102, no. 1, pp. 119–170. (In English).
10. Bowker L. H. An essay on prison violence. *The Prison Journal*, 1983, vol. 63, no. 1, pp. 24–31. (In English).
11. Brie D. M. The impact of prison conditions on staff well-being. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2012, vol. 56, no. 4, pp. 81–95. (In English).
12. Britton D. M. Perceptions of the work environment among correctional officers. Do race and sex matter? *Criminology*, 1997, vol. 35, no. 1, pp. 85–105. (In English).

13. Brought P., Williams J. Managing occupational stress in a high-risk industry. Measuring the job demands of correctional officers. *Criminal Justice and Behavior*, 2007, vol. 34, no. 4., pp. 555–567. (In English).
14. Carson P. P., Carson K. D., Roe C. W. Social power bases. A meta-analytic examination of interrelationships and outcomes. *Journal of Applied Social Psychology*, 1993, vol. 23, no. 14, pp. 1150–1169. (In English).
15. Clay-Warner J. Organizational justice and job satisfaction. A test of three competing models. *Social Justice Research*, 2005, vol. 18, no. 4, pp. 411–427. (In English).
16. Crawley E. Emotion and performance. *Punishment & Society*, 2004, vol. 6, no. 4, pp. 411–427. (In English).
17. Cressey D. Prison organizations. *Handbook of Organizations*. Chicago, 1965, pp. 1023–1070. (In English).
18. Crewe B. *The Prisoner Society. Power, Adaptation and Social Life in an English Prison*. Oxford, 2009. (In English).
19. Finn P. Correctional officer stress. A cause for concern and additional help. *Federal Probation*, 1998, vol. 62, pp. 65–75. (In English).
20. French J. R. P. Jr., Raven B. The bases of social power. *Studies in Social Power*. Ann Arbor, 1959, pp. 259–269. (In English).
21. Garner B. K. Burnout among corrections-based drug treatment staff. Impact of individual and organizational factors. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2007, vol. 51, no. 5, pp. 510–522. (In English).
22. Genders E., Player E. *Grendon. A Study of a Therapeutic Prison*. Oxford, 1995. (In English).
23. Gilbert M. J. The illusion of structure. A critique of the classical model of organization and the discretionary power of correctional officers. *Criminal Justice Review*, 1997, vol. 22, no. 1, pp. 49–64. (In English).
24. Gordon J. A., Stichman A. J. The influence of rehabilitative and punishment ideology on correctional officers' perceptions of informal bases of power. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2015, vol. 60, no. 14, pp. 1591–1608. (In English).
25. Hacin R. Prison officers' training in Slovenia. *Conference Proceedings "Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe. Safety, Security, and Social Control in Local Communities"*. Ljubljana, 2016, pp. 148–159. (In English).
26. Hacin R., Meško G. Differences in perception of self-legitimacy between prison officers and specialized workers in Slovenian prisons. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo – Journal of Criminalistics and Criminology*, 2017, vol. 68, no. 4, pp. 424–436. (In English).
27. Hepburn J. The exercise of power in coercive organizations. A study of prison guards. *Criminology*, 1985, vol. 23, no. 1, pp. 146–164. (In English).
28. Hinsch W. Justice, legitimacy, and constitutional rights. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 2010, vol. 13, no. 1, pp. 39–54. (In English).
29. Jennes V., Calvitam K. 'It depends on the outcome'. Prisoners, grievances, and perceptions of procedural justice. *Law & Society Review*, 2018, vol. 52, no. 1, pp. 41–72. (In English).
30. Hirschi T. *Causes of Delinquency*. Berkeley, 1969. (In English).
31. Kaiser K., Reisig M. D. Legal socialization and self-reported criminal offending. The role of procedural justice and legal orientations. *Journal of Quantitative Criminology*, 2019, vol. 35, iss. 1, pp. 135–154. (In English).
32. Kauffman K. *Prison Officers and Their World*. Cambridge, 1988. (In English).
33. Kelman H. C. Prison officers and their world. *Public Opinion Quarterly*, 1961, vol. 25, pp. 57–78. (In English).
34. Lambert E. G., Hogan N. L., Cheeseman K., Barton-Bellessa Sh. M. The relationship between job stressors and job involvement among correctional staff. A test of the Job Strain Model. *The Howard Journal of Criminal Justice*, 2013, vol. 52, no. 1, pp. 125–146. (In English).
35. Lambert E. G., Jiang Sh. Sh., Hogan N. A preliminary examination of the relationship between organizational structure and emotional burnout among correctional staff. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 2010, vol. 49, no. 2, pp. 125–146. (In English).
36. Lasky G. L., Gordon B. C., Srebalus D. J. Occupational stressors among federal correctional officers working in different security levels. *Criminal Justice and Behavior*, 1986, vol. 13, no. 3, pp. 317–327. (In English).
37. Liebling A. Distinctions and distinctiveness in the work of prison officers. Legitimacy and authority revisited. *European Journal of Criminology*, 2011, vol. 8, no. 4, pp. 484–499. (In English).
38. Liebling A., Arnold H. *Prisons and Their Moral Performance. A Study of Values, Quality, and Prison Life*. Oxford, 2005. (In English).
39. Liebling A., Price D. *The Prison Officer*. Cambridge, 2001. (In English).
40. Liebling A., Price D. *An Exploration of Staff-Prisoners Relationships at HMP Whitemoor*. London, 1999. (In English).
41. Meseč B. *Uvod v kvalitativno raziskovanje v socialnem delu* [Introduction to qualitative research in social work]. Ljubljana, 1998. (In Slovenian).
42. Meško G., Čuvan B., Tankebe J., Sifrer J. Samozaznava legitimnosti policistov in pravosodnih policistov v Sloveniji. Perspektive postopkovne pravičnosti nadrejenih, odnosov s sodelavci in zaznane legitimnosti policije v javnosti [Self-perception of the legitimacy of police officers and judicial police officers in Slovenia. Perspectives of procedural justice of superiors, relations with colleagues and perceived legitimacy of the police in public]. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo – Journal of Criminalistics and Criminology*, 2014, vol. 65, no. 3, pp. 221–231. (In Slovenian).
43. Moon B., Maxwell S. R. Assessing the correctional orientation of correctional officers in South Korea. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2004, vol. 48, no. 6, pp. 729–743. (In English).
44. Muir W. *Police. Streetcorner Politicians*. Chicago, 1977. (In English).
45. Pan P. J. D., Deng L. Y., Chang S. S., Jiang K. J. 'Correctional officers' perception of a solution-focused training program. Potential implications for working with offenders. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2011, vol. 55, no. 6, pp. 863–879. (In English).
46. Poole E. D., Regoli R. M. Work relations and cynicism among prison guards. *Criminal Justice and Behavior*, 1980, vol. 7, no. 3, pp. 303–314. (In English).
47. Reiter K. Making windows in walls. Strategies for prison research. *Qualitative Inquiry*, 2014, vol. 20, no. 4, pp. 417–428. (In English).
48. Shapira R., Navon D. Staff-inmate co-operation in Israeli prisons. Towards a non-functionalist theory of total institutions. *International Review of Modern Sociology*, 1985, vol. 15, no. 1/2, pp. 131–146. (In English).
49. Sparks R., Bottoms A. E., Hay W. *Prisons and the Problem of Order*. Oxford, 1996. (In English).
50. Steiner B., Wooldredge J. Inmate versus environmental effects on prison rule violations. *Criminal Justice and Behavior*, 2008, vol. 35, no. 4, pp. 438–456. (In English).
51. Stern V. *Bricks of Shame*. London, 1987. (In English).
52. Tait S. A typology of prison officer approaches to care. *European Journal of Criminology*, 2011, vol. 8, no. 6, pp. 440–454. (In English).
53. Tankebe J. Rightful authority. Exploring the structure of police self-legitimacy. *Crime, Justice and Social Order. Essays in Honour of A. E. Bottoms*. Oxford, 2014, pp. 1–30. (In English).

54. Tyler T. R. *Why People Obey the Law*. London, 1990. (In English).
55. Trammel R., Rundle M. M. The inmate as the nonperson. Examining staff conflict from the inmate's perspective. *The Prison Journal*, 2015, vol. 95, no. 4, pp. 472–492. (In English).
56. *Uprava Republike Slovenije za izvrševanje kazenskih sankcij. Letno poročilo 2016, 2017* [Administration of the Republic of Slovenia for the Execution of Criminal Sanctions. Annual Report 2016, 2017]. Available at: https://www.gov.si/assets/organi-v-sestavi/IRSSS/POROCILA/51fab39528/Letno_porocilo_IRSSS_2017.pdf (accessed 02.06.2018). (In Slovenian).
57. Wright K. N. Job control and occupational outcomes among prison workers. *Justice Quarterly*, 1997, vol. 14, no. 3, pp. 525–546. (In English).
58. Wacquant L. The prison is an outlaw institution. *The Howard Journal of Criminal Justice*, 2012, vol. 51, no. 1, pp. 1–15. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ГОРАЗД МЕШКО – профессор Мариборского университета, г. Марибор, Словения, доктор юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7466-0042>, e-mail: gorazd.mesko@fv.uni-mb.si

РОК ХАЦИН – доцент Мариборского университета, г. Марибор, Словения. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-5422>, e-mail: gorazd.mesko@fv.uni-mb.si

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ШИШИГИНА – научный сотрудник организационно-научного отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3158-9738>, e-mail: sshishigina@inbox.ru

GORAZD MESHKO – Professor of the University of Maribor, Maribor, Slovenia, Doctor of Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7466-0042>, e-mail: gorazd.mesko@fv.uni-mb.si

ROCK HAZIN – Associate Professor at the University of Maribor, Maribor, Slovenia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-5422>, e-mail: gorazd.mesko@fv.uni-mb.si

SVETLANA N. SHISHIGINA – Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3158-9738>, e-mail: sshishigina@inbox.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-324-330

УДК 343.2/7

Цели уголовного наказания как отражение современной уголовной политики

В. В. ПОПОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8065-9168>, e-mail: marfvvp@yandex.ru

С. М. СМОЛЕВ

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5962>, e-mail: ssmolev35@yandex.ru

Реферат. Представленная статья посвящена вопросам раскрытия содержания целей уголовного наказания, анализу возможностей их действительного достижения при практической реализации уголовного наказания, определению политико-правового значения обозначенных в законодательстве целей уголовного наказания.

Цель наказания как дефиниция уголовного законодательства была сформирована относительно недавно, несмотря на то что теории уголовного наказания и целей его применения стали формироваться задолго до нашей эры. Эти доктринальные учения, в сущности, сводятся к определению двух диаметрально противоположных целей уголовного наказания: воздаяние и предупреждение. Государство же определяет приоритет той или иной цели наказания, назначаемого за совершение преступления.

Уголовная политика России в целом ориентирована на смягчение уголовно-правового воздействия, реализуемого в отношении преступника. Одним из проявлений данного направления является официально заявляемая гуманизация действующего уголовного законодательства. Однако на протяжении нескольких лет она идет по пути изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации: введение дополнительных возможностей освобождения от уголовной ответственности и наказания, снижения пределов наказаний, указанных в санкциях статей Особенной части УК РФ, и включения в систему уголовных наказаний видов мер, не предпо-

лагающих изоляцию от общества. В то же время цели уголовного наказания законодательно не пересматриваются, хотя потребность в таком решении уже назрела.

На основании рассмотрения высказанных в научной литературе мнений относительно сущности перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей наказания определено, что каждая из них подвергается обоснованной критике ввиду абстрактности описания или невозможности достижения в процессе правоприменительной (уголовной и уголовно-исполнительной) деятельности. Данное обстоятельство порождает необходимость пересмотра содержания целей уголовного наказания и определения одной приоритетной цели, отвечающей потребностям современной российской уголовной политики.

В результате обосновывается вывод, что единственной целью уголовного наказания может быть признано обеспечение соразмерности между строгостью назначаемого наказания и общественной опасностью (вредоносностью) совершенного преступления. Данный подход к определению цели уголовного наказания полностью соответствует тенденциям современной уголовной политики России, поскольку не допускает применения мер, строгость которых по объему лишений и правоограничений явно превосходит общественную опасность совершенного деяния. Кроме этого, именно соразмерность, а не предупреждение положена в основу справедливости – одного из основополагающих принципов уголовного права.

Ключевые слова: уголовное наказание; восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; общая и частная превенция; уголовная политика; гуманизация уголовного законодательства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Попов В. В., Смолев С. М. Цели уголовного наказания как отражение современной уголовной политики. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):324–330. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-324-330.

The goals of criminal punishment as a reflection of modern criminal policy

V. V. POPOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8065-9168>, e-mail: marfvvp@yandex.ru

S. M. SMOLEV

Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5962>, e-mail: ssmolev35@yandex.ru

Abstract. The presented study is devoted to the issues of disclosing the content of the goals of criminal punishment, analyzing the possibilities of their actual achievement in the practical implementation of criminal punishment, determining the political and legal significance of the goals of criminal punishment indicated in the criminal legislation.

The purpose of punishment as a definition of criminal legislation was formed relatively recently, despite the fact that theories of criminal punishment and the purposes of its application began to form long before our era. These doctrinal teachings, in essence, boil down to defining two diametrically opposed goals of criminal punishment: retribution and prevention. The state, on the other hand, determines the priority of one or another goal of the punishment assigned for the commission of a crime.

The criminal policy of Russia as a whole is focused on mitigating the criminal law impact on the offender. One of the manifestations of this direction is the officially declared humanization of the current criminal legislation of the Russian Federation. However, over the course of several years, the announced "humanization of criminal legislation" has followed the path of amending and supplementing the Criminal Code of the Russian Federation: introducing additional opportunities for exemption from criminal liability and punishment, reducing the limits of punishments specified in the sanctions of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, and including in the system of criminal punishments of types of measures that do not imply isolation from society. At the same time the goals of criminal punishment are not legally revised, although the need for such a decision has already matured.

Based on consideration of the opinions expressed in the scientific literature regarding the essence of those listed in Part 2 of Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, the goals of punishment are determined that each of them is subject to reasonable criticism in view of the abstract description or the impossibility of achieving in the process of law enforcement (criminal and penal) activities. This circumstance gives rise to the need to revise the content of the goals of criminal punishment and to determine one priority goal that meets the needs of modern Russian criminal policy.

According to the results of the study the conclusion is substantiated that the only purpose of criminal punishment can be considered to ensure proportionality between the severity of the punishment imposed and the social danger (harmfulness) of the crime committed. This approach to determining the purpose of criminal punishment is fully consistent with the trends of modern criminal policy in Russia, since it does not allow the use of measures, the severity of which, in terms of the amount of deprivation and legal restrictions, clearly exceeds the social danger of the committed act. In addition, it is proportionality, not prevention, that underlies justice – one of the fundamental principles of criminal law.

Key words: criminal punishment; restoration of social justice; correction of the convicted person; general and private prevention; criminal policy; humanization of criminal legislation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Popov V. V., Smolev S. M. The goals of criminal punishment as a reflection of modern criminal policy *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):324–330. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-324-330.

Определение цели любой деятельности имеет важнейшее значение, поскольку отсутствие представления о результате, к которому следует стремиться, изначально обрекает любое начинание на бесплезность. Даже если итог этой деятельности принесет кому-либо пользу, то подобный факт будет являться счастливой непрогнозируемой случайностью. Поэтому понимание цели деятельности одновременно с точным указанием критериев ее достижимости – это обязательное условие, которое должно быть выполнено еще на этапе планирования предстоящих действий [6, с. 75–85].

Государственно-правовая деятельность, связанная с назначением и исполнением уголовного наказания, не является исключением изданного правила. Более того, официальное определение цели (целей), которую государство и общество преследуют в результате реализации соответствующей меры уголовной ответственности, отражает не только результат исполнения обвинительного приговора, но и указывает на приоритетные направления уголовной политики в целом.

Многочисленные исследования содержания целей уголовного наказания свидетельствуют, что они, к сожалению, лишены практической значимости. Предусмотренные в ч. 2 ст. 43 УК РФ виды целей уголовного наказания представляют собой, скорее, предмет научной дискуссии, нежели достижимые результаты установления и реализации уголовного наказания. Ни одна из заявленных в уголовном законодательстве целей безоговорочно не принимается ни научным сообществом, ни

практикующими юристами ввиду содержательной неопределенности, невозможности установления момента достижения и (или) неспособности обеспечения реализации именно уголовно-правовыми средствами. Все это позволяет усомниться в корректности формулирования целей уголовного наказания, которые предусматриваются действующим уголовным законом.

Первой из списка законодательно заявленных целей наказания является восстановление социальной справедливости, которая созвучна с принципом справедливости, предусмотренным ст. 6 УК РФ. Но если в качестве принципа данная формулировка сомнений не вызывает, то в качестве цели уголовного наказания ее использование представляется неудачным. Многие авторы обращают внимание на отсутствие должной определенности «социальной справедливости», которая как цель наказания должна иметь не допускающее вариативного толкования содержание и предельно четкие критерии достижимости. В то же время «социальная справедливость» является крайне абстрактной категорией, которая не может восприниматься одинаково различными членами общества и тем более сторонами уголовного процесса: потерпевшим, осужденным, властным субъектом. Данное сомнение может подтверждаться уже тем, что значительное количество обвинительных приговоров обжалуется в апелляционном, кассационном и надзорном порядке (исключение составляет решения, вынесенные при рассмотрении уголовного

дела в особом порядке судебного разбирательства [11, с. 57–59]).

Отсутствие ясного понимания категории «справедливость» влечет за собой и невозможность определения критериев ее достижимости при назначении и (или) в процессе исполнения уголовного наказания. Сомнительность вызывает и возможность «восстановления» чего-либо посредством уголовного наказания. Общеизвестно, что уголовное наказание в соответствии с действующим законодательством России не предполагает какой-либо компенсации причиненного вреда или возврата к состоянию соответствующих отношений, имевших место до момента совершения преступного посяательства. Отсюда следует, что уголовное наказание априори не способно восстановить нарушенные общественные отношения, компенсировать имущественный вред и (или) иным образом обеспечить возврат участников уголовных правоотношений в первоначальное состояние. Эти обстоятельства указывают на дискуссионность решения об обозначении восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания.

Не менее спорно решение о признании исправления осужденного в качестве цели уголовного наказания. Исследователи, поддерживающие идею обязательного исправления, средством которого является назначенное преступнику уголовное наказание, указывают, что достижение данной цели констатируется фактами правоупотребительного поведения и осуществлением общественно полезной деятельности осужденного. По мнению специалистов, данные факты сводятся преимущественно к совершенствованию трудовых навыков, поддержанию социально полезных связей, возмещению причиненного ущерба, раскаянию в совершенном преступлении и др. [1, с. 177; 12, с. 42–45; 16, с. 15; 19, с. 56].

Все перечисленное в действительности представляет собой характеристику поведения осужденного в определенных условиях содержания при отбывании назначенного уголовного наказания. Данное поведение может быть вызвано стремлением лица добиться применения уголовно-правовых поощрений в виде положительного решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, переводе в условия отбывания наказания, предполагающие меньший объем правоограничений, и др. Однако гарантировать позитивное изменение нравственного облика осужденного приводимые

в научной литературе «факты исправления» в действительности не могут.

Правовое содержание исправления осужденного сводится к формированию у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду и т. д., а также к стимулированию правоупотребительного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). Ввиду содержательной аморфности признать исправление осужденного состоявшимся достаточно сложно. В общеупотребительном значении термин «исправление» предполагает достижение каких-либо улучшений и освобождение от ранее имевшихся недостатков. Это вполне можно распространить на предметы нематериального мира, но говорить в таком контексте об исправлении, предметом которого выступает человек, полагаем, неэтично. Исправление как категория педагогической науки предполагает, по мнению С. В. Познышева, изменение к лучшему сознания и мировоззрения человека, удерживающее его от совершения преступлений, уничтожающее дурные привычки и др. [14, с. 35].

Разделяем приведенное мнение и считаем, что исправление во внешней среде может проявляться как отказ лица совершать новые преступления (при этом наблюдается полное совпадение по содержанию с целью частной превенции), однако объективно данный показатель может быть охарактеризован только после смерти лица, отбывшего уголовное наказание. Результаты обзоров судебной практики полностью подтверждают данный вывод: любые внешние положительные проявления в поведении осужденного могут выступать средством защиты его интересов, но при этом никак не связываться с положительными изменениями его личности и следованием по пути исправления [15, с. 230]. Вот почему предложения о практическом установлении факта достижения исправления осужденного как цели уголовного наказания видятся нам неубедительными.

Наконец, признание предупреждения новых преступлений, несмотря на его безусловную социальную значимость, также не бесспорно. На протяжении всей истории применения уголовного законодательства человечеству не удалось обеспечить достижение данного результата, хотя средства для его достижения использовались самые разнообразные – от наиболее мягких и до ужасающе жестоких. Обеспечить частную или общую превенцию с помощью уголовного наказания, думается, невозможно, поскольку, по обоснованному заявлению Э. Дюркгейма и его последователей, пре-

ступность является неотъемлемой частью отношений, имеющих место в любом обществе, и не зависит от степени его цивилизованности. Поэтому преступность неискоренима [2, с. 83]. Им же указывалось, что наказание не может преследовать цель уничтожения преступности в обществе, так как преступление не является какой-либо социальной патологией [2, с. 88]. В этой связи заявление, что уголовное наказание должно или может обеспечить предупреждение новых преступлений, является популизмом. В действительности предупреждение преступности представляет собой долгосрочную деятельность государственных органов и общественных институтов, для обеспечения которой привлекается значительное количество социально-правовых, экономических и иных ресурсов. Поэтому заявление о возможности предупредить совершение новых преступлений путем назначения уголовного наказания безосновательно.

Итак, анализ высказанных в научной литературе предложений о возможности точного установления момента достижения той или иной цели уголовного наказания свидетельствует о том, что на практике (а в ряде случаев и в теории) установить факт действительного достижения восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений не представляется возможным. Вызвано это абстрактностью законодательных формулировок, которые были использованы при регламентации целей уголовного наказания, что выступает серьезным препятствием не только для достижения заявленных в УК РФ целей наказания, но и для эффективности уголовного правоприменения в целом [3, с. 108; 9, с. 65].

По этой причине современное уголовное законодательство нуждается в основательном пересмотре и корректировке содержания официальных целей уголовного наказания. При их определении следует учесть доказанный в теории целеполагания вывод, в соответствии с которым предпочтительнее формулировать одну цель той или иной деятельности [7, с. 216–221], тогда как задачи, направленные на ее достижение, могут быть представлены неким множеством [5, с. 10]. Исходя из этого, заявленная в УК РФ цель исправления осужденного в действительности является задачей, направленной на достижение частной превенции. Восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений по своему содержанию могут

рассматриваться в качестве целей уголовного наказания, однако утверждения об их реальном достижении посредством назначения и применения наказания являются утопичными [4, с. 90–93].

При формулировании цели уголовного наказания необходимо учитывать безальтернативное нормативное требование, в соответствии с которым только УК РФ является единственным источником отечественного уголовного законодательства (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Исходя из этого, достижение цели уголовного наказания должно констатироваться в результате применения только нормы уголовного закона, то есть в момент определения меры ответственности в обвинительном приговоре суда. Установление критериев достижения цели уголовного наказания более поздними периодами повлечет за собой факт применения нормативных актов, являющихся источниками различных отраслей российской системы права. Соответственно достижение цели уголовного наказания будет определяться результатами межотраслевого правоприменения, что может вступать в противоречие с императивными положениями ч. 1 ст. 1 УК РФ.

В современной научной литературе активно обсуждается вопрос о желательности указания в качестве цели уголовного наказания обеспечения компенсации потерпевшему или иному лицу, которому причинен вред в результате совершения преступного деяния. К настоящему времени система научных взглядов обосновывает дополнительную функцию уголовного права – компенсационную [10, с. 344].

На наш взгляд, нельзя рассматривать уголовное наказание (как и уголовное законодательство в целом) в качестве средства для получения какой-либо компенсации, материальной или иной выгоды. Как уже отмечалось, сущность уголовного наказания выражается в принудительном лишении или ограничении прав и свобод осужденного (ч. 1 ст. 43 УК РФ). На этом основании следует согласиться с утверждением представителей абсолютной теории уголовного наказания и их последователей о невозможности установления каких-либо полезных для общества результатов назначения и применения уголовного наказания [8, с. 77; 17, с. 121]. Наиболее радикальную, но небезосновательную позицию в этом вопросе демонстрирует Э. А. Поздняков, утверждая, что уголовное наказание не имеет «разумного смысла», а существует с момента появления норм права, являющихся резуль-

татом человеческих ассоциаций [13, с. 487–488]. По этой причине требовать от наказания какой-либо материальной полезности неоправданно: лишения и правоограничения, применяемые к преступнику, принципиально не улучшат положения потерпевшего, но способны привести к увеличению степени социальных противоречий, если осужденный будет воспринимать назначенное ему наказание как несправедливое.

Учитывая все перечисленные обстоятельства, стоит согласиться с утверждением, что в качестве цели уголовного наказания следует обозначить определение соответствия общественной опасности совершенного деяния и степени строгости лишений и правоограничений, составляющих сущность уголовного наказания. Заявленная таким образом цель уголовного наказания способна решить ряд важных задач, в том числе и в области гуманизации уголовного законодательства как одного из направлений современной уголовной политики [18, с. 171], а при формулировании цели уголовного наказания предпочтительно руководствоваться постулатами абсолютной теории уголовного наказания.

Данный подход, как нам представляется, в большей степени соответствует современной уголовной политике России, направленной в целом на смягчение уголовно-правового воздействия. Применение уголовного наказания по принципу соразмерного воздаяния (абсолютная теория уголовного наказания) будет исключать возможность применения лишений и правоограничений, которые превосходят реально причиненный ущерб от преступной деятельности. В то же время стремление предупредить совершение новых преступлений посредством уголовного наказания такую возможность не исключает, а напротив, поощряет, что выражается в учете общественной опасности личности виновного и назначении чрезмерно строгого наказания на основании не только совершенного преступления, но и прошлой антиобщественной деятельности (относительная теория уголовного наказания). Отсюда можно заключить, что единственной целью уголовного наказания целесообразно признать обеспечение соразмерности между строгостью назначаемого наказания и общественной опасностью (вредоносностью) совершенного преступления [6, с. 84–85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю. В. Баранов. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2006. – 275 с. – ISBN 5-94201-394-2.
2. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сборник статей. – Москва : Прогресс, 1966. – С. 82–88.
3. Жалинский, А. Э. Избранные труды : в 4 томах. Том 2. Уголовное право / А. Э. Жалинский. – Москва : Высшая школа экономики, 2015. – 575 с. – ISBN 978-5-7598-1213-5/
4. Килимбаев, Р. В. Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Килимбаев Роман Валерьевич. – Рязань, 2020. – 186 с.
5. Крюков, В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Крюков Владислав Валерьевич. – Саратов, 2018. – 251 с.
6. Лапшин, В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости / В. Ф. Лапшин // Журнал российского права. – 2018. – № 5. – С. 75–85.
7. Лукьянова, Л. М. Теория систем и системный анализ: закономерности и модели целеполагания и целереализации / Л. М. Лукьянова, Е. А. Киприянова // Ученые записки Института управления образованием Российской академии образования. – 2004. – № 13. – С. 216–221.
8. Лунеев, В. В. Истоки и пороки российского законодательства / В. В. Лунеев. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 320 с. – ISBN 978-5-4396-0635-1.
9. Миняева, Т. Ф. Исправление осужденного (преступника) как цель наказания / Т. Ф. Миняева, Д. А. Добряков // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 2. – С. 63–66.
10. Музыка, А. А. Компенсационная функция уголовного права: концептуальные положения / А. А. Музыка // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2016. – Т. 2, № 9. – С. 343–348.
11. Пестрячихина, М. Д. Обжалование приговора, вынесенного в особом порядке / М. Д. Пестрячихина // Юридический факт. – 2019. – № 72. – С. 57–59.
12. Поздняков, В. Критерии оценки исправления осужденного: каким им быть? / В. Поздняков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2003. – № 8. – С. 42–45.
13. Поздняков, Э. А. Философия преступления: для тех, кто не боится потерять иллюзии / Э. А. Поздняков. – Москва : Интурреклама, 2001. – 575 с. – ISBN 978-5-8738-9020-0.
14. Познышев, С. В. Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – Москва : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 352 с.
15. Севостьянов, Р. А. «Признание вины» и «раскаяние» как критерии исправления осужденного в судебной практике на стадии исполнения приговора / Р. А. Севостьянов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6. – С. 226–232.
16. Синичкин, А. А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы / Синичкин Андрей Аркадьевич : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Казань, 2003. – 22 с.
17. Сыч, К. А. Состоятельность абсолютных теорий уголовного наказания: проверка временем / К. А. Сыч, В. Ф. Лапшин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2. – С. 120–123.

18. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития : монография / под редакцией доктора юридических наук В. Ф. Лапшина. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 408 с. – ISBN 978-5-4396-1572-8.
19. Янчук, И. А. Критерии оценки степени исправления осужденных: какими им быть / И. А. Янчук // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 4. – С. 56–58.

REFERENCES

1. Baranov YU. V. *Stadii resocializacii osuzhdennykh v svete novykh sociologo-antropologicheskikh vozzrenij i social'noj filosofii* [Stages of resocialization of convicts in the light of new sociological and anthropological views and social philosophy]. Moscow, 2006. 275 p. (In Russ.).
2. Dyurkgejm E. Norma i patologiya [Norm and pathology]. *Sociologiya prestupnosti. Sovremennye burzhuaznye teorii* [Sociology of crime. Contemporary bourgeois theories]. Moscow, 1966, pp. 82–88. (In Russ.).
3. ZHalinskij A. E. *Izbrannye trudy. Tom 2. Ugolovnoe pravo* [Selected Works. Vol. 2. Criminal law]. Moscow, 2015. 575 p. (In Russ.).
4. Kilimbaev R. V. *Osnovanie i predely otvetstvennosti za neokonchennoe prestuplenie*. Diss. kand. jurid. nauk [Basis and limits of liability for an unfinished crime. Diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2020. 186 p. (In Russ.).
5. Kryukov V. V. *Celi ugovornogo nakazaniya: ponyatie, vidy, mekhanizmy dostizheniya*. Diss. kand. jurid. nauk [Purposes of criminal punishment: concept, types, mechanisms of achievement. Diss. PhD. in Law]. Saratov, 2018. 251 p. (In Russ.).
6. Lapshin V. F. *Istinnaya cel' ugovornogo nakazaniya i kriterii ee dostizhimosti* [The true purpose of criminal punishment and criteria for its attainability]. *Zhurnal Rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2018, no. 5, pp. 75–85. (In Russ.).
7. Luk'yanova L. M., Kipriyanova E. A. *Teoriya sistem i sistemnyj analiz: zakonovernosti i modeli celopolaganiya i celerealizacii* [Systems theory and systems analysis: patterns and models of goal setting and goal realization]. *Uchenye zapiski Instituta upravleniya obrazovaniem Rossijskoj akademii obrazovaniya – Scientific notes of the Institute of Education Management of the Russian Academy of Education*, 2004, no. 13, pp. 216–221. (In Russ.).
8. Luneev V. V. *Istoki i poroki rossijskogo zakonotvorchestva* [Origins and flaws of Russian lawmaking]. Moscow, 2014. 320 p. (In Russ.).
9. Minyazeva T. F., Dobryakov D. A. *Ispravlenie osuzhdennogo (prestupnika) kak cel' nakazaniya* [Correction of a convicted person (criminal) as the purpose of punishment]. *Evrazijskaya advokatura – Eurasian advocacy*, 2016, no. 2, pp. 63–66. (In Russ.).
10. Muzyka A. A. *Kompensacionnaya funkciya ugovornogo prava: konceptual'nye polozheniya* [Compensatory function of criminal law: conceptual provisions]. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii – Problems of strengthening legality and order: science, practice, trends*, 2016, vol. 2, no. 9, pp. 343–348. (In Russ.).
11. Pestyachihina M. D. *Obzhalovanie prigovora, vynesennogo v osobom poryadke* [Appealing against a verdict rendered in a special procedure]. *Yuridicheskij fakt – Legal fact*, 2019, no. 72, pp. 57–59. (In Russ.).
12. Pozdnyakov V. *Kriterii ocenki ispravleniya osuzhdennogo: kakim im byt'?* [Criteria for assessing the correction of a convict: what should they be?]. *Vedomosti ugovorno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the Penal System*, 2003, no. 8, pp. 42–45. (In Russ.).
13. Pozdnyakov E. A. *Filosofiya prestupleniya: dlya tekhn, kto ne boitsya poteryat' illyuzii* [Philosophy of crime: for those who are not afraid to lose their illusions]. Moscow, 2001. 575 p. (In Russ.).
14. Poznyshchev S. V. *Osnovy penitenciarnej nauki* [Fundamentals of Penal Science]. Moscow, 1923. 352 p. (In Russ.).
15. Sevost'yanov R. A. «Priznanie viny» i «raskayanie» kak kriterii ispravleniya osuzhdennogo v sudebnoj praktike na stadii ispolneniya prigovora [«Confession of guilt» and «repentance» as criteria for the correction of a convicted person in judicial practice at the stage of execution of the sentence]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 6, pp. 226–232. (In Russ.).
16. Sinichkin A. A. *Ocenka stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody*. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Assessment of the degree of correction of those sentenced to imprisonment. Author's abstract diss. PhD. in Law]. Kazan, 2003. 22 p. (In Russ.).
17. Sych K. A., Lapshin V. F. *Sostoyatel'nost' absoljutyh teorii ugovornogo nakazaniya: proverka vremenem* [The consistency of absolute theories of criminal punishment: the test of time]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2017, no. 2, pp. 120–123. (In Russ.).
18. Lapshin V. F. (red.) *Ugolovnoe nakazanie: social'no-pravovoj analiz, sistemizaciya i tendencii razvitiya* [Criminal punishment: social and legal analysis, systematization and development trends]. Moscow, 2018. 408 p. (In Russ.).
19. Янчук И. А. *Критерии оценки степени исправления осужденных: какими им быть* [Criteria for assessing the degree of correction of convicts: what they should be]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of Institute : crime, punishment, correction*, 2008, no. 4, pp. 56–58. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ПОПОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИИ России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8065-9168>, e-mail: marfvvp@yandex.ru

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СМОЛЕВ – начальник кафедры огневой подготовки Академии ФСИИ России, г. Рязань, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5962>, e-mail: ssmolev35@yandex.ru

VICTOR V. POPOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation PhD. in Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8065-9168>, e-mail: marfvvp@yandex.ru

SERGEY M. SMOLEV – Head of the Department of Fire Training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5962>, e-mail: ssmolev35@yandex.ru

Должностные преступления: особенности правоприменения

М. П. ПРОНИНА

Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

Реферат: В статье рассматриваются проблемы правоприменения в группе должностных преступлений. Должностные преступления наиболее опасны в связи с тем, что подрывают авторитет органов власти и напрямую нарушают права и законные интересы граждан и организаций. В этой связи законодатель установил уголовную ответственность для должностных лиц, злоупотребляющих своими функциональными обязанностями. В частности, автором изучаются проблемы квалификации, возникающие при правовой оценке преступлений, закрепленных в гл. 30 УК РФ, по причине высокого уровня их бланкетности и оценочности. Приводятся примеры судебно-следственной практики по вопросам конкуренции общих и специальных норм. Выявляются сложности в правовой оценке действий должностных лиц при определении признаков превышения должностных полномочий, закрепленных в ст. 286 УК РФ. Приводятся аргументы, являющиеся наглядной демонстрацией того, что решение выявленных проблем применения норм уголовного закона лежит в плоскости снижения уровня коллизионности уголовного законодательства. Вносятся практические предложения о включении дополнений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 12.1) и от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (п. 21.1). Разрешение заявленных проблем в области применения норм уголовного закона заключается в выработке единообразной практики применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации, уменьшении уровня пробельности уголовного законодательства, разработке методических и научных рекомендаций при участии сотрудников правоприменительных органов и ученых, составлении проектов законов и пленумов Верховного Суда Российской Федерации, направленных на искоренение недостатков и пробелов.

Ключевые слова: уголовное право; правоприменение; квалификация преступлений; должностные преступления; государство; общество; личность; должностное лицо; наказание; общественная опасность; конкуренция; бланкетность; коллизии; пробелы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Пронина М. П. Должностные преступления: особенности правоприменения. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):331–337. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-331-337.

Malfeasances: features of law enforcement

M. P. PRONINA

Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of law enforcement in the group of malfeasances. Official crimes are most dangerous due to the fact that they undermine the prestige of the authorities and directly violate the rights and legitimate interests of

citizens and organizations. In this regard the legislator has established criminal liability for officials who abuse their functional duties. In particular the author studies the problems of qualification arising in the legal assessment of crimes enshrined in Ch. 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the highest level of their blanketness and evaluativeness. Examples of judicial and investigative practice on competition issues of general and special rules are given. Difficulties are revealed in the legal assessment of the actions of officials when determining the signs of abuse of office, enshrined in Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. Arguments are presented that are a clear demonstration of the fact that the solution to the identified problems of applying the norms of the criminal law lies in the plane of reducing the level of conflict of laws of criminal legislation. Practical proposals are being made to include amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" (clause 12.1) and Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.10.2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" (p. 21.1). The solution of the stated problems in the field of application of the norms of the criminal law consists in the development of a uniform practice of application of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, reduction of the level of gaps in criminal legislation, the development of methodological and scientific recommendations with the participation of law enforcement officials and scientists, the preparation of draft laws and plenums of the Supreme Court aimed at elimination of gaps and gaps.

Key words: criminal law; law enforcement; qualification of crimes; malfeasance; state; society; personality; official; punishment; public danger; competition; blanketness; collisions; gaps.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Pronina M.P. Malfeasances: features of law enforcement. *Penitenciamaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):331–337. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-331-337.

Преобразования в России в конце XX – начале XXI вв. затронули все сферы жизнедеятельности общества и государства. Кардинальному реформированию подвергся государственный аппарат, его структура и основные направления деятельности в области социально-экономической и политико-правовой жизни общества. Результативность поставленных перед государственной властью задач возможна только тогда, когда система управления будет функционировать в точном соответствии с нормативно-правовыми регламентами, в том числе и уголовным законом.

Законодатель установил ответственность в отношении должностных лиц, допускающих злоупотребления по службе, недобросовестно относящихся к своим функциональным обязанностям. Общественная опасность должностных преступлений заключается в том, что в результате их совершения нарушается нормальная законодательно регламентированная деятельность государственного аппарата, законодательной, исполнительной и судебной власти, а также органов местного самоуправления, подрывается вера в справедливость закона, дискредитируются органы власти. Характерной особенностью является то, что должностные преступления совершаются субъектами не извне, а изнутри самой системы власти [2, с. 12]. Должностные лица испол-

зуют свои служебные полномочия вопреки интересам службы, нарушая тем самым права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства. В этих условиях важное значение занимают вопросы квалификации противоправных деяний, совершаемых должностными лицами [3, с. 63].

Термин «квалификация» (*quails*) – одно из базовых понятий уголовного права – определяется как процесс отнесения какого-либо явления по четко определенным признакам к какому-либо виду либо категории [5, с. 223]. Применительно к уголовному праву это определение статьи уголовного закона, предусматривающего наказание за данное преступление.

В процессе квалификации преступлений правоприменитель дает юридическую оценку содеянному. В этой связи только квалификация является официальным признанием деяния общественно опасным, поэтому рассматриваемый процесс имеет важнейшие правовые последствия. Правильность квалификации имеет существенное значение для обвиняемого, подозреваемого либо уже осужденного, так как от нее зависит размер и вид наказания, применяемый к субъекту. В частности, например, ошибка в установлении отягчающего признака обязательно повлечет необоснованное применение к нему уголовного наказания. Допущенные ошибки

породят и другие нарушения, повлияют на выбор исправительного учреждения, режима отбытия наказания, исчисление сроков условно-досрочного освобождения, применение амнистии, определение сроков давности, сроков снятия судимости и т. д.

Юридически вредными являются и ошибки квалификации, снижающие реальный объем общественной опасности содеянного. В данном случае под сомнение ставятся цели наказания, отраженные в ст. 43 УК РФ, так как они объективно не могут быть достигнуты. Как видно, ошибочная квалификация влечет за собой не только существенные правовые последствия, но и глубокие политические, социальные, а в некоторых случаях даже негативные экономические изменения: снижается авторитет государственной власти в области противодействия преступности, подрывается вера в справедливость наказания. Все это снижает уровень общей и частной превенции. Только правильность квалификации составляет основу деятельности всех правоприменительных органов в области реализации уголовного законодательства [4, с. 110–111].

Особые проблемы квалификации возникают при правовой оценке преступлений, закрепленных в гл. 30 УК РФ, по причине высокого уровня их бланкетности и оценочности. Именно на этом вопросе хотелось бы остановиться более подробно.

Так, приговором Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода Т. был осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ за деяния, совершенные при следующих обстоятельствах: являясь оперуполномоченным и получив от обратившегося к нему гражданина А. информацию о совершенном в отношении него преступлении, связанном с тайным хищением сотового телефона, Т. скрыл ее от регистрационного учета, однако, используя полученные данные в корыстных целях, действуя вопреки интересам службы, сообщил гражданину О., на которого указал А., и стал требовать от него деньги, угрожая при этом в случае отказа возбуждением уголовного дела (Архив Канавин. район. суда г. Н. Новгорода. Уголов. дело № 1178/2010).

Представленная квалификация вызывает сомнения по следующим обстоятельствам:

– во-первых, Т. был признан должностным лицом, наделенным распорядительными полномочиями, в частности приемом и регистрацией заявлений о преступлениях и иных правонарушениях;

– во-вторых, установление факта совершения незаконных действий дает основание говорить не о злоупотреблении, а о превы-

шении должностных полномочий, то есть о ст. 286 УК РФ;

– в-третьих, должностное лицо, предъявившее требование о передаче имущества, имело реальную возможность предпринять меры по возбуждению уголовного дела, что исключает обман в его действиях, то есть признаки мошенничества в его действиях отсутствуют.

В этой связи имеется конкуренция двух общих норм – это получение взятки и превышение должностных полномочий, однако в данном случае следует руководствоваться правилом конкуренции общей и специальной нормы, что регламентировано ч. 3 ст. 17 УК РФ.

В этой связи действия Т. должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение взятки за совершение заведомо незаконных действий, так как сокрытие преступления выступает в качестве одной из форм таких действий, повлекших существенное нарушение интересов общества или государства. Обоснование данного подхода лежит в том числе и в плоскости санкций, закрепленных в анализируемых статьях. Так, ч. 1 ст. 286 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до четырех лет, ч. 3 ст. 290 УК РФ – семь лет лишения свободы, а также штраф в размере сорокакратного размера взятки.

По-иному были квалифицированы схожие действия в г. Ростове-на-Дону. Оперуполномоченный уголовного розыска ОВД Первомайского района г. Ростова-на-Дону О., укрыв от регистрации факт хищения гражданином Т. чужого имущества, пытался получить взятку от подозреваемого. Под воздействием угроз оперуполномоченный заставил Т. подписать чистые бланки «Постановления о возбуждении уголовного дела и формулировании обвинения», «Протокола об обстоятельствах совершенного преступления», «Протокола разъяснения прав» и «Протокола ознакомления с материалами дела», которые в дальнейшем заполнил собственноручно от имени Т. После совершения данных действий О. потребовал от Т. взятку за прекращение в отношении него уголовного преследования. Тем самым О. умышленно поставил Т. в такие условия, при которых тот был вынужден дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. Действия оперуполномоченного О. были квалифицированы по ст. 30 и ч. 1 ст. 299 УК РФ, ч. 2 ст. 303 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ (Архив Ростов. обл. суда г. Ростова, 1998. Уголов. дело № 9896665).

Полагаем, что, как и в приведенном примере, в этом случае остро стоит вопрос конкуренции общих и специальных норм. Действия О., содержащие в себе признаки фальсификации доказательств и привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, выступают в качестве подготовительной стадии к получению взятки. Виновный, совершая данные действия, осознавал отсутствие у него реальной возможности привлечения Т. к уголовной ответственности за кражу по причине отсутствия достаточных к тому оснований. Именно поэтому совершенные О. действия должны расцениваться как умышленное создание условий для получения взятки, что в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ относится к приготовительным действиям. Они могут быть оценены как незаконные, что непосредственно охватывается ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение взятки за совершение заведомо незаконных действий, так как сокрытие преступления, создание видимости фальсификации доказательств, а также необоснованные угрозы привлечения к уголовной ответственности выступают в качестве форм таких действий, повлекших существенное нарушение интересов общества или государства. В этой связи действия виновного в случае получения незаконного вознаграждения охватываются ч. 3 ст. 290 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют. Это также подтверждается анализом санкций этих норм, что дает нам основание рассматривать общественные отношения, обеспечивающие законный порядок осуществления правосудия в качестве факкультативного объекта получения взятки за незаконные действия. С учетом нарушения правил квалификации становится актуальным вопрос о несоответствии правоприменительной практики принципу справедливости, закрепленному в ч. 2 ст. 6 УК РФ, где определен императивный запрет на повторное привлечение к уголовной ответственности за одно и то же деяние.

Продолжая исследование проблем правоприменения в группе должностных преступлений, выделим еще одну коллизию. Так, возбужденное дело в отношении Ш., являющегося должностным лицом, по ст. 286 УК РФ при судебном рассмотрении было прекращено на основании применения положений ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим». Данная фабула ставит вопрос о возможности применения такого подхода.

Его разрешение следует искать в объекте посягательства. Непосредственным объ-

ектом ст. 286 УК РФ выступают общественные отношения, регулирующие интересы государства, и лицо, его совершающее, подрывает авторитет власти. Интересы же личности, а именно им был причинен ущерб, выступают в качестве дополнительного объекта. В этой связи возникает вопрос: возможно ли прекращение уголовного дела по примирению с потерпевшим, если причиненный ему ущерб не отражает сущности совершаемого преступления? Конечно же, нет, так как действия виновного снижают уровень общественной опасности совершенного им преступления, но уголовно-правовые отношения в этом случае по данному основанию прекращены быть не могут. Об этом свидетельствует и тот факт, что субъект преступления относится к категории специальных, то есть он наделен распорядительными полномочиями в отношении неопределенного круга лиц. Примирение с лицом, в отношении которого виновный обладает властными полномочиями, не может объективно свидетельствовать о добровольности волеизъявления потерпевшего лица.

Именно поэтому прокуратурой г. Барнаула Алтайского края вновь было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Ш. по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Схожие примеры можно обнаружить и в рамках квалификации ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». Так, 27 января 2017 г. судьей Промышленного районного суда г. Самары вынесено постановление о прекращении уголовного преследования в отношении гражданина С. по факту оскорбления представителя власти при выполнении им служебных обязанностей. В основу принятия такого решения было положено письменное ходатайство от потерпевшего М. о прекращении уголовного дела по причине отсутствия у него претензий к виновному и примирения с ним (Архив Пром. район. суда г. Самары. Уголов. дело № 1-5/2017). Сторона государственного обвинения возражала против прекращения уголовного дела на основании примирения с потерпевшим, однако представленные ею доводы судом не были учтены, что, с нашей точки зрения, привело к принятию неправосудного решения.

Причина таких ошибок – это излишняя широта толкования положений ст. 76 УК РФ. Ее применение должно осуществляться на следующих основаниях: во-первых, это способы заглаживания вреда; во-вторых, перечень преступлений, по которым может быть применено данное основание освобождения от уголовной ответственности. В этом

вопросе необходимо ориентироваться на положения ст. 20 УПК РФ «Виды уголовного преследования». Так, ч. 2 данной статьи содержит перечень преступлений, по которым прекращение уголовного преследования по примирению не допустимо. Считаем, что его следует существенно расширить путем включения и деяний, посягающих на интересы государственной власти. Предоставление такого права правоприменителю не только нарушает основополагающие принципы уголовного права, но и делает ее максимально коррумпированной.

Большие сложности в правовой оценке действий должностных лиц содержатся и при определении признаков превышения должностных полномочий, закрепленных в ст. 286 УК РФ.

Так, по материалам уголовного дела № 1-3/2011, возбужденного в отношении гражданина Г. по п. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий, то есть совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения, а также оружия или специальных средств), который в должности ведущего охотоведа государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты» пресек противоправные действия на особо охраняемой природной территории граждан К., М., К., К., Н., А., сопряженные с незаконной охотой (Архив Моск. обл. суда. Уголов. дело № 11-3/2011).

Об ошибочности данной квалификации свидетельствуют следующие обстоятельства:

1. Квалификация деяния по норме, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, не основана на законе, так как действия Г. не выходили за рамки его служебных полномочий. Так, в соответствии с п. 3 должностной инструкции ведущего охотоведа от 1 апреля 2008 г., утвержденной руководителем государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», ведущий охотовед имеет право на особо охраняемой природной территории (акватории) проверять у граждан документы, разрешающие там находиться, произ-

водить остановку и досмотр транспортных средств, применять физическую силу, специальные средства, служебное оружие, а также разрешенное в качестве указанного оружия гражданское оружие самообороны и охотничье огнестрельное оружие. Данная инструкция составлена на основании ст. 31 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и Постановления Правительства Российской Федерации от 02.02.1998 № 133 «О мерах по обеспечению служебным оружием и специальными средствами должностных лиц, выполняющих задачи по охране объектов животного мира».

2. Действия, совершенные Г., были выполнены в связи с пресечением им на особо охраняемой природной территории (с установленными предупреждающими знаками) противоправных деяний К., М., К., К., Н., А., которые находились в указанном месте на незарегистрированных транспортных средствах, без документов, удостоверяющих личность, с оружием (что подтверждается показаниями свидетелей и протоколом осмотра места происшествия). Данные обстоятельства указывают на то, что упомянутые выше лица осуществляли незаконную охоту, то есть преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 258 УК РФ (обнаружены стреляные гильзы и добытая в результате охоты лиса), в то время как решением Правления Зарайского ООиР район пребывания указанных лиц был закрыт для охоты с 9 сентября 2000 г.

3. Пресечение противоправных действий К., М., К., К., Н., А. сопровождалось их активным неповиновением законным требованиям представителя власти (Г. при задержании указанных лиц представился им, он был одет в форменную одежду), выразившемся в том, что они проигнорировали требования Г., продолжали движение на снегоходах, что заставило его произвести предупредительный выстрел вверх. Предпринятые меры не оказали должного воздействия. Нарушители пытались скрыться, сбив Г. снегоходом, что причинило ему телесные повреждения (гематома размером 12x10 см). Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии в действиях К., М., К., К., Н., А. признаков состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ.

Еще одним примером необоснованного привлечения к уголовной ответственности явилось уголовное дело по привлечению к уголовной ответственности Д. по п. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (Архив Моск. обл. суда. Уголов. дело № 11-3/2011).

Д., являясь ведущим охотоведом государственного учреждения Московской области

«Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», пресек противоправную деятельность с применением табельного оружия лиц, занимающихся незаконной охотой на территории заказника.

Материалы уголовного дела свидетельствуют о следующем:

1. Квалификация деяния по норме, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, не основана на законе, так как действия Д. не выходили за рамки его служебных полномочий. Так, в соответствии с п. 3 должностной инструкции ведущего охотоведа от 1 апреля 2008 г., составленной на основании ст. 31. Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и Постановления Правительства Российской Федерации от 02.02.1998 № 133 «О мерах по обеспечению служебным оружием и специальными средствами должностных лиц, выполняющих задачи по охране объектов животного мира», утвержденной руководителем государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», ведущий охотовед имеет право на особо охраняемой природной территории (акватории) проверять у граждан документы, разрешающие там находиться, производить остановку и досмотр транспортных средств, применять физическую силу, специальные средства, служебное оружие, а также разрешенное в качестве указанного оружия гражданское оружие самообороны и охотничье огнестрельное оружие. При таких обстоятельствах, а также учитывая то, что К. предпринял попытку покинуть место происшествия, применение оружия указанным выше должностным лицом следует признать правомерным.

2. Действия, совершенные Д., были выполнены в связи с пресечением им противоправных деяний К., производившего незаконную охоту в запрещенное время. Данные обстоятельства указывают на то, что названное лицо осуществляло незаконную охоту, то есть преступление, предусмотренное п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ (что подтверждается наличием трупа лося, находящегося на саях, прикрепленных к снегоходу). Надуманным в данном случае выглядит вывод следователя о том, что Д. «не обладал достаточными данными о возможном совершении К. уголовно наказуемого преступления или административного правонарушения в сфере законодательства об охране и использовании животного мира».

Обращает на себя внимание допущенное следователем противоречие в оценке (квалификации) деяния, совершенного Д. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого акцентируется внимание на том, что последний произвел пять прицельных выстрелов в К. из нарезного карабина, в результате чего потерпевшему были причинены множественные телесные повреждения, однако следователь принял решение квалифицировать деяние не как покушение на убийство, что прямо вытекает из фабулы документа, а по п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Все это свидетельствует об отсутствии в действиях Д. признаков ст. 286 УК РФ.

Подводя итог, необходимо отметить, что качество правоприменительной деятельности уголовного законодательства в российской правовой системе напрямую зависит от социально-политических факторов, обусловленных эффективным мониторингом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, выработкой методических и научных рекомендаций при участии сотрудников правоприменительных органов и ученых, составлением проектов законов и пленумов Верховного Суда Российской Федерации, направленных на искоренение недостатков и пробелов.

Разрешение заявленных проблем в области применения норм уголовного закона заключается в выработке единообразной практики применения норм УК РФ, уменьшения уровня пробельности уголовного законодательства. Для этого необходимо внести дополнения в п. 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.09.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» следующего содержания:

– «В случае конкуренции ст. 286 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ, возникающей при получении должностным лицом незаконного вознаграждения, применению подлежит ч. 3 ст. 290 УК РФ по причине наличия в закреплённом в ней составе преступления корыстного мотива и незаконных действий, в качестве одной из форм которых выступает превышение должностных полномочий».

– «В случае получения незаконного вознаграждения, сопровождающегося угрозами привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности и фальсификацией доказательств, действия виновного полностью охватываются ч. 3 ст. 290 УК РФ и дополнительной квалификации за приготовление к совершению преступлений, предусмотренных ст. 299 и 303 УК РФ, не требуют».

Также для решения заявленных противоречий в УК РФ необходимо дополнить п. 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» следующим содержанием: «Совершение лицом преступления против государственной власти исключает возможность освобождения от

уголовной ответственности по основаниям, закрепленным в ст. 76 УК РФ "Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим", по причине непосредственного причинения вреда интересам государственной власти». В этой связи примирение с представителем государственной власти, на которого и было направлено посягательство, может рассматриваться только как обстоятельство, смягчающее вину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, С. С.** Общая теория права. В 2 томах. Том 2 / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 360 с.
2. **Изосимов, С. В.** Ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления : учебно-практический комментарий к гл. 30 УК РФ / С. В. Изосимов, А. П. Кузнецов. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. – 98 с. – ISBN 5-8263-0030-2.
3. **Изосимов, С. В.** Служебные преступления : учебно-практический комментарий (гл. 23, 30 УК РФ) / С. В. Изосимов, А. П. Кузнецов. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003. – 152 с. – ISBN 5-8263-0036-1.
4. **Пронина, М. П.** Современное состояние правоприменения в уголовном законодательстве / М. П. Пронина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 110–114.
5. Словарь иностранных слов / под редакцией В. В. Пчелкиной. – 14-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1987. – 608 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava. Tom 2* [General theory of law. Vol. 2]. Moscow, 1982. 360 p. (In Russ.).
2. Izosimov S. V. *Otvetstvennost' za prestupleniya protiv gosudarstvennoj vlasti, interesov gosudarstvennoj sluzhby i sluzhby v organah mestnogo samoupravleniya* [Responsibility for crimes against state power, interests of public service and service in local government bodies]. Nizhny Novgorod, 2002. 98 p. (In Russ.).
3. Izosimov S. V. *Sluzhebnye prestupleniya* [Official crimes]. Nizhny Novgorod, 2003. 152 p. (In Russ.).
4. Pronina M. P. *Sovremennoe sostoyanie pravoprimeneniya v ugovnom zakonodatel'stve* [The current state of law enforcement in criminal legislation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 5, pp. 110–114. (In Russ.).
5. Pchelkina V. V. (red.) *Slovar' inostrannyh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, 1987. 608 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

МАРИЯ ПЕТРОВНА ПРОНИНА – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

MARIA P. PRONINA – Leading Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342

УДК 343.851

Роль психологической работы в системе средств исправления осужденных

М. М. ЧЕРЕХОВИЧ

Московский государственный областной университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-1388>, e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

Реферат. В статье анализируются место психологической работы в системе средств исправления осужденных к лишению свободы, роль пенитенциарного психолога в изучении криминологических особенностей личности преступника. Пси-

психологической работе, обладающей собственным инструментарием определения личностных и социальных особенностей индивида, в исправительных учреждениях де-факто принадлежит ведущая роль в снижении рецидивоопасного поведения, аддикций, выяснении психологическими и патопсихологическими методами истинных, глубинных, в частности бессознательных, мотивов конкретного преступления. Однако де-юре существующей законодательной конструкцией, описывающей основные средства исправительного воздействия на осужденных, психологическая работа не учитывается в качестве такого средства. Отмечается также, что наделение осужденных правом на отказ от психологического сопровождения негативно влияет на результаты психокоррекционного воздействия на них. Особенно нежелательны такие отказы со стороны отрицательно характеризующихся, социально и педагогически запущенных, то есть наиболее нуждающихся в психокоррекции осужденных.

Делается вывод о необходимости законодательного закрепления психологической работы в качестве самостоятельного средства исправительного воздействия, об обязательности индивидуальной психологической работы с осужденными и психотерапевтической работы с осужденными в течение первого года после их освобождения.

Ключевые слова: личность осужденного; исправление; воспитательная работа; психологическая работа; мотивация.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Черехович М. М. Роль психологической работы в системе средств исправления осужденных. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):337–342. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342.

The role of psychological work in the system of means for correcting convicts

M. M. CHEREKHOVICH

Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-1388>, e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the place of psychological work in the system of means of corrective work with convicts sentenced to imprisonment, the role of the penal psychologist in the study of the criminological characteristics of the personality of the convicted offender. Psychological work, which has its own unique toolkit for determining the personal and social characteristics of an individual, in correctional institutions de facto plays a leading role in reducing recurrent behavior, addictions, clarifying, by psychological and pathopsychological methods, the true, deep, in particular unconscious, motives of a particular crime.

However de jure by the existing legislative structure, which describes the main means of corrective influence on convicts, psychological work is actually not taken into account as such a means. It is also noted that giving convicts the right to refuse psychological work negatively affects the results of psychocorrectional influence on them. Especially undesirable are such refusals on the part of those who are negatively characterized, socially and pedagogically neglected, that is, convicts who are most in need of psychocorrection.

The conclusion is made about the need to legislatively consolidate psychological work as an independent means of corrective action, the obligation of individual psychological work with convicts, psychotherapeutic work with convicts during the first year after their release.

Key words: personality of the convict; correction; educational work; psychological work; motivation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Cherekhovich M. M. The role of psychological work in the system of means for correcting convicted. *Penitenciamaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):337–342. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342.

В соответствии со ст. 1, 9 УИК РФ целью уголовно-исправительного законодательства является исправление осужденных, достигаемое посредством формирования у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, стимулирование правопослушного поведения. К числу основных средств исправительного воздействия отнесена воспитательная работа, которая должна проводиться с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных, а также обстоятельств совершенных ими преступлений (ч. 4 ст. 109 УИК РФ). Подразумевается, что эта работа специально и непосредственно нацелена на нейтрализацию отрицательных последствий криминогенной деформации лиц, лишенных свободы, их педагогической запущенности, на осуществление реального, а не формального процесса исправления осужденных, выработку правильных ценностных ориентаций и тем самым объединяет воспитательное воздействие, осуществляемое при помощи применения основных средств исправления осужденных [8, с. 116–117].

Поскольку воспитательная работа основана на данных о личности преступника, важнейшим элементом всего исправительно-воспитательного процесса становится психологическая работа, обладающая методикой изучения общих закономерностей развития психики в онтогенезе и на разных его участках – в различные периоды жизни, а также собственным инструментарием для определения личностных и социальных особенностей индивида. Помимо названных диагностических функций психологическая работа нацелена на решение коррекционно-развивающих задач, ориентированных на исправление различных отклонений в психическом развитии осужденного, создание условий для оптимальной реализации его потенциальных возможностей, устранение причин девиантного поведения [10, с. 44–45].

В числе практико-ориентированных целей и задач психологической работы в исправительных учреждениях называют обеспечение повышения эффективности исправительного воздействия на осужденных, оказание им психологической помощи, психологическую коррекцию и развитие личности, оптимизацию отношений между сотрудниками администрации исправительного учреждения и осужденными. Помимо этого, она способствует повышению профессиональной культуры исполнения наказаний, интеллектуализации и гуманизации уголовно-исполнительной системы

[5, с. 3]. В настоящее время в механизме воспитательной работы роль психологической службы довольно весома. Основные направления ее деятельности заключаются не только в исправлении осужденных и обеспечении деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений, но и в профилактике, предупреждении, прогнозировании преступлений, на что направлена правоохранительная деятельность [2, с. 49–51].

Большинство пенитенциарных психологов-практиков в числе своих главных повседневных задач называют организацию и проведение психологической работы по снижению рецидива, включающую работу с переживаниями осужденных, их обучение контролю за своим эмоциональным состоянием; преодоление аддикций (в первую очередь алкоголизма и наркомании); решение внутриличностных конфликтов; научение осужденных принимать на себя ответственность за свои поступки и свою жизнь; обучение автономной организации своей жизнедеятельности в условиях свободы; формирование мотивации на труд и здоровый образ жизни [3; 4; 6, с. 98; 9, с. 3–6].

Без сомнения, к задачам психологической службы должно быть отнесено также изучение психологических и патопсихологических особенностей личности осужденного, позволяющих вскрыть истинные причины конкретного преступления.

Психологическая деятельность основана прежде всего на индивидуальной форме работы с осужденными, изучении их индивидуально-психологических особенностей, личностных качеств, учете развития личности в динамике в течение всего срока отбывания наказания, в чем, на наш взгляд, в наибольшей степени выражается принцип индивидуализации воспитательной работы, закрепленный в ст. 8, 110 УИК РФ.

Результаты этой деятельности используются в различных сферах воспитательной и оперативной работы, учитываются при направлении осужденных на работы, распределении в отряд и т. п. Своевременное внимание психолога к проблемам осужденных позитивно сказывается на динамике суицида. Изоляция от общества, размещение в замкнутой среде, жесткий режим, действие которого нивелирует индивидуальность личности, приучает к подчинению, снижает уровень самостоятельности, принудительное вхождение в однополюсные социальные группы, группы отрицательной направленности и т. д. – все это существенные стресс-факторы, способствующие проявлению суицидальных наклонностей осужденных [11,

с. 63], перверзных и криминальных форм поведения. Психодиагностическая работа психологов строится с учетом этих факторов, в результате чего осужденные ставятся на профилактический учет, поскольку, как показывает анализ заключений служебных проверок, основными недостатками служебной деятельности, способствовавшими совершению суицидов, в 77 % случаев являются недостатки именно воспитательной и профилактической работы с осужденными [11, с. 65].

По результатам специального исследования было выявлено, что в группе осужденных, с которыми осуществляется комплексная воспитательная и психологическая работа, удельный вес лиц, характеризующихся положительно в период отбывания наказания, существенно выше, чем в группах, с которыми психологическая работа не проводится. К сожалению, отмечается, что такая комплексная работа проводится лишь в отношении 25 % осужденных [12, с. 551].

Психологическая работа по изучению личности преступника и психолого-воспитательная деятельность по коррекции ее криминогенных черт и свойств является важным криминологическим средством исправления преступников. Личность осужденного как носительница причин преступного поведения является главным объектом исправительного воздействия. От личности законопослушных людей она отличается не отсутствием или наличием какой-либо черты или свойства, а содержанием каждой из них, в первую очередь нравственным [1, с. 9].

Это предполагает необходимость ее глубокого и всестороннего изучения, выявления всех отрицательных черт и свойств, требующих деактивации, а также наряду с этим положительных качеств, которые могут быть использованы в качестве основы для корректирующего воздействия. Исправительное воздействие на осужденных требует комплексного анализа различных индивидуальных характеристик: психологических процессов, свойств, состояний, уровня интеллекта; оценки состояния психики (на предмет наличия психических расстройств, способных повлиять на восприятие осужденным оказываемого на него исправительного воздействия, требований режима и т. п.); психологической специфики личности, определяющей типологическую принадлежность осужденного; социально-демографических характеристик, имеющих криминологическое значение; характеристик личности, приобретенных в пенитенциарный период.

Характер, темперамент, особенности мышления, интеллекта и т. д. оказывают заметное влияние на поведение человека. Нравственные особенности определяют выбор жизненных ситуаций и поступки в них. Некоторые преступления могут совершаться только при наличии конкретных познаний либо при определенном уровне интеллектуального развития личности. Психические аномалии, характеризующиеся нарушением познавательной, интеллектуальной деятельности, эмоционально-волевой сферы, могут проявляться в характере (раздражительность, жестокость), способствовать формированию криминогенных привычек, мотивации.

Одним из важнейших элементов механизма индивидуального преступного поведения является мотивационная сфера личности. Абсурдно полагать, что можно исправить преступника, не оказывая влияния на сферу формирования его мотивов, часть из которых даже не представлена в сознании. Поэтому при воздействии на осужденного субъекту исправительной работы предстоит иметь дело с проблемой бессознательного. Изучение только сознательной мотивации оставляет за рамками рассмотрения очень многие человеческие мотивы, которые, может быть, более важны, чем те, которые представлены в сознании.

При этом изучение мотивационной сферы осужденного не может, как часто бывает на практике, основываться только на изучении материалов его уголовного дела, личного дела, поскольку мотивы преступления, как отмечал В. Н. Кудрявцев, всегда слабо и примитивно отражаются в юридических документах [7, с. 6]. Необходимо использование клинического (биографического) метода, включая личные беседы с осужденными, их родственниками, составление их психологического портрета, иные методы, доступные, хотя бы в силу квалификации и должностных обязанностей, только психологам. Без профессиональной помощи психолога нельзя вести эффективную профилактическую деятельность.

Однако в практической деятельности психологической службы исправительного учреждения осужденные, характеризующиеся отрицательно, то есть лица, наиболее нуждающиеся в психокоррекционном воздействии вследствие существенных недостатков их личности, чаще всего неохотно идут на контакт с психологом. Это снижает эффективность работы последнего по изучению личностных особенностей, прогнозированию индивидуального преступного поведения.

Осужденным право отказа от психологической помощи предоставлено ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ, в соответствии с которой «участие осужденного в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия».

При отказе осужденного от психологической помощи психолог вынужден «формализовать» свою работу, сводя ее в основном к постановке таких осужденных на профилактический учет (да и то при наличии определенного перечня оснований), ограничиваясь «внешним» наблюдением и не имея возможности изучать глубинные структуры личности осужденного для определения генезиса преступных наклонностей с целью их исправления или нейтрализации.

Кроме того, даже при наличии согласия осужденного на психологическую помощь он вправе в любое время отказаться от ее продолжения. В таком случае все достигнутые позитивные результаты неизбежно утрачиваются, наступает регресс психокоррекции, особенно если отказ сделан под влиянием отрицательно характеризующихся осужденных или их групп. Длительность же наиболее эффективных психокоррекционных программ рассчитана на 9–10 месяцев регулярных занятий в объеме 900–1000 часов [3], и в случае их прерывания вся проведенная с осужденным работа оказывается безрезультатной.

Законодательное положение психологической работы существенно снижает ее ресоциализационный, исправительный потенциал. С учетом значения данной деятельности прежде всего в изучении личности осужденного, его мотивационной сферы, бессознательных мотивов и т. п. требуется более широкое использование возможностей психологической службы в исправительном процессе. Целесообразно законодательно закрепить психологическую работу в качестве самостоятельного средства исправительного воздействия, а также установить обязанность осужденного посещать индивидуальные психотерапевтические сеансы, если психолог исправительного учреждения придет к выводу о необходимости такой работы с конкретным осужденным.

С учетом специфики замкнутого социального пространства любого исправительного учреждения, некоторых особенностей криминальной субкультуры, поощряющей агрессию одних своих членов по отношению к другим, во избежание распространения конфиденциальной информации среди других осужденных следует сохранить за-

конодательное требование о добровольности психологической помощи, но только в отношении групповых занятий (сеансов). При этом недопустимо применение дисциплинарного взыскания за отказ осужденного от работы с психологом, поскольку принуждение окажет эффект, обратный ожидаемому, повлечет замыкание осужденного, его закрытость от дальнейших попыток психолого-воспитательного воздействия. Вместе с тем осужденный должен быть осведомлен, что его отказ от участия в назначенных индивидуальных сеансах будет являться препятствием для перевода в облегченные условия отбывания наказания, в исправительное учреждение с более легким режимом, для условно-досрочного освобождения. При направлении характеризующих осужденного материалов в суд для рассмотрения таких дел администрацией исправительного учреждения делается отметка о том, что осужденный отказался от психотерапевтического воздействия. Полагаем, такие осужденные не должны освобождаться условно-досрочно либо иметь возможность иным образом улучшить условия отбывания наказания. Другими словами, у каждого осужденного должен быть выбор – упорствовать и отбыть весь срок либо содействовать исправительному процессу в отношении самого себя и получить возможность досрочного освобождения.

Полезным может оказаться опыт зарубежных стран, в частности США, где суд вправе назначить подсудимому (особенно за преступления, связанные с насилием против личности) обязанность посетить определенное количество сеансов психотерапии. Отказ или неявка на сеанс влечет различные негативные последствия – от утраты права на досрочное освобождение до отмены последнего.

Также необходимо введение обязательной индивидуальной психотерапевтической работы в течение определенного времени после освобождения, но не менее одного года, поскольку наибольшее количество рецидивных преступлений (около 80 %) совершаются именно в первый год после освобождения. Такая работа может проводиться штатными психологами уголовно-исполнительных инспекций, дислоцирующимися по месту жительства осужденного. В этой связи следует отметить остро назревшую необходимость создания службы пробации, которая во многом способна принять на себя эту важную роль в психологическом сопровождении лиц, отбывших наказание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антонян, Ю. М.** Личность преступника и профилактика преступлений / Ю. М. Антонян, Е. А. Антонян, О. Р. Афанасьева [и др.] ; под редакцией Ю. М. Антоняна. – Москва : Проспект, 2020. – 224 с. – ISBN 978-5-392-20766-1.
2. **Бережнова, Н. Д.** Правоохранительная деятельность психологических служб уголовно-исполнительной системы / Н. Д. Бережнова // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 4. – С. 49–51.
3. **Дебольский, М. Г.** Возможности психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания / М. Г. Дебольский // Развитие личности. – 2012. – № 3. – С. 230–241.
4. **Дебольский, М. Г.** Нормативно-правовое обеспечение деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы на различных этапах ее развития / М. Г. Дебольский // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 70–75.
5. **Дебольский, М. Г.** Психологическая служба уголовно-исполнительной системы как типовая модель ведомственной психологической службы / М. Г. Дебольский // Психология и право. – 2011. – № 1. – URL: http://psyjournals.ru/files/39328/psyandlaw_2011_1_Debolskii.pdf (дата обращения: 11.08.2019).
6. **Киселева, Р. Н.** Организация психологической работы в местах лишения свободы по сокращению рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание / Р. Н. Киселева // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 4 (22). – С. 98–104.
7. **Кудрявцев, В. Н.** Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Норма, 2007. – 128 с. – ISBN 978-5-468-00073-1.
8. **Лукичев, О. В.** Воспитательное воздействие на осужденных в исправительных учреждениях и семье / О. В. Лукичев, А. А. Раськевич // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 2 (38). – С. 116–124.
9. **Поздняков, В. М.** Реформа уголовно-исполнительной системы России и новые задачи пенитенциарной психологии / В. М. Поздняков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 2 (49). – С. 3–6.
10. **Солдатова, Е. Л.** Психология развития и возрастная психология. Онтогенез и дизонтогенез / Е. Л. Солдатова, Г. Н. Лаврова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. – 384 с. – ISBN 978-5-534-08007-0.
11. **Чернышкова, М. П.** Суициды среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных : аналитический обзор / М. П. Чернышкова, Н. А. Цветкова, Л. П. Лобачева и др. // Суицидология. – 2017. – Т. 8, № 3 (28). – С. 62–70.
12. **Щербаков, Г. В.** Методика анкетного изучения мнения осужденных о воспитательной работе с ними / Г. В. Щербаков, М. М. Черехович // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 543–553. – DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.543-553.

REFERENCES

1. Antonyan YU. M. (red.) *Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenij* [The identity of the offender and crime prevention]. Moscow, 2020. 224 p. (In Russ.).
2. Berezhnova N. D. *Pravoohranitel'naya deyatel'nost' psihologicheskikh sluzhzb ugovolno-ispolnitel'noj sistemy* [Law enforcement activity of psychological services of the penal system]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo – Administrative and municipal law*, 2011, no. 4, pp. 49–51. (In Russ.).
3. Debol'skij M. G. *Vozmozhnosti psihologicheskoy sluzhby ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v realizacii celej nakazaniya* [Opportunities of the psychological service of the penal system in realizing the goals of punishment]. *Razvitie lichnosti – Personal development*, 2012, no. 3, pp. 230–241. (In Russ.).
4. Debol'skij M. G. *Normativno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti psihologicheskoy sluzhby ugovolno-ispolnitel'noj sistemy na razlichnykh etapah ee razvitiya* [Regulatory support for the activities of the psychological service of the penal system at various stages of its development]. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 70–75. (In Russ.).
5. Debol'skij M. G. *Psihologicheskaya sluzhba ugovolno-ispolnitel'noj sistemy kak tipovaya model' vedomstvennoj psihologicheskoy sluzhby* [Psychological service of the penal system as a typical model of departmental psychological service]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2011, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/files/39328/psyandlaw_2011_1_Debolskii.pdf (accessed 11.08.2019). (In Russ.).
6. Kiseleva R. N. *Organizaciya psihologicheskoy raboty v mestah lisheniya svobody po sokrashcheniyu recidiva prestuplenij, sovershennykh licami, otbyvshimi nakazanie* [Organization of psychological work in prisons to reduce the recurrence of crimes committed by persons who have served their sentences]. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2015, no. 4 (22), pp. 98–104. (In Russ.).
7. Kudryavcev V. N. *Bor'ba motivov v prestupnom povedenii* [Fight of motives in criminal behavior]. Moscow, 2007. 128 p. (In Russ.).
8. Lukichev O. V., Ras'kevich A. A. *Vospitatel'noe vozdejstvie na osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah i sem'e* [Educational impact on convicts in correctional institutions and families]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2008, no. 2 (38), pp. 116–124. (In Russ.).
9. Pozdnyakov V. M. *Reforma ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossii i novye zadachi penitenciarnej psihologii* [Reform of the penal system in Russia and new tasks of penitentiary psychology]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organah – Psychopedagogy in law enforcement*, 2012, no. 2 (49), pp. 3–6. (In Russ.).
10. Soldatova E. L., Lavrova G. N. *Psihologiya razvitiya i vozrastnaya psihologiya. Ontogenez i dizontogenez* [Developmental psychology and age-related psychology. Ontogenesis and dysontogenesis]. Rostov-on-Don, 2004. 384 p. (In Russ.).
11. Chernyshkova M. P., Cvetkova N. A., Lobacheva L. P., Debol'skij M. G., Dikopol'cev D. E. *Suicidy sredi podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh* [Suicides among suspects, accused and convicted persons]. *Suicidologiya – Suicidology*, 2017, vol. 8, no. 3 (28), pp. 62–70. (In Russ.).
12. Shcherbakov G. V., Cherekhovich M. M. *Metodika anketnogo izucheniya mneniya osuzhdennykh o vospitatel'noj rabote s nimi* [Methodology of questionnaire study of the opinion of convicts about educational work with them]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Human: crime and punishment*, 2019, vol. 27, no. 4, pp. 543–553. doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.543-553. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

МАКСИМ МИХАЙЛОВИЧ ЧЕРЕХОВИЧ – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-1388>, e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

MAKSIM M. CHEREKHOVICH – Postgraduate student of the Department of Criminal Law of the Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-1388>, e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования

В. В. КОСТЕРИН

Управляющая компания «Группа ГАЗ», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7438-042X>, e-mail: vvkosterin@yandex.ru

Реферат. В последнее время в уголовно-правовой науке развернулась дискуссия о включении в криминальный блок нового института – уголовного проступка – противоправного деяния, в отношении которого применяются специальные, менее строгие правила определения размера наказания и, предположительно, не распространяется понятие судимости.

В статье рассматриваются перспективы введения категории деяния «уголовный проступок» в УК РФ, даются оценка и комментарии к реформе, предложенной Верховным Судом Российской Федерации, обзревается различные научные точки зрения на институт и подходы к формулированию дефиниции, прогнозируются основные направления развития нового института.

Наиболее дискуссионными вопросами возможной реформы являются: 1) понятие и место уголовного проступка (как самостоятельного деликта или подвида преступлений небольшой тяжести); 2) способ закрепления (в виде главы уголовного кодекса или самостоятельного кодекса уголовных проступков); 3) виды наказания (штраф, исправительные работы, арест); 4) возникновение судимости (условия, сроки, длительность); 5) способы закрепления новых наказаний (в виде самостоятельных статей уголовного кодекса или дополнительной редакции уже существующих статей с указанием на меньший объем наказания в случае применения к лицу, совершившему уголовный проступок).

Ключевые слова: уголовный проступок; категоризация преступлений; дифференциация уголовной ответственности; судимость; уголовно-правовая политика.

12.00.08 – Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Костерин В. В. Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):343–348. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-343-348.

Criminal misdemeanor: assessment of embodiment forms and prospects of existence

V. V. KOSTERIN

GAZ Group Management Company, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7438-042X>, e-mail: vvkosterin@yandex.ru

Abstract. Recently there has been a discussion in criminal law science about the inclusion in the criminal block of a new institution – a criminal misdemeanor – a wrongful act, in relation to which special, less strict rules for determining the amount of punishment are applied and, presumably, the concept of a criminal record does not apply.

The article examines the prospects for introducing the category of “criminal misdemeanor” in the Criminal Code of the Russian Federation, provides an assessment and comments on the reform proposed by the Supreme Court of the Russian Federation, examines various scientific points of view on the institution and approaches to formulating the definition, predicts the main directions of development of the new institution.

The most controversial issues of a possible reform are: 1) the concept and place of a criminal misdemeanor (as an independent tort or a subtype of minor crimes); 2) the method of consolidation (in the form of a chapter of the criminal code or an independent

code of criminal misdemeanors); 3) types of punishment (fine, correctional labor, arrest); 4) the occurrence of a criminal record (conditions, terms, duration); 5) ways of securing new punishments (in the form of independent articles of the criminal code or additional wording of existing articles, indicating a smaller amount of punishment if applied to a person who has committed a criminal misdemeanor).

Key words: criminal misdemeanor; categorization of crimes; differentiation of criminal liability; conviction; criminal law policy.

12.00.08 – Criminal law, criminology, penal law.

For citation: Kosterin V. V. Criminal misdemeanor: assessment of forms of embodiment and prospects of existence. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):343–348. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-343-348.

Социально-экономические изменения в России в конце XX – начале XXI вв. повлекли за собой трансформацию всего правового массива. Прежние юридические регламенты не отвечали потребностям и запросам общества, нуждались в пересмотре. Потребовались новые юридические решения, позволяющие оперативно обеспечивать эффективность проводимых реформ. В этих условиях особое место принадлежит уголовному законодательству, призванному обеспечить защиту личности, общества и государства от возникающих противоправных посягательств [1; 11; 14, с. 7].

Законодатель, реализуя основные направления уголовной политики, в 1996 г. принял Уголовный кодекс, который был призван обеспечить важнейшие социальные блага и институты специфическими методами и средствами. Однако, как оказалось впоследствии, он не смог решить все вопросы, что побудило ученых-криминалистов начать дискуссии о его дополнении новыми правовыми институтами, в частности институтом уголовного проступка.

Идея введения в российское законодательство института уголовного проступка не является новой. Вынесение на рассмотрение Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"» привело к очередной интенсификации дискуссий в научном сообществе по данному вопросу [2].

В общем смысле уголовный проступок понимается как недостающая промежуточная категория между административным правонарушением и уголовным преступлением, в которую переведут преступления, не представляющие большой общественной опасности. Предполагается, что наказа-

ние и соответствующие правовые последствия совершения уголовного проступка будут значительно меньше, чем у полноценного преступления. Например, часто звучит предложение об отмене судимости за совершение уголовного проступка.

Вероятно, подобные инициативы Верховного Суда Российской Федерации вызваны сформировавшейся потребностью в выделении новой категории деликтов и готовностью уголовного законодательства принять соответствующие изменения. Статистические материалы показывают увеличение частоты использования наказаний, не связанных с лишением свободы, в делах о преступлениях небольшой тяжести [10]. Исследователи и ранее отмечали, что «введение категории «уголовный проступок» позволит решить задачу дальнейшего развития тенденции гуманизации уголовно-правовых норм, максимизировать дифференциацию ответственности и наказания в уголовном праве» [16, с. 15]. Более того, проведение реформ в области экономики, ориентация на рыночные отношения и капиталистическое мышление стимулируют правовую систему к более широкому использованию экономических санкций (таких как штраф и исправительные работы) там, где это допустимо. При этом, государство способно удовлетворить часть своих фискальных потребностей за счет дополнительных поступлений в бюджет. Речь не ведется о возвращении талиона, но те же экономические преступления должны в большинстве своем наказываться экономической санкцией, компенсирующей убытки государства.

Дуалистичный процесс введения категории «уголовный проступок», включающий как гуманизацию уголовного права и реализацию принципа экономии уголовных репрессий, с одной стороны, так и криминализацию ранее недооцененных потенциально общественно опасных административных правонарушений – с другой, в определенной степени разрешит существующие спорные ситуации. В качестве примера рассмотрим частичную декриминализацию ст. 116 УК РФ,

выразившуюся во введении ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 116¹ УК РФ. Применение механизма административной преюдиции для регулирования столь латентного и общественно опасного деяния недостаточно рационально и эффективно. В перспективе можно ожидать переход деяний, указанных в ст. 6.1.1 КоАП РФ, в категорию уголовных проступков.

Текущий цикл осмысления подобного расширения спектра деликтов далеко не первый в истории российских доктринальных исследований. Основная проблематика реформы заключается в понимании критериев, характеризующих деяние как уголовный проступок, и четком определении его места в системе уголовно наказуемых деяний. В этом случае дальнейшие рассуждения невозможны без четкого формулирования определения уголовного проступка.

Говоря о современном подходе, в первую очередь следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42, где проступок определен как «преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы». Предложено закрепить дефиницию в виде дополнения к ч. 2 ст. 15 УК РФ. Этим нововведением Верховный Суд фактически создает подкатегорию преступлений небольшой тяжести, что, несмотря на депенализацию, станет больше терминологическим изменением [4, с. 66], чем практическим. Существует высокая вероятность, что общество придет к отождествлению проступка с полноценным преступлением небольшой тяжести и впоследствии интенсивность общественного порицания не снизится, а возможность успешного исправления преступника и его дальнейшей ресоциализации повысится незначительно. Подобное неполное разделение категорий препятствует полноценной дифференциации наказаний и наказуемых. Предложенные решения необходимо относить к временной мере, требующей переработки и дополнительного развития. Для наиболее эффективного проведения реформы требуется выделение уголовных проступков в отдельную категорию деликтов.

Научное поле содержит большое количество точек зрения на данный вопрос. Например, Н. Ф. Кузнецова отмечает: «Уголовным проступком признаются умышленные и неосторожные преступления, за совершение которых предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы до трех лет» [12, с. 75], при этом наказание отбывается в колонии-поселении, а срок погашения судимости – год. М. Р. Гета определяет уголовный проступок как «предусмотренное федеральным законом, виновно совершенное вменяемым лицом, достигшим возраста допустимости применения средств уголовно-правового воздействия, деяние, не имеющее общественной опасности преступления и не связанное с причинением смерти, а равно тяжкого вреда здоровью человека» [5, с. 27].

Д. Ю. Корсун предлагает понимать уголовный проступок как «виновно совершенное деяние, способное причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой любого из предусмотренных наказаний, кроме лишения свободы. Уголовным проступком также признается действие (бездействие), формально содержащее признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, однако в силу меньшей степени общественной опасности таковым не являющееся» [9, с. 77] (с закреплением в ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Рассмотрим последнюю дефиницию подробнее. Д. Ю. Корсун не единственный исследователь [3, с. 35], поднимающий вопрос упразднения института малозначительности в силу предположения, что его успешно заменит уголовный проступок. Действительно, институт малозначительности имеет несовершенную форму воплощения, труден в толковании и фактическом применении [7; 8], но его исключение нанесет гораздо больший вред правам человека. Столь активное сравнение деяния, не представляющего большой общественной опасности, и деяния, не представляющего общественную опасность в силу малозначительности, ошибочно и приближается к смешению понятий. В рамках рассматриваемого предложения ликвидация института малозначительности станет прямым усечением принципа справедливости.

Рассуждая о дефиниции деяния, затруднительно отделить проступок от качественно идентичного преступления: первый обладает всеми признаками второго. Тем не менее очевидно их количественное различие: проступок проецирует минимальный уровень общественной опасности, а исправление совершившего его лица достижимо без применения радикальных видов уголовного наказания, что служит достаточным основанием для выделения уголовного проступка в качестве отдельной категории уголовных деликтов, наложения более мягких видов наказаний, применения иного подхода к возникновению судимости и процессуальному регулированию.

В этой связи в рамках проводимого исследования предлагается иная дефиниция уголовного проступка: «Уголовным проступком признается деяние, обладающее всеми признаками преступления, но несущее незначительную общественную опасность и не предусматривающее лишение свободы в качестве наказания».

Согласно пояснительной записке к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42 «очевидно, что отнесение к одной и той же категории преступлений деяний, существенно различающихся по характеру общественной опасности, не вполне согласуется с общеправовым принципом справедливости и принципом индивидуализации уголовной ответственности и наказания». Верховный Суд Российской Федерации предлагает ввести дефиницию уголовного проступка через редакцию ч. 2 ст. 15 УК РФ, тем самым разделив преступления небольшой тяжести на две подкатегории. При этом для применения в качестве санкций за совершение уголовного проступка расширяется блок иных мер уголовно-правового характера, фактически создавая отдельный перечень наказаний для данного подвида деликтов. Возникает сложность в понимании замысла реформы и составлении прогноза дальнейшего развития института: либо Верховный Суд Российской Федерации не решается проводить реформу в полном объеме и ограничивается полумерами в виде подкатегории, либо, наоборот, появление отдельного блока наказаний является первым этапом выделения уголовных проступков в самостоятельный кодекс уголовных проступков. С. А. Маркунцов справедливо отмечает: надо осознавать, что «введение института уголовного проступка предполагает фундаментальное реформирование действующей системы права» [13, с. 359].

Выделение уголовных проступков как отдельной, пятой, категории преступлений приведет лишь к терминологическим изменениям. Нахождение категории уголовного проступка в рамках УК РФ не позволит достигнуть достаточной степени дифференциации деяний как с процессуальной точки зрения, так и с социальной. Человек, совершивший уголовный проступок, будет приравниваться обществом к полноценному преступнику. В этой связи возможность выделения уголовных проступков в отдельный кодекс уголовных проступков с формулированием самостоятельного списка санкций видится самой рациональной.

Отдельного рассмотрения требуют правовые последствия, следующие за совер-

шением проступка. Продолжая тенденцию, начатую Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», в виде включения в УК РФ судебного штрафа, Верховный Суд Российской Федерации предлагает расширить перечень иных мер уголовно-правового характера, которые могут применяться в качестве санкции за совершение уголовного проступка. Выбранный перечень наказаний и их объем следует признать логически обоснованными и в достаточной мере отражающими тенденцию к гуманизации и экономии уголовных репрессий. Наложение наказаний, перечисленных в гл. 15² УК РФ, не влечет возникновение судимости, то есть правонарушитель получает дополнительную возможность для возвращения к законопослушному образу жизни. Тем не менее форма закрепления данного механизма вызывает сомнения. Введение целого блока иных мер уголовно-правового характера видится довольно громоздким решением. Альтернативой могла бы стать редакция ст. 86 УК РФ с примечанием об отсутствии судимости за совершение уголовного проступка, а также указаний на меньший максимальный объем наказания в санкциях отдельных преступлений. Иными словами, вместо создания дублирующих санкций, предполагающих меньший объем правовых последствий, возможно сформулировать условия применения уже существующих уголовных наказаний для использования в делах о совершении уголовных проступков, при этом сохраняя все предусмотренные процессуальные послабления в виде отсутствия возникновения судимости и др. Более глобальным, но простым решением является вынесение отдельного списка санкций в кодекс уголовных проступков.

Спорным видится выдвинутое Верховным Судом Российской Федерации положение, в соответствии с которым лицо, совершившее уголовный проступок впервые, освобождается от уголовной ответственности с применением одной из мер, указанных в гл. 15² УК РФ. Примечание к предложенной редакции ст. 76² гласит: «...лицо признается впервые совершившим уголовный проступок, если оно не имеет неснятой или непогашенной судимости». Создается норма, не учитывающая личность преступника, что усложняет профилактику рецидива через угрозу применения более строгих мер воздействия.

Возникает пространство для ситуации, когда деликвент, которого «устраивает» исполнение исправительных работ в течение года (максимальный срок для уголовного проступка), будет уверенно совершать проступок вновь и вновь, добросовестно отбывая наказание за каждый отдельный случай [15, с. 41]. Подобный вариант развития событий также необходимо учитывать в процессе законотворчества, иначе есть риск возвращения к уже решенной проблеме: борьбе с устойчивым повторением преступления, когда предусмотренное максимальное наказание за деяние не оказывает на лицо, его совершившее, достаточного воздействия.

Ошибочно проводить реформу без внедрения защитного механизма в виде административной преюдиции. Так, предполагая, что основную массу уголовных проступков составят декриминализованные преступления небольшой тяжести, сложно представить, как в настоящее время правоохранительная система позволяет преступнику регулярно совершать преступления данной категории, уплачивая за это судебный штраф или выполняя обязательные работы, без создания для него дополнительных правовых последствий в виде профилактики рецидива, учета обстоятельств, отягчающих наказание, и т. д.

Требуется выработка решения, способного уравновесить общее послабление правовых последствий, возникающих из-за совершения уголовного проступка, стать дополнительным средством защиты от их систематического повторения. В этой связи предлагается использовать не временной, а количественный критерий и презюмировать, что совершение лицом определенного количества уголовных проступков (например, шести и более) сигнализирует об осознанном отказе лица от предоставленной государством возможности вернуться к за-

конопослушному образу жизни без дополнительных негативных правовых последствий. Превышение количественного порога совершенных уголовных проступков позволяет задействовать механизм административной преюдиции, приравнивать уровень создаваемой общественной опасности к полноценному преступлению небольшой тяжести и применять качественно и количественно более строгие наказания (например, арест сроком до двух месяцев). Подобное дополнение к реформе усилит превенцию повторного совершения уголовных проступков, даст правоохранительной системе возможность реагировать соразмерно уровню проецируемой общественной опасности. В дополнение уместно предположить, что в перспективе развития уголовного права потребуются частичное обновление института судимости.

Подводя итог, следует еще раз указать на потребность воспринимать уголовный проступок как отдельный вид общественно опасных деяний, требующий особого регулирования в рамках назначения наказания, возникновения судимости и иных правовых последствий. Введение института может послужить импульсом для целого блока позитивных качественных изменений российского уголовного законодательства.

В настоящий момент концепция уголовного проступка имеет много минусов и в случае принятия станет первым шагом в сторону от привычной нам системы категоризации преступлений, но заложит основы движения к цели в виде «маленького, но жесткого» [6, с. 56] уголовного кодекса и гуманного кодекса уголовных проступков, тесно взаимодействующего с КоАП РФ посредством механизма административной преюдиции, а также повлечет переосмысление института судимости и возможное исчезновение категории «преступления небольшой тяжести».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бойко, С. И.** Уголовная ответственность за мошенничество: теоретико-прикладное исследование : монография / под. ред. А. П. Кузнецова. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 202 с. – ISBN 978-5-4396-1823-1.
2. **Гаврилов, Б. Я.** Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества / Б. Я. Гаврилов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – № 2. – С. 131–136.
3. **Гаврилов, Б. Я.** Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) / Б. Я. Гаврилов, Е. В. Рогова // Публичное и частное право. – 2016. – № 4. – С. 7–45.
4. **Гальперин, И. М.** Социальные и правовые основы депенализации / И. М. Гальперин // Советское государство и право. – 1980. – № 3. – С. 63–66.
5. **Гета, М. Р.** Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России / М. Р. Гета. – Москва : Норма, 2017. – 336 с. – ISBN 978-5-91768-728-5.
6. **Коробеев, А. И.** Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в Уголовном Кодексе Российской Федерации 1996 года / А. И. Коробеев // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы II Международной научно-практической конференции. – Москва : Проспект, 2005. – С. 53–56.
7. **Корсун, Д. Ю.** О законопроекте Верховного Суда РФ, связанного с декриминализацией ряда преступлений небольшой тяжести, а также предложение по введению в правовую систему РФ категории «уголовный проступок» / Д. Ю. Корсун // Юридическая наука. – 2016. – № 2. – С. 88–94.
8. **Корсун, Д. Ю.** О некоторых вопросах применения части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации и о введении в российское право категории «уголовный проступок» / Д. Ю. Корсун // Мир юридической науки. – 2015. – № 10. – С. 42–47.

9. Корсун, Д. Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России / Д. Ю. Корсун // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 72–78.
10. Корсун, Д. Ю. Сравнительный анализ законопроекта Верховного Суда РФ о декриминализации ряда преступлений небольшой тяжести и вступивших в силу изменений в УК РФ: от идеи к реализации / Д. Ю. Корсун // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 11. – С. 135–140.
11. Кузнецов, А. П. Цели уголовного наказания: теоретико-прикладное исследование / А. П. Кузнецов, С. И. Курдюков // Российская юстиция. – 2019. – № 3. – С. 4–7.
12. Кузнецова, Н. Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации / Н. Ф. Кузнецова // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 67–75.
13. Маркунцов, С. А. Еще раз к вопросу об уголовном проступке / С. А. Маркунцов // Уголовное право: стратегия развития в XXI век : материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Москва : РФ-Пресс, 2019. – С. 358–364.
14. Уголовное право России. Общая часть : курс лекций / под ред. А. П. Кузнецова, Е. Е. Черных. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 563 с. – ISBN 978-5-4396-1584-1.
15. Фисун, А. В. О некоторых проблемах введения категории «уголовный проступок» в Уголовный кодекс Российской Федерации / А. В. Фисун // Theoretical & Applied Science. – 2018. – № 5. – С. 40–43.
16. Цатурян, Т. В. Проблемы классификации преступлений в уголовном праве Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цатурян Тамара Владимировна. – Ставрополь, 2004. – 172 с.

REFERENCES

1. Bojko S. I. *Ugolovnyaya otvetstvennost' za moshennichestvo: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Criminal liability for fraud: an applied-theoretical study]. Moscow, 2019. 202 p. (In Russ.).
2. Gavrilov B. YA. *Ugolovnyj prostupok v rossijskom prave: pozhelaniya zakonodatelya ili realii rossijskogo obshchestva* [Criminal misconduct in Russian law: the wishes of the legislator or the realities of Russian society]. *CHelovek: prestuplenie i nakazanie – Human: crime and punishment*, 2018, no. 2, pp. 131–136. (In Russ.).
3. Gavrilov B. YA., Rogova E. V. *Ugolovnyj prostupok: koncepciya razvitiya (mnenie uchenogo i praktika)* [Criminal misconduct: development concept (opinion of a scientist and practice)]. *Publichnoe i chastnoe pravo – Public and private law*, 2016, no. 4, pp. 7–45. (In Russ.).
4. Gal'perin I. M. *Social'nye i pravovye osnovy depenalizatsii* [Social and legal foundations of depenalization]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1980, no. 3, pp. 63–66. (In Russ.).
5. Geta M. R. *Ugolovnoe pravo: predely, ob'ekty i sredstva vazdejstviya v bor'be s prestupnost'yu v sovremennoj Rossii* [Criminal law: limits, objects and means of influence in the fight against crime in modern Russia]. Moscow, 2017. 336 p. (In Russ.).
6. Korobeev A. I. *Ugolovno-pravovaya politika: problema obosnovannosti zapretov v Ugolovnom Kodekse Rossijskoj Federacii 1996 goda* [Criminal law policy: the problem of the validity of prohibitions in the 1996 Criminal Code of the Russian Federation]. *Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke»* [Materials of the II International Scientific and Practical Conference «Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century»]. Moscow, 2005, pp. 53–56. (In Russ.).
7. Korsun D. YU. *O zakonoproekte Verhovnogo Suda RF, svyazannogo s dekriminalizatsiej ryada prestuplenij nebol'shoj tyazhesti, a takzhe predlozhenie po vvedeniyu v pravovuyu sistemu RF kategorii «ugolovnyj prostupok»* [On the draft law of the Supreme Court of the Russian Federation related to the decriminalization of a number of minor crimes, as well as a proposal to introduce the category of «criminal» into the legal system of the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*, 2016, no. 2, pp. 88–94. (In Russ.).
8. Korsun D. YU. *O nekotoryh voprosah primeneniya chasti 2 stat'i 14 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i o vvedenii v rossijskoe pravo kategorii «ugolovnyj prostupok»* [On some issues of application of part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation and on the introduction of the category of «criminal misdemeanor» into Russian law]. *Mir yuridicheskoy nauki – The world of legal science*, 2015, no. 10, pp. 42–47. (In Russ.).
9. Korsun D. YU. *Ponyatie ugolovnogo prostupka kak novoj kategorii ugolovnogo prava Rossii* [The concept of a criminal misdemeanor as a new category of Russian criminal law]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*, 2017, no. 1, pp. 72–78. (In Russ.).
10. Korsun D. YU. *Sravnitel'nyj analiz zakonoproekta Verhovnogo Suda RF o dekriminalizatsii ryada prestuplenij nebol'shoj tyazhesti i vstupivshih v silu izmenenij v UK RF: ot idei k realizacii* [Comparative analysis of the draft law of the Supreme Court of the Russian Federation on decriminalization of a number of minor crimes and amendments to the Criminal Code of the Russian Federation that have come into force: from idea to implementation]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ekonomika i pravo – Modern science: topical problems of theory and practice. Economics and Law*, 2016, no. 11, pp. 135–140. (In Russ.).
11. Kuznecov, A. P., Kurdyukov S. I. *Celi ugolovnogo nakazaniya: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Purposes of criminal punishment: theoretical and applied research]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2019, no. 3, pp. 4–7. (In Russ.).
12. Kuznecova N. F. *Znachenie obshchestvennoj opasnosti deyanij dlya ih kriminalizatsii i dekriminalizatsii* [Significance of social danger of acts for their criminalization and decriminalization]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2010, no. 6, pp. 67–75. (In Russ.).
13. Markuncov S. A. *Eshche raz k voprosu ob ugolovnom prostupke* [Once again on the issue of criminal misdemeanor]. *Materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke»* [Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference «Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century»]. Moscow, 2019, pp. 358–364. (In Russ.).
14. Kuznecov A. P., Chernyh E. E. (red.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. A common part]. Moscow, 2018. 563 p. (In Russ.).
15. Fison A. V. *O nekotoryh problemah vvedeniya kategorii «ugolovnyj prostupok» v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii* [On some problems of introducing the category of «criminal misdemeanor» in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Theoretical & Applied Science*, 2018, no. 5, pp. 40–43. (In Russ.).
16. Caturyan T. V. *Problemy klassifikacii prestuplenij v ugolovnom prave Rossijskoj Federacii*. Diss. kand. yurid. nauk [Problems of classification of crimes in the criminal law of the Russian Federation. Diss. PhD. in Law]. Stavropol, 2004. 172 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КОСТЕРИН – ведущий специалист Департамента правового обеспечения внешнеэкономической деятельности, «Управляющая компания "Группа ГАЗ"», г. Нижний Новгород, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7438-042X>, e-mail: vkosterin@yandex.ru

VLADIMIR V. KOSTERIN – Leading Specialist of the Department of Legal Support of Foreign Economic Activity, GAZ Group Management Company, Nizhny Novgorod, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7438-042X>, e-mail: vkosterin@yandex.ru

Проблемы правового регулирования некоторых форм содействия государственных органов работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера

И. Г. ГРИГОРЬЯН

Пятигорский межмуниципальный филиал уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по Ставропольскому краю, г. Пятигорск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>, e-mail: vg-83@inbox.ru

Реферат. В работе анализируются проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием оказания государственными органами содействия работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Рассматриваются меры процессуального принуждения в виде привода осужденных, уклоняющихся от явки в судебное заседание, изучается возможность дополнительной регламентации принудительного привода всех осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера. Внесение поправок в нормативно-правовые акты, по мнению автора, существенно оптимизирует работу по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера, касающуюся своевременного применения мер взыскания и профилактики законопослушного поведения. Реализация сформулированных предложений призвана оптимизировать правовое регулирование содействия работе уголовно-исполнительных инспекций и способствовать достижению целей уголовно-исполнительного законодательства в части предупреждения совершения осужденными и иными лицами преступлений и иных правонарушений.

Ключевые слова: содействие; государственные органы; уголовно-исполнительные инспекции; исполнение наказания.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Григорьян И. Г. Проблемы правового регулирования некоторых форм содействия государственных органов работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):349–353. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-349-353.

Problems of legal regulation of certain forms of state bodies assistance in the work of penal inspections on execution of penalties and other criminal measures

I. G. GRIGORYAN

Pyatigorsk intermunicipal branch of the Penal Inspectorate of the Federal Penal Service of Russia in the Stavropol Territory

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>, e-mail: vg-83@inbox.ru

Abstract. The paper analyzes the problematic issues related to the legal regulation of assistance to state bodies in the work of penal inspections for the execution of sentences and measures of a criminal-legal nature that are not related to isolation from society. Measures of procedural coercion in the form of bringing convicts evading to appear at the court session are considered, the possibility of additional regulation of the forced bringing of all convicts to punishments and measures of a criminal law nature is studied. Amendments to the relevant regulatory legal acts, according to the author,

significantly optimize the work on the execution of punishments and measures of a criminal related to the timely application of penalties and prevention of law-abiding behavior. The implementation of the formulated proposals is designed to optimize the legal regulation of assistance in the work of penal inspectorates and to contribute to the achievement of the goals of the penal legislation in terms of preventing convicts and other persons from committing crimes and other offenses.

Key words: assistance; government bodies; penal inspections; execution of punishment.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Grigoryan I. G. Criminal misdemeanor: assessment of forms of embodiment and prospects of existence. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):349–353. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-349-353.

Современная уголовная политика Российской Федерации направлена на смягчение ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, что выражается в увеличении числа осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества. По данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, опубликованным на официальном сайте ведомства, в среднем свыше 70 % осужденных назначаются наказания, не связанные с лишением свободы.

Специализированным органом, осуществляющим контроль за отбыванием наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также контроль за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка до достижения их ребенком четырнадцатилетнего возраста, является уголовно-исполнительная инспекция Федеральной службы исполнения наказаний. В соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативом их штатной численности, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 № 729 (в ред. от 23.04.2012), в процессе своей деятельности УИИ взаимодействует с подразделениями органов внутренних дел, администрацией предприятий, учреждений и организаций, в которых работают осужденные, органами местного самоуправления, прокуратуры, судами и общественными объединениями.

Рост числа лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, возникновение проблемных вопросов при исполнении приговора, наличие пробелов в правовом регулировании исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества, свидетельствуют о необходимости

сти углубленного анализа действующего законодательства для обеспечения его соответствия актуальным потребностям. Вместе с этим возникает необходимость оказания содействия инспекциям при исполнении приговора со стороны взаимодействующих государственных органов и субъектов общественности. Данный процесс также нуждается в правовом закреплении.

Одним из основных пробелов в правовом регулировании института замены наказания более строгим видом наказания является отсутствие уголовно-процессуального статуса у сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, не являющихся участниками уголовного процесса. Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ осужденным признается лицо, обвинявшееся в совершении преступления и в отношении которого вынесен обвинительный приговор. Следует согласиться с мнением Л. А. Шабалиной о том, что после вступления обвинительного приговора в законную силу осужденный воспринимается исключительно как объект исправительно-карательного воздействия [4].

Приговором Минераловодского городского суда Ставропольского края от 17.01.2019 Г. осуждена по ч. 2 ст. 159 УК РФ к одному году исправительных работ с удержанием 20 % из заработной платы в доход государства. Начальник Минераловодского межмуниципального филиала УИИ УФСИН России по Ставропольскому краю обратился в суд с представлением о замене наказания в виде исправительных работ более строгим видом наказания. В судебное заседание Г. не являлась. Представитель прокуратуры полагал невозможным рассмотрение представления начальника инспекции в отсутствие осужденного, дабы не лишать последнего права на защиту. Также прокурор отвергал возможность принудительного привода ввиду того, что он не предусмотрен нормами уголовно-процессуального законодательства.

Приговором мирового судьи судебного участка № 2 г. Железноводска Ставропольского края от 30.10.2017 В. осуждена по ч. 1 ст. 158 УК РФ к 200 часам обязательных работ. Начальник уголовно-исполнительной инспекции обратился в суд с представлением о замене обязательных работ более строгим видом наказания в связи со злостным нарушением порядка и условий отбывания наказания, выразившимся в невыходах на обязательные работы более двух раз в течение месяца (12 невыходов без уважительной причины). Судья несколько раз переносил судебное заседание. Осужденная продолжала допускать нарушения и не выходила на обязательные работы. В судебном заседании представитель прокуратуры заявленное представление не поддержал, просил суд отказать. Постановлением судьи в удовлетворении представления было отказано. Впоследствии осужденная В. повторно совершила преступление в период отбывания наказания. Налицо факт беспомощности сотрудника уголовно-исполнительной инспекции, связанный с отсутствием у него статуса участника уголовного судопроизводства при рассмотрении представлений по вопросам, касающимся исполнения приговора.

Таким образом, считаем целесообразным закрепление сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в качестве участников уголовного судопроизводства. Необходимость введения предлагаемых изменений обусловлена тем, что в ст. 399 УПК РФ среди инициаторов рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, указаны учреждения и органы, исполняющие наказания. Согласно ч. 1 ст. 123 УПК РФ действия суда или прокурора могут быть обжалованы участниками уголовного судопроизводства. Закрепление сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы в качестве участников уголовного судопроизводства позволит уголовно-исполнительным инспекциям обжаловать решения суда и прокуратуры в судах апелляционной инстанции.

Одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Осужденные, вставшие на путь злостного уклонения от отбывания наказания, систематического неисполнения возложенных обязанностей и несоблюдения установленных ограничений, выказывают явное неуважение к общественным интересам, демонстрируя склонность к противоправному поведению. Невзирая на

то, что материалы личного дела направляются в суд для решения вопроса о замене наказания, подавляющая часть осужденных продолжает уклоняться от контроля уголовно-исполнительных инспекций и отбывания наказания.

Следует учесть, что ч. 5 ст. 11 УИК РФ к числу основных обязанностей всех категорий осужденных отнесена явка по вызову администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. В случае неявки осужденный может быть подвергнут принудительному приводу. Аналогичные нормы, касающиеся принудительного привода, закреплены в ч. 3 ст. 39 и ч. 4 ст. 188 УИК РФ, то есть в отношении осужденных к наказанию в виде исправительных работ и условно осужденных, уклоняющихся от явки в инспекцию по вызову. Применительно к осужденным к иным видам наказаний и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, указанные нормы отсутствуют. На наш взгляд, следует внести в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации следующие изменения: в ч. 1 ст. 29 – «В случае неявки по вызову осужденные к обязательным работам могут быть подвергнуты принудительному приводу. Привод осуществляют сотрудники органов внутренних дел по письменному поручению уголовно-исполнительной инспекции»; в п. «в» ч. 1 ст. 58 – «В случае неявки по вызову осужденные к ограничению свободы могут быть подвергнуты принудительному приводу. Привод осуществляют сотрудники органов внутренних дел по письменному поручению уголовно-исполнительной инспекции»; в ч. 1 ст. 178 – «В случае неявки по вызову осужденные, к которым применена отсрочка отбывания наказания, могут быть подвергнуты принудительному приводу. Привод осуществляют сотрудники органов внутренних дел по письменному поручению уголовно-исполнительной инспекции». В. Г. Громов считает, что «под приводом понимается предусмотренное законом принудительное доставление лица сотрудниками правоохранительных органов в органы уголовно-исполнительной инспекции» [2]. Следует согласиться с формулировкой «принудительное доставление лица», однако субъектом привода осужденного необходимо определить сотрудников органов внутренних дел. Данные изменения позволят закрепить форму содействия работе уголовно-исполнительных инспекций со стороны органов внутренних дел в виде принудительного привода осужденных, уклоняющихся от явки по вызову в инспекцию.

Но если явка осужденных по вызову в инспекцию, как правило, проблем не доставляет, то явка в суд по вопросу рассмотрения представления о замене наказания более строгим видом наказания имеет ряд правовых препятствий. Согласно ст. 232 УПК РФ судья дает распоряжение о вызове осужденных в судебное заседание. В ч. 1 ст. 113 УПК РФ указано, что «в случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, свидетель и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, могут быть подвергнуты приводу». Однако осужденный, не явившийся по вызову в судебное заседание без уважительных причин, является уклоняющимся от суда. Некоторые суды не выносят постановление о приводе осужденных, мотивируя это тем, что в ст. 113 УПК РФ осужденные не рассматриваются как категория лиц, подлежащих приводу. Согласимся с мнением Л. А. Пупышевой о необходимости внесения соответствующих изменений в ст. 113 УПК РФ, где после слова «обвиняемый» следует указать «осужденный» [3]. Считаем корректировку данной нормы необходимым условием закрепления привода в качестве формы содействия суда работе уголовно-исполнительных инспекций при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Отсутствие законных оснований для принудительного привода для участия в судебном заседании и отсутствие желания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания и которому грозит лишение свободы, добровольно являться в судебное заседание могут привести к совершению преступлений и иных правонарушений.

Т. А. Гараева справедливо отмечает, что проблема исполнения привода часто связана с проникновением в жилище лица [1]. Данный вопрос не урегулирован ни ст. 113 УПК РФ, ни приказом МВД России от 21.06.2003 № 438 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода», какие-либо разъяснения по этому поводу также отсутствуют. В ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» закреплено право судебного пристава входить в жилые помещения при осуществлении привода лица, уклоняющегося от явки по вызову суда (судьи), и в случае, указанном в постановлении суда (судьи).

Нередки случаи, когда судья, несмотря на неявки в первое судебное заседание и злост-

ное уклонение от отбывания наказания в виде обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, заменяет вышеназванные виды более строгим наказанием – лишением свободы, при этом устанавливая самостоятельный порядок следования к месту отбывания наказания. Такое постановление приводит к уклонению от отбывания наказания, выражающемуся в неявке по предписанию в исправительное учреждение в установленные сроки. Осужденный объявляется в розыск оперативными подразделениями ФСИН России до его фактического задержания. В период с момента вынесения постановления суда о замене наказания до установления фактического места нахождения осужденного, взятия его под стражу и направления в колонию-поселение под конвоем он может совершить преступления и иные правонарушения. Также установление места нахождения осужденного влечет за собой материальные и иные затраты.

К примеру, постановлением Пятигорского городского суда Ставропольского края от 22.07.2019 осужденному М. неотбытая часть наказания в виде исправительных работ была заменена более строгим видом наказания – лишением свободы сроком 4 месяца. Осужденному был установлен самостоятельный порядок следования к месту отбывания наказания. Указанный гражданин ранее не имел судимости. В период с момента вынесения постановления до вручения предписания о явке в исправительное учреждение М. начал злоупотреблять спиртными напитками и совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Если бы суд направил осужденного М. к месту отбывания наказания под конвоем, подобных последствий можно было избежать.

Для решения обозначенного вопроса предлагаем внести изменения в ст. 75.1 УИК РФ, дополнив ч. 4.1 следующей формулировкой: «При замене наказания злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде обязательных, исправительных работ, ограничения свободы более строгим видом наказания указанные осужденные по решению суда могут быть заключены под стражу и направлены в колонию-поселение под конвоем».

Подводя итог, следует отметить, что привод как одна из форм оказания содействия государственных органов работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера нуждается в правовом регулировании для успешного достижения целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гараева, Т. Б.** Теоретические и практические проблемы применения привода как иной меры процессуального принуждения / Т. Б. Гараева // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 3 (48). – С. 54–57.
2. **Громов, В. Г.** Некоторые вопросы исполнения условного осуждения / В. Г. Громов // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 4 (12). – С. 86–88.
3. **Пупышева, Л. А.** Привод в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора / Л. А. Пупышева // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Том 2. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2018. – С. 196–204. – ISBN 978-5-7743-0871-2.
4. **Шабалина, Л. А.** К вопросу о процессуальных правах осужденного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора / Л. А. Шабалина // Уголовно-исполнительное право. – 2011. – № 2 (12). – С. 76–79.

REFERENCES

1. Garaeva T. B. Teoreticheskie i prakticheskie problemy primeneniya privoda kak inoj mery processual'nogo prinuzhdeniya [Theoretical and practical problems of using the drive as another measure of procedural compulsion]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 3 (48), pp. 54–57. (In Russ.).
2. Gromov V. G. Nekotorye voprosy ispolneniya uslovnogo osuzhdeniya [Some issues of the execution of probation]. *Altajskij yuridicheskij vestnik – Altai legal bulletin*, 2015, no. 4 (12), pp. 86–88. (In Russ.).
3. Pupyshva L. A. Privod v proizvodstve po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannyh s ispolneniem prigovora [Bringing in proceedings for the consideration and resolution of issues related to the execution of the sentence]. *Sbornik mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v Rossijskoj Federacii i za rubezhom». Tom 2* [Collection of the international scientific-practical conference «Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad.» Vol. 2.]. Ryazan, 2018, pp. 196–204. (In Russ.).
4. SHabalina L. A. K voprosu o processual'nyh pravah osuzhdennogo pri rassmotrenii i razreshenii voprosov, svyazannyh s ispolneniem prigovora [On the issue of the procedural rights of a convicted person when considering and resolving issues related to the execution of a sentence]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2011, no. 2 (12), pp. 76–79. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ГРИГОРЬЯН – начальник Пятигорского межмуниципального филиала уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по Ставропольскому краю, г. Пятигорск, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>, e-mail: vg-83@inbox.ru

IVAN G. GRIGORYAN – Head of the Pyatigorsk Inter-municipal Branch of the Penal Inspectorate of the Federal Penal Service of Russia in the Stavropol Territory. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>, e-mail: vg-83@inbox.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-353-361

УДК 67.409

Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла

А. Л. САНТАШОВ

Северо-Западный институт (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

Е. А. МУХТАРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-7291>, e-mail: mukhtarova-9@mail.ru

В. С. ТАНЦЮРА

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

Реферат. Предметом исследования в статье стали теоретические и прикладные вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Цель работы – дать объективную оценку использования возможностей законодательной техники в соответствующих отраслях права криминального цикла.

В исследовании проведен анализ научных представлений о понятии юридической техники, ее видах и составляющих компонентах. По мнению авторов, законодательная техника – это составная часть юридической техники, представляющая собой совокупность средств, приемов и правил, выработанных наукой и практикой, которые используются органами государственной власти при осуществлении в пределах своей компетенции правотворческой деятельности по разработке и оформлению текста закона, а равно иного нормативного предписания.

В статье отмечается, что именно дифференцированное исполнение наказания является обязательным условием индивидуализации, справедливости наказания, а следовательно, и его эффективности. Авторы считают целесообразным изучение этих проблем с позиций технико-юридического конструирования законодательства, поскольку по мере его развития основания, виды и средства дифференциации и индивидуализации ответственности изменялись и совершенствовались. Неслучайно законодательно-техническое совершенствование УК РФ и УИК РФ признается сегодня одним из генеральных направлений развития российского законодательства криминального цикла и уголовной политики в первые десятилетия текущего века.

Ключевые слова: юридическая техника; приемы и правила законодательной техники; технико-юридическое конструирование норм законодательства; правотворчество; дифференциация; унификация.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Санташов А. Л., Мухтарова Е. А., Танцюра В. С. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):353–361. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-353-361.

Legislative technique and its significance for lawmaking in the field of the branches of the criminal cycle

A. L. SANTASHOV

Northwestern Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy), Vologda, Russian Federation, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

E. A. MUKHTAROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-7291>, e-mail: mukhtarova-9@mail.ru

V. S. TANTSYURA

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

Abstract. The subject of research in this article are theoretical and applied issues of legal technology in criminal and penal law. The purpose of the work is to give an objective assessment of the use of the possibilities of legislative technology in the relevant branches of law of the criminal cycle.

The study analyzes scientific ideas about the concept of legal technology, its types and constituent components. According to the authors the legislative technique is an integral part of the legal technique, which is a set of tools, techniques and rules developed by science and practice which are used by public authorities when carrying out, within their

competence, lawmaking activities to develop and formalize the text of a law as well as other regulatory prescription.

The article notes that it is the differentiated execution of punishment that is a prerequisite for individualization, justice of punishment and, consequently, its effectiveness. The authors consider it expedient to study these problems from the standpoint of the technical and legal design of legislation, since as it develops, the foundations, types and means of differentiation and individualization of responsibility have changed and improved. It is no coincidence that the legislative and technical improvement of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation is recognized today as one of the general directions of the development of Russian legislation on the criminal cycle and criminal policy in the first decades of this century.

Key words: legal technique; methods and rules of legislative technique; technical and legal construction of legislative norms; lawmaking; differentiation; unification.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Santashov A. L., Mukhtarova E. A., Tantsyura V. S. Legislative technique and its significance for lawmaking in the field of the branches of the criminal. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):353–361. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-353-361.

Законодательная техника является главным структурным элементом юридической техники. Она используется в правотворческом процессе в качестве инструмента для создания исключительно нормативно-правовых предписаний. Применительно к уголовному законодательству (по аналогии и к уголовно-исполнительному) целесообразно оперировать понятием законодательной техники, а в случае анализа правоприменительной деятельности или техники применения уголовного закона необходимо использовать более емкое понятие – юридическая техника [16, с. 5].

В литературе высказывается и иное мнение относительно объема предметного содержания законодательной техники. Так, некоторые авторы полагают, что законодательная техника применяется исключительно для создания законов [19, с. 328]. Не согласимся с данным мнением ввиду одностороннего подхода к изучаемой категории. Если рассматривать законодательную технику только в качестве инструмента создания законов, то остается открытым вопрос о процессе создания подзаконных нормативных актов: используется ли для этого юридическая техника или какая-то иная категория, являющаяся элементом законодательной техники? В первом случае наблюдается очевидное логическое противоречие: для создания закона используется только один из элементов юридической техники, а подзаконных нормативных актов, юридическая сила и значимость которых явно ниже закона, – юридическая техника в целом. Во втором случае, на наш взгляд, нецелесообразно выделять, к примеру, подзаконную или иную законодательную технику по той причине, что в содержание законодательной техники включается весь спектр элементов, используемых при создании как законных,

так и подзаконных нормативно-правовых предписаний. Кроме того, выделяя самостоятельный структурный элемент в законодательной технике, следует констатировать наличие в последней и других элементов. Это вряд ли можно признать справедливым, поскольку законодательная техника призвана обеспечить техническое построение правовой нормы, а не ее толкование и практическое применение. Таким образом, законодательная техника является тем средством (инструментом), который используется при создании нормативных актов [24, с. 106].

В вопросе определения сущности законодательной техники среди ученых единства мнений не наблюдается. Так, в качестве элементов, включаемых в содержание законодательной техники, называются средства и приемы [1, с. 272–273], правила и приемы [7, с. 54–55], приемы и методы [14, с. 66], средства, приемы и правила [12, с. 11], правила, средства, приемы и методы [23, с. 368], правовые средства [5, с. 326] и т. д.

При всей многогранности и сложности исследуемого правового явления в литературе выделяют элементы, составляющие ядро законодательной техники. В теории права к ним иногда относят технические средства и технические приемы [16, с. 5]. По мнению С. С. Алексеева, юридическая (законодательная) техника в содержательном смысле складывается из двух элементов: технических средств и технических приемов. Автор указывает, что, как и в материальной технике (есть средства – машины и оборудование, есть методы и приемы их использования – технология), в праве техническими средствами являются терминология (язык), юридические конструкции, а правовой технологией – способы изложения норм, система отсылок [1, с. 268]. На этом

основании ученый рассматривает средства и приемы в качестве основного содержания законодательной техники. Правила, с его точки зрения, являются стороной, которая характеризует использование технических средств и приемов, поэтому не рассматриваются им в качестве компонента законодательной техники [1, с. 271].

В целом следует согласиться с мнением С. С. Алексеева, но считаем необходимым сделать следующее замечание: технические средства и технические приемы являются основными, но не единственными элементами законодательной техники. Технические правила по отношению к названным компонентам являются вторичными, так как регулируют их применение. Но это обстоятельство, на наш взгляд, нельзя рассматривать в качестве основания для исключения правил из содержания законодательной техники, ибо качество последней напрямую зависит и от того, какие правила используются при применении технических средств и приемов. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сам С. С. Алексеев, хотя и не включает рассматриваемые правила в содержание законодательной техники, заявляет об этом некатегорично: использование правил характеризует применение технических средств и технических приемов, «относящееся в основном к внешней форме» [1, с. 271].

В юридической литературе при анализе рассматриваемой категории права предпринята попытка выделения таких подсистем законодательной техники, как внутренняя и внешняя. Внутренняя техника представляется совокупностью операций по переводу законодательной воли в правовое содержание и структуру права. Внешняя техника призвана обеспечить оформление нормативного предписания [13, с. 42–50]. Отмечая безусловную оригинальность данного предложения, следует отметить, что выделение подобных составляющих законодательной техники должно вести к обозначению средств и приемов, которые присущи исключительно внутренней или внешней технике. Однако осуществить подобную дифференциацию, как представляется, достаточно сложно, поскольку подавляющее число приемов и средств имеют непосредственное отношение и к формированию содержательной части нормативного акта, и к внешней оболочке последнего.

На основании изложенного определим законодательную технику следующим образом: законодательная техника – это составная часть юридической техники, представляющая собой совокупность средств, приемов и правил, выработанных наукой и

практикой, которые используются органами государственной власти при осуществлении в пределах своей компетенции правотворческой деятельности по разработке и оформлению текста закона, а равно иного нормативного предписания.

Характеризуя понятие законодательной техники, следует рассмотреть ее средства, под которыми понимаются допустимые правом и законом предметы и явления, с помощью которых обеспечивается достижение поставленных целей и получение необходимых результатов. К средствам законодательной техники относятся юридические понятия, термины, конструкции, иные правовые явления, включающие юридические презумпции, перечисления, юридические фикции и символы.

Юридическое понятие – это элемент законодательной техники, в котором закреплены характеристики, отражающие существенные признаки явлений объективной действительности. Понятие по сравнению с категорией «термин» носит обобщенный абстрактный характер, например: наряду с понятием «хищение» в уголовном законодательстве закреплены конкретные формы хищения – кража, присвоение, растрата. В отличие от понятия, термин необходимо рассматривать как слово или совокупность слов, что составляет выражение, характеризующее конкретное понятие, существенные признаки которого обозначены точными пределами и рамками, что в полной мере адекватно описывает содержательную сторону того или иного правового понятия, например «совокупность преступлений».

Под юридической конструкцией понимается структурное расположение правового материала, которое характеризуется внутренним единством прав, обязанностей и формами ответственности соответствующих лиц [6, с. 781]. По мнению С. С. Алексеева, под юридической конструкцией понимаются как бы готовые образцы, схемы, в которые облекается правовой материал [1, с. 276]. А. Ф. Черданцев рассматривает категорию юридической конструкции как идеальную модель, отражающую структурное строение урегулированных правом общественных отношений [25, с. 15]. Фактически юридическая конструкция является результатом отображения существующей действительности. Образование юридической конструкции производится в результате абстракции, а проводимые исследования данной конструкции дают возможность скрупулезно изучить регулируемые общественные отношения. К юридическим

конструкциям в процессе их создания предъявляются следующие требования: регулятивная норма должна гарантироваться охранительной нормой, иначе в случае неисполнения обязанностей и нарушения запрета в отношении нарушителя не применяется мера юридической ответственности; наряду с материальной нормой должна быть закреплена соответствующая процессуальная норма, которая обеспечивает реализацию материальных правомочий; закрепление правомочий субъекта должно происходить одновременно с закреплением корреспондирующих обязанностей соответствующих субъектов, которые призваны обеспечить реализацию прав первых; последовательность, непротиворечивость и полнота.

Характеризуя категорию юридической конструкции, Т. В. Кашанина указывает на жесткий характер связи между ее элементами. Отсутствие одного из элементов неизбежно приводит к разрушению конструкции в целом [15, с. 180]. Примером юридической конструкции в уголовном законодательстве Российской Федерации может служить уголовно-правовая конструкция, регламентирующая основания освобождения от уголовной ответственности.

По мнению многих ученых-юристов, к средствам законодательной техники необходимо отнести юридические презумпции, сущность которых заключается в выдвижении предположения, на основании которого делается вывод, имеющий правовое значение. Юридическая презумпция – средство законодательной техники, заключающееся в выдвижении в форме предположения о наличии определенных фактов, событий, явлений, ситуаций, связей, которые признаются истинными, пока не доказано обратное. Выделяют общеправовые презумпции, которые рассматриваются как основополагающие универсальные принципы права в целом, и специальные презумпции, имеющие отраслевое и межотраслевое правовое значение, но не достигающие уровня общеправовых презумпций-принципов. Пример презумпции в уголовном праве – это презумпция предвидения возможности наступления общественно опасных последствий в формах вины по УК РФ.

В современной правовой науке к средству законодательной техники относятся правовые аксиомы – устоявшиеся положения, которые не требуют доказательств в ходе правового разбирательства и в целом способствуют более оптимальному процессу правового регулирования, упрощая вопросы правоотношения субъектами правоотношений. Без-

условно, высокая роль правовых аксиом в современном правовом поле обуславливает факт их закрепления как одного из средств законодательной техники. Пример аксиомы в УК РФ: «Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет».

Рассматривая средства законодательной техники, необходимо обратить внимание на юридические фикции, сущность которых состоит в признании несуществующего существующим. В отличие от презумпции, имеющей предположительный характер, фикция имеет признак неистинности и применяется в случае, когда иные средства законодательной техники не могут быть использованы. Как отмечает К. Н. Панько, фикции необходимо рассматривать как императивный прием законодательной техники, заключающийся в неопровержимом признании несуществующего существующим и обратно, а также свойство правовой нормы не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности [21, с. 112]. Практическое предназначение фикций заключается в том, что при признании несуществующего существующим и обратно происходит процесс минимизации процессуальных издержек от пробелов в праве, что избавляет от необходимости избыточной формализации общественных отношений. В целом юридические фикции способствуют количественному и качественному упрощению нормативного материала, преодолению неопределенности в правовом регулировании, служат целям экономии юридических средств. Например, ч. 5 ст. 34 УК РФ закрепляет фикцию уголовно-правового характера: «В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления».

Наряду с охарактеризованными выше средствами законодательной техники правовое использование имеют юридические символы, с помощью которых происходит закрепление государственно-правовых велений. Юридический символ – это учреждаемый или закрепляемый государственной властью условный образ, являющийся обозримой и слышимой культурно-ценностной субстан-

цией, которую участник правотворческого процесса наделяет особым политико-юридическим содержанием, санкционированный и гарантированный государственной властью и используемый в определенном процедурном порядке. Юридический символ представляет собой искусственный знак, имеющий отличительную примету, художественный образ, в основном визуально воспринимаемый, в некоторых случаях слышимый образ, который создается, санкционируется и охраняется государством, применяемый в особо установленном законом порядке, служащий для выражения и закрепления социально значимого юридического содержания. Исходя из определения юридического символа можно выделить следующие требования, предъявляемые к рассматриваемой категории: наглядность, лаконичность, доступность для восприятия, сочетаемость с текстом закона. Пример символа в уголовном праве – закрепление наказуемости за незаконные приобретение или сбыт государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР (ст. 324 УК РФ).

К средствам законодательной техники в правовой науке также относят перечисление, которое размещает в определенном порядке в виде списка совокупность предметов или явлений в тексте законодательного акта. Перечисление способствует ясному пониманию закона и имеет целью четкое упорядочение в законе правового материала.

Применительно к отрасли уголовно-исполнительного права предметом законодательной техники является отечественное уголовно-исполнительное законодательство. В отличие от отрасли уголовного права, которая представлена единственным источником – Уголовным кодексом Российской Федерации, уголовно-исполнительное законодательство России включает в свою структуру Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы, международно-правовые акты и подзаконные нормативные акты, принимаемые в установленном порядке федеральными органами исполнительной власти по вопросам исполнения наказаний (ст. 2–4 УИК РФ).

Преимущества объединения источников отрасли права в единый кодифицированный нормативный акт бесспорны: упрощается процедура поиска нормы (группы норм), регламентирующей или охраняющей круг определенных общественных отношений; облегчается достижение единства отраслевой терминологии; обеспечивается построение логически выверенной структуры кодифицированного нормативного акта и т. п. Однако объединение всех источников

отрасли уголовно-исполнительного права в единый нормативный акт осуществить на практике невозможно по причине многообразия общественных отношений, подпадающих под регламентацию названной отрасли: от правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы и до функционирования коллективов художественной самодеятельности осужденных.

Следует отметить, что УК РФ и УИК РФ имеют равную юридическую силу как федеральные законы. Формально в случае противоречий между положениями указанных нормативных актов должны применяться нормы уголовно-исполнительного права, поскольку УИК РФ был принят позднее УК РФ. Это предположение нашло свое отражение в ст. 4 Федерального закона от 08.01.1997 № 2-ФЗ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», которая, с одной стороны, зафиксировала, что другие законы и иные нормативные правовые акты подлежат приведению в соответствие с УИК РФ, с другой – предписала, что впредь до приведения их в соответствие надлежит применять такого рода акты в части, не противоречащей УИК РФ.

Если строго следовать этому предписанию, необходимо скорректировать ряд положений уголовного законодательства в целях их приведения в соответствие с положениями более «молодого и современного» УИК РФ [17, с. 31]. В этой связи небезынтересно будет отметить, что, несмотря на незначительный разрыв во времени принятия УК РФ и УИК РФ, их положения в части определения некоторых основополагающих институтов различны. К примеру, если уголовное законодательство признает в качестве целей наказания: а) восстановление социальной справедливости; б) исправление осужденного; в) предупреждение преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ), то в ч. 1 ст. 1 УИК РФ восстановление социальной справедливости не рассматривается как цель национального уголовно-исполнительного законодательства (как цель наказания).

Несмотря на то что обозначенная в УИК РФ позиция по данному вопросу, на наш взгляд, в большей степени соответствует сущности наказания и его целей, представляется верным при подобных коллизиях применять нормы уголовного права.

Общественные отношения, составляющие предмет уголовного права, первичны по сравнению с отношениями, которые регламентированы уголовно-исполнительным законодательством, чьи нормы, помимо всего прочего, регулируют порядок исполнения

наказания, уже назначенного в соответствии с уголовно-правовыми предписаниями. Поэтому, несмотря на равенство юридической силы УК РФ и УИК РФ, в случае возникновения межотраслевых коллизий необходимо применять уголовно-правовые нормы, так как именно они закрепляют основы и собственно уголовного, и, как представляется, уголовно-исполнительного права.

Применительно к рассмотренному случаю, когда нормы уголовно-исполнительного права в большей степени отвечают содержанию института наказания по сравнению с собственно уголовно-правовыми нормами, верным видится решение о внесении соответствующих изменений в ст. 43 УК РФ. Необходимость указанных изменений должна диктоваться не приведением в соответствие положений УК РФ с положениями УИК РФ (как отмечалось выше, это нелогично), а унификацией терминологии и сущности межотраслевых институтов права. Иными словами, выполнение требований законодательной техники должно рассматриваться в качестве основы предлагаемых изменений законодательства криминального цикла.

В свое время французский правовед П. Дельнуа обратил внимание на то обстоятельство, что наука законодательства обычно занимается и должна заниматься вопросами подготовки текста законов в четко определенных рамках: грамматики, стилистики, терминологии, языка, структуры нормативных текстов. Но она должна заниматься и вопросами содержания правовой нормы (под которым им понимается поведение, предписываемое или запрещаемое законом, процедуры, предусмотренные для судопроизводства, и те санкции, которые предусмотрены на случаи нарушения правовых норм (речь идет о «законодательной воле»)) [9, с. 12]. Следовательно, необходимо соблюдение баланса между практической направленностью уголовного законодательства и его, безусловно важной, теоретической составляющей.

Т. А. Желдыбина также небезосновательно утверждает, что техника составления юридических документов или оформления принятого юридического решения в нормативно-правовом акте является во многом определяющей в дальнейшей правотворческой, правореализационной и иных сферах юридической деятельности. Конечная цель правотворчества, по ее мнению, это выработка нормативных предписаний для практических актов [10, с. 80].

А. В. Иванчин в своей докторской диссертации отмечает, что понятия криминализации

и дифференциации уголовной ответственности, взятые в единстве и обозначающие одни из основных видов уголовно-правотворческих работ, затрагивают как сущностную (формирование законодательной воли), так и законодательно-техническую сторону уголовного правотворчества [11, с. 18–19]. В некоторых случаях выбор общей юридической конструкции представляет известную сложность. Так, определенные трудности могут возникать при формулировании в нормативных актах мер правового воздействия в отношении несовершеннолетних, нарушивших уголовно-правовой запрет (юридическая ответственность и ее конкретный вид (межотраслевая дифференциация), меры защиты, превентивные средства). Для сущности дела не столь важно, как именно будет запрещено, например, уклонение несовершеннолетнего осужденного от отбывания уголовного наказания. Важно, что это общественно опасное поведение будет запрещено. Для конструирования же соответствующего состава преступления (при такой необходимости) и применяемого за него наказания либо иной меры уголовно-правового воздействия этот вопрос уже будет принципиален как для уголовного, так и для уголовно-исполнительного права в комплексе.

Вместе с тем для достижения целей наказания, повышения его роли как средства противодействия преступным проявлениям необходима система, обеспечивающая реальную возможность применения различных мер уголовно-правового воздействия к несовершеннолетним правонарушителям в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения. Решение этой важной задачи возможно только на основе дифференциации их ответственности. В свою очередь именно дифференцированное исполнение наказания является обязательным условием индивидуализации, справедливости наказания, а следовательно, и его эффективности. Изучение этих проблем представляется важным с позиций технико-юридического конструирования законодательства, поскольку по мере его развития основания, виды и средства дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних изменялись и совершенствовались. Неслучайно законодательно-техническое совершенствование УК РФ и УИК РФ признается одним из генеральных направлений развития российского законодательства криминального цикла в первые десятилетия текущего века [18; 20].

Наконец, в числе современных факторов, повышающих практическое значение законодательной техники в современном уголовном и уголовно-исполнительном праве, является рост популярности самой юридической техники, активное обсуждение в юри-

дической печати необходимости подготовки «специалистов-нормрайтеров» [4], формирование юридического сообщества, которое постепенно приобретает такие объективно необходимые атрибуты, как специфические профессиональные этика и техника [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, С. С.** Общая теория права. В двух томах. Том II / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 359 с.
2. **Артемов, В. М.** Правопорядок как целеполагающий ресурс развития законодательной техники в современном обществе / В. М. Артемов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник научных статей. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД РФ, 2001. – С. 65–70. – ISBN 5-88840-020-3.
3. **Бабаев, В. К.** Теория государства в схемах и определениях : учебное пособие / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. – Москва : Юрист, 1999. – 209 с. – ISBN 5-7975-0103-1.
4. **Баранов, В. М.** Нормрайтер как профессия / В. М. Баранов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6. – С. 16–29.
5. **Бережнов, А. Г.** Проблемы теории государства и права : учебное пособие / А. Г. Бережнов, А. П. Глебов, А. А. Кененов [и др.] ; под редакцией М. Н. Марченко. – Москва : Проспект, 1999. – 504 с. – ISBN 5-8369-0007-8.
6. **Большой юридический словарь** / под редакцией А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – Москва : ИНФРА-М, 1997. – 795 с. – ISBN 5-86225-578-8.
7. **Венгеров, А. Б.** Теория государства и права. Часть 2. Теория права. Том 1 / А. Б. Венгеров. – Москва : Юристъ, 1996. – 166 с.
8. **Давыдова, М. Л.** Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2010. – 408 с.
9. **Дельнуа, П.** Роль науки законодательства и законоведов в определении содержания правовой нормы / П. Дельнуа // Очерки по методологии законодательства : материалы Первого конгресса Европейской ассоциации содействия законодательству. – Баден-Баден : Nomos Verlagsgesellschaft, 1996. – С. 12–21. – ISBN 3-7890-4174-2.
10. **Желдыбина, Т. А.** Законотворчество в России: эволюция и современность / Т. А. Желдыбина. – Москва : ИНФРА-М, 2015. – 178 с. – ISBN 978-5-16-010572-7.
11. **Иванчин, А. В.** Концептуальные основы конструирования состава преступления : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2015. – 50 с.
12. **Иванчин, А. В.** Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 26 с.
13. **Иванчин, А. В.** Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Ярославль, 2003. – 201 с.
14. **Ильин, И. К.** О форме и стиле правовых актов (Некоторые вопросы законодательной техники) / И. К. Ильин, Н. В. Мионов // Советское государство и право. – 1960. – № 12. – С. 65–73.
15. **Кашанина, Т. В.** Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – Москва : Эксмо, 2007. – 510 с. – ISBN 5-699-19390-1.
16. **Кругликов, Л. Л.** О средствах законодательной техники в уголовном праве / Л. Л. Кругликов // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1996. – С. 3–15.
17. **Кругликов, Л. Л.** Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. – 336 с. – ISBN 5-94201-428-0.
18. **Кузнецова, Н. Ф.** Главные тенденции развития российского уголовного законодательства / Н. Ф. Кузнецова // Уголовное право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2001 г. – Москва : ЛексЭСТ, 2002. – С. 12–18. – ISBN 5-901638-13-1.
19. **Лесниевски-Костарева, Т. А.** Уголовное право : словарь-справочник / Т. А. Лесниевски-Костарева. – Москва : Норма : Инфра-М, 2000. – 422 с. – ISBN 5-89123-237-5.
20. **Михлин, А. С.** Перспективы развития уголовно-исполнительного законодательства / А. С. Михлин // Уголовное наказание в России и за рубежом: теория и практика : сборник материалов международной научно-практической конференции / ответственный редактор В. В. Попов. – Вологда : ВИПЭ Минюста России, 2005. – С. 34–42. – ISBN 5-94991-013-3.
21. **Морозова, Л. А.** Юридическая техника: обзор материалов научно-методического семинара / Л. А. Морозова // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 108–120.
22. **Нашиц, А.** Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц. – Москва : Прогресс, 1974. – 256 с.
23. **Общая теория государства и права. В 2 томах. Том 2** / под редакцией М. Н. Марченко. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 816 с. – ISBN 978-5-91768-410-9.
24. **Санташов, А. Л.** Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санташов Андрей Леонидович. – Казань, 2019. – 408 с.
25. **Черданцев, А. Ф.** Юридические конструкции, их роль в науке и практике / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12–19.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava. V dvuh tomah. Tom II* [General theory of law. In two volumes. Vol. II]. Moscow, 1982. 359 p. (In Russ.).
2. Artemov V. M. *Pravoporyadok kak celepolagayushchij resurs razvitiya zakonodatel'noj tekhniki v sovremennom obshchestve* [The rule of law as a goal-setting resource for the development of legislative technology in modern society]. *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie* [Legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement]. Nizhny Novgorod, 2001, pp. 65–70. (In Russ.).
3. Babaev V. K., Baranov V. M., Tolstik V. A. *Teoriya gosudarstva v skhemah i opredeleniyah* [State theory in schemes and definitions]. Moscow, 1999. 209 p. (In Russ.).

4. Baranov V. M. Normorajter kak professiya [Normwriter as a profession]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 6, pp. 16–29. (In Russ.).
5. Berezhnov A. G., Glebov A. P., Kenenov A. A., Komarov S. A., Lejst O. E., Mal'ko A. V., Marchenko M. N., Machin I. F., Orekhova T. R., Popkov V. D. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow, 1999. 504 p. (In Russ.).
6. Suharev A. Ya., Zor'kin V. D., Krutskih V. E. (red.) *Bol'shoy yuridicheskij slovar'* [Big Law Dictionary]. Moscow, 1997. 795 p. (In Russ.).
7. Vengerov A. B. *Teoriya gosudarstva i prava. CHast' 2. Teoriya prava. Tom 1* [Theory of State and Law. Part 2. Theory of law. Vol. 1]. Moscow, 1996. 166 p. (In Russ.).
8. Davydova M. L. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy ponyatiya i sostava yuridicheskoy tekhniki*. Diss. dokt. yurid. nauk [Theoretical and methodological problems of the concept and composition of legal technology. Diss. Dsc. in Law]. Volgograd, 2010. 408 p. (In Russ.).
9. Del'nua P. Rol' nauki zakonotvorchestva i zakonovedov v opredelenii soderzhaniya pravovoy normy [The role of lawmaking science and lawyers in determining the content of a legal norm]. *Ocherki po metodologii zakonotvorchestva* [Essays on the methodology of lawmaking]. Baden Baden, 1996, pp. 12–21. (In Russ.).
10. Zheldybina T. A. *Zakonotvorchestvo v Rossii: evolyuciya i sovremennost'* [Lawmaking in Russia: evolution and modernity]. Moscow, 2015. 178 p. (In Russ.).
11. Ivanchin A. V. *Conceptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya*. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Conceptual foundations for constructing corpus delicti. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Ekaterinburg, 2015. 50 p. (In Russ.).
12. Ivanchin A. V. *Ugolovno-pravovye konstrukcii i ih rol' v postroenii ugovnogo zakonodatel'stva*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal legal structures and their role in the construction of criminal legislation. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Ekaterinburg, 2003. 26 p. (In Russ.).
13. Ivanchin A. V. *Ugolovno-pravovye konstrukcii i ih rol' v postroenii ugovnogo zakonodatel'stva*. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal legal structures and their role in the construction of criminal legislation. Diss. PhD. in Law]. Yaroslavl, 2003. 201 p. (In Russ.).
14. Il'in I. K., Mironov N. V. O forme i stile pravovykh aktov (Nekotorye voprosy zakonodatel'noj tekhniki) [On the form and style of legal acts (Some questions of legislative technique)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1960, no. 12, pp. 65–73. (In Russ.).
15. Kashanina T. V. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique]. Moscow, 2007. 510 p. (In Russ.).
16. Kruglikov L. L. O sredstvakh zakonodatel'noj tekhniki v ugovnom prave [On the means of legislative technique in criminal law]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki v ugovnom i ugovno-processual'nom zakonodatel'stve* [Problems of legal technology in criminal and criminal procedure legislation]. Yaroslavl, 1996, p. 3–15. (In Russ.).
17. Kruglikov L. L., Spiridonova O. E. *Yuridicheskie konstrukcii i simvol'y v ugovnom prave* [Legal constructions and symbols in criminal law]. St. Petersburg, 2005. 336 p. (In Russ.).
18. Kuznecova N. F. *Glavnye tendencii razvitiya rossijskogo ugovnogo zakonodatel'stva* [Main trends in the development of Russian criminal legislation]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnoe pravo v XXI veke»* [Materials of the international scientific-practical conference «Criminal law in the XXI century»]. Moscow, 2002, pp. 12–18. (In Russ.).
19. Lesnievski-Kostareva T. A. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. Moscow, 2000. 422 p. (In Russ.).
20. Mihlin A. S. Perspektivy razvitiya ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva [Prospects for the development of penal legislation]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: teoriya i praktika»* [Collection of materials of the international scientific-practical conference «Criminal punishment in Russia and abroad: theory and practice»]. Vologda, 2005, pp. 34–42. (In Russ.).
21. Morozova L. A. *Yuridicheskaya tekhnika: obzor materialov nauchno-metodicheskogo seminar* [Legal technique: a review of the materials of the scientific and methodological seminar]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2000, no. 11, pp. 108–120. (In Russ.).
22. Nashic A. *Pravotvorchestvo. Teoriya i zakonodatel'naya tekhnika* [Lawmaking. Theory and legislative technique]. Moscow, 1974. 256 p. (In Russ.).
23. Marchenko M. N. (red.) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. V 2 tomah. Tom 2* [General theory of state and law. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 2013. 816 p. (In Russ.).
24. Santashov A. L. *Teoreticheskie osnovy differenciacii i individualizacii otvetstvennosti nesovershennoletnih v ugovnom i ugovno-ispolnitel'nom prave*. Diss. dokt. yurid. nauk [The theoretical foundations of differentiation and individualization of the responsibility of minors in criminal and penal law. Diss. Dsc. in Law]. Kazan, 2019. 408 p. (In Russ.).
25. Cherdancev A. F. *Yuridicheskie konstrukcii, ih rol' v nauke i praktike* [Legal constructions, their role in science and practice]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1972, no. 3, pp. 12–19. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ САНТАШОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация, главный научный сотрудник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, доктор юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА МУХТАРОВА – заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-7291>, e-mail: mukhtarova-9@mail.ru

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ ТАНЦЮРА – преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

ANDREI L. SANTASHOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-West Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy), Vologda, Russian Federation, Chief Researcher of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation Dsc. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

ELENA A. MUKHTAROVA – Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-7291>, e-mail: mukhtarova-9@mail.ru

VIKTOR S. TANTSYURA – Lecturer at the Department of Professional Activities of Employees of Economic Security Units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения»

Н. В. МАШИНСКАЯ

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Реферат. Проблема законодательного регулирования процедуры примирения потерпевшего с подозреваемым, обвиняемым до определенного времени была лишь предметом обсуждения в научной литературе. В то же время потребность государства в поиске мер, способных устранять последствия преступлений без применения ординарных уголовно-процессуальных процедур, актуализировала работу по внедрению в уголовное судопроизводство альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта. Учитывая настоятельную необходимость применения указанной процедуры на практике, Межрегиональный общественный центр «Судебно-правовая реформа» разработал и разместил на своем сайте проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». Для реализации процедуры примирения в уголовном судопроизводстве разработчики законопроекта предлагают включить в УПК РФ новую главу.

Автор статьи критически оценивает предпринятую попытку в силу противоречивости ряда новелл, их неопределенности и несогласованности с нормами уголовно-процессуального закона. Для устранения существующих недостатков предлагается предусмотреть отдельную статью, определяющую процессуальный статус примирителя, и включить указанную норму в гл. 8 УПК РФ. В качестве гарантии права потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на примирение рассматривается внесение соответствующего дополнения в уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие правовой статус названных участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт; восстановление прав потерпевшего; уголовно-процессуальный статус.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Машинская Н. В. Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):362–367. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-362-367.

Analysis of the project “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation”

N. V. MASHINSKAYA

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Abstract. The problem of legislative regulation of the procedure for reconciliation of the victim with the suspected, the accused until a certain time was only a subject of discussion in the scientific literature. At the same time the state's need to find measures that

can eliminate the consequences of crimes without the use of ordinary criminal procedures has actualized the work on introducing alternative methods of settling the criminal-legal conflict into criminal proceedings. Given the urgent need to apply this procedure in practice, the Interregional Public Center "Judicial and Legal Reform" has developed and posted on its website a draft federal law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Provide the Victim, Suspect, and Accused with the Possibility of Reconciliation." To implement the procedure for reconciliation in criminal proceedings, the drafters of the bill propose to include a new chapter in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

The author of the article critically evaluates the attempt due to the inconsistency of a number of novels, their uncertainty and inconsistency with the norms of the criminal procedure law. To eliminate the existing shortcomings, it is proposed to provide a separate article defining the procedural status of the conciliator and to include the specified rule in Ch. 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. As a guarantee of the right of the victim, suspect, accused to reconciliation, the introduction of an appropriate addition to the criminal procedure norms governing the legal status of the named participants in criminal proceedings is considered.

Key words: criminal law conflict; restoration of the victims rights; criminal procedural status.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Mashinskaya N. V. Analysis of the project "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation". *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):362–367. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-362-367.

В большинстве стран Западной Европы примирение потерпевшего с обвиняемым (медиация) рассматривается как альтернатива уголовному преследованию и наказанию. Признавая важную роль примирения в разрешении уголовно-правового конфликта, зарубежные теоретики и правоприменители единодушно исходят из концепции целесообразности уголовного преследования виновного и его наказания, однако законодательное регулирование медиации весьма разнообразно.

Так, в Англии медиация не регламентирована на законодательном уровне, хотя попытки урегулировать указанную деятельность путем включения новых правовых институтов не только в уголовно-процессуальное, но и гражданско-правовое законодательство предпринимаются. Во Франции процедура медиации закреплена в уголовно-процессуальном законе, а также подзаконных актах, дополняющих закон и предписывающих, кто вправе проводить медиацию между потерпевшим и обвиняемым. В голландском и бельгийском праве медиация представляет собой смежный уголовно-правовой и уголовно-процессуальный институт [1, с. 66–80, 92–98, 121–123].

Альтернативные процедуры позволяют снизить карательную роль государства за счет делегирования права разрешения уголовно-правового конфликта самим его участникам, что в итоге обеспечивает процессуальную экономию, гарантирует вос-

становление прав потерпевшего, принятие виновным ответственности за совершенное преступление. Несмотря на насущную потребность в реализации примирения по уголовным делам в отечественной правоприменительной практике, в действующем УПК РФ отсутствует регламентация указанной процедуры. Вместе с тем опыт отдельных регионов России убедительно демонстрирует необходимость законодательного регулирования с целью распространения положительных результатов в обозначенной сфере и обеспечения единообразия рассматриваемой деятельности на всей территории страны [2]. Многочисленные обсуждения в юридической литературе нового для отечественного уголовного судопроизводства института создали необходимую почву для дальнейших разработок, результатом чего стал законопроект, подготовленный Межрегиональным общественным центром «Судебно-правовая реформа», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» (далее – Проект).

Фактически Проект является первым документом, содержание которого составляет конкретное нормативно-правовое регулирование медиации по уголовным делам.

В положительном ключе следует отметить, что Проект не ограничивает возможность реализации процедуры какими-либо

условиями, в том числе категорией преступления, тем самым предоставляя широкие возможности для примирения участников процесса. По замыслу разработчиков, подозреваемый, обвиняемый и потерпевший вправе примириться на любом этапе производства по уголовному делу, самостоятельно определить условия примирения, конкретные действия, необходимые для заглаживания причиненного вреда. Такой подход увеличит вероятность восстановления нарушенного права потерпевшего, что далеко не всегда удается в ходе традиционных способов разрешения конфликта. В то же время предлагаемый порядок налагает на правоприменителя дополнительные обязанности по разъяснению права на примирение, оказанию содействия сторонам в его реализации. Учитывая, что результатом примирительной процедуры не всегда будет прекращение уголовного дела (за исключением уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести), можно предположить, что рассматриваемая новелла вряд ли будет положительно принята представителями органов предварительного расследования. В этой связи следует признать удачным предложение авторов Проекта о придании уголовно-правового значения заключению примирительного договора и его исполнению, в частности об учете результатов исполнения его условий при условном осуждении (п. 3 ст. 1 Проекта). Наряду с этим предлагается принимать во внимание наличие договора при избрании меры пресечения, других мер процессуального принуждения, а также при разрешении уголовного дела по существу (ч. 1 ст. 28⁷ Проекта). Вместе с тем документ выглядел бы более завершенным и целенаправленным, если бы одновременно предполагал внесение изменений в ст. 61 УК РФ, устанавливающую обстоятельства, смягчающие наказание. Такое регулирование, во-первых, стимулировало бы правоприменителя к выяснению намерений сторон примириться, что усиливало бы гарантии реализации права на примирение, поскольку обстоятельства, смягчающие наказание, входят в предмет доказывания по уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и подлежат обязательному отражению в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении) (п. 7 ч. 1 ст. 220, п. 7 ч. 1 ст. 225 УПК РФ). Во-вторых, фактически была бы исключена необходимость принятия новой нормы, регламентирующей последствия примирения сторон (ст. 28⁷ Проекта).

Целесообразным и логичным представляется предложение разработчиков Проекта о включении в УПК РФ формулировки понятий «примиритель» и «примирительная процедура». Как большинство уголовно-процессуальных терминов, их предлагается раскрыть в ст. 5 УПК РФ (п. 29¹ и 29² соответственно). Заслуживает одобрения и сама формулировка предлагаемых категорий. Так, привлекая к участию в уголовном деле примирителя, следователь (дознатель), суд либо стороны будут ориентироваться на приглашение независимого от участников конфликта посредника, имеющего специальную подготовку по разрешению уголовно-правового спора. Вместе с тем в Проекте отсутствуют предложения относительно придания самостоятельного процессуального статуса примирителю, что, по нашему мнению, делает неопределенным его права и обязанности по отношению как к сторонам, так и к лицам, ведущим производство по уголовному делу. Наличие отдельной статьи, определяющей правовое положение примирителя, избавило бы от необходимости включения целого ряда норм, регламентирующих процессуальный порядок примирения по уголовному делу, позволило бы сэкономить нормативный материал, повысило бы внимание правоприменителя к процессуальной фигуре примирителя. Например, ч. 2 ст. 28³ Проекта фактически определяет права примирителя, указывая, что примиритель вправе получить сведения об обвиняемом, подозреваемом и потерпевшем, а также знакомиться с материалами уголовного дела в необходимом для участия в примирении объеме. Часть 2 ст. 28² Проекта закрепляет принципы, на основе которых примиритель обязан строить свою деятельность в рамках уголовного дела, а в ч. 3 указанной статьи содержится запрет на применение насилия, угроз, обмана и других незаконных действий в ходе примирения. Представляется, что указанные положения вполне могли бы образовать норму об обязанностях примирителя, например «примиритель обязан проводить примирительную процедуру на основе принципа конфиденциальности, добровольности, сотрудничества и равноправия сторон»; «примиритель не вправе применять насилие, угрозы, обман и другие незаконные методы примирения». Аналогичное значение имеет норма 28⁴ Проекта, регламентирующая участие примирителя в примирении сторон. В частности, в норме, определяющей процессуальный статус примирителя, можно было бы отраз-

ить правила о сохранении независимости примирителя от сторон и должностных лиц, ведущих производство по делу, содействию сторонам в выработке условий примирения, возможности посещать места содержания под стражей и медицинские стационары с целью проведения примирительных встреч. Права и обязанности примирителя целесообразно было бы предусмотреть в ст. 60¹ УПК РФ, разместив в гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства». Для обеспечения беспристрастности примирителя следовало бы перечислить в ст. 61 УПК РФ основания для его отвода сторонами и другими участниками, имеющими на это право, вместо введения предлагаемой Проектом нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 28⁴.

Отсутствие специального правового статуса примирителя порождает непоследовательность регламентации его участия, вносит противоречивость в оценку результатов его деятельности, приводит к несогласованности между предлагаемыми и действующими уголовно-процессуальными нормами. Так, ч. 3 ст. 28⁴ анализируемого Проекта предписывает примирителю сообщать в письменной форме должностному лицу о результатах своей деятельности путем направления заключения. Во-первых, нигде в законопроекте не устанавливаются форма и содержание заключения примирителя, отчего непонятно, что именно должно быть в нем отражено. В нормах Проекта речь идет только о примирительном договоре (ст. 28⁶). Во-вторых, не вполне ясно, какое процессуальное значение будет иметь этот документ, направляемый следователю (дознавателю) либо суду. Согласно действующему законодательству заключение является процессуальной формой результата деятельности эксперта или специалиста (ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ) и имеет доказательственное значение. Перечень доказательств установлен ч. 2 ст. 74 УПК РФ и является исчерпывающим.

Весьма противоречивым представляется предложение допрашивать примирителя по правилам допроса специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) в целях разъяснения представленного им заключения. В соответствии с ч. 2 ст. 28⁴ Проекта примиритель действует на основе конфиденциальности и не вправе разглашать сведения об участниках процедуры примирения. Кроме того, ч. 2 ст. 28⁷ Проекта однозначно содержит запрет на допрос всех участников процедуры примирения (включая примирителя). Для этого разработчики предлагают распространить

свидетельский иммунитет на примирителя, законного представителя, представителя, участвовавших в примирительной процедуре, путем внесения дополнения в ч. 3 ст. 56 УПК РФ (п. 4 ч. 2 ст. 28⁷ Проекта). Наконец, исходя из предлагаемой формулировки понятия «примиритель», данная фигура привлекается к участию в деле лишь для примирения сторон, и если буквально толковать норму, то выполнение каких-либо других процессуальных задач на нее не может быть возложено.

Для эффективной реализации процедуры примирения по уголовным делам крайне важно предусмотреть право участников уголовного процесса на примирение. Этой задаче посвящена ст. 28² Проекта, однако приведенные в указанной норме предложения более органично, во избежание дублирования и излишнего загромождения текста закона, включить в действующие нормы. Так, право, закрепленное в ч. 1 ст. 28² Проекта, вполне можно включить в нормы, определяющие процессуальный статус потерпевшего (ст. 42 УПК РФ), подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). Например, в ч. 2 ст. 42 УПК РФ можно ввести п. 9¹, где зафиксировать право потерпевшего «примириться с подозреваемым, обвиняемым самостоятельно либо путем привлечения независимого посредника на любом этапе производства по уголовному делу, в том числе по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях». Здесь же можно предусмотреть, что с целью примирения потерпевший вправе заключить примирительный договор. Аналогичным правом следует наделять подозреваемого (п. 9¹ ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (п. 14¹ ст. 47 УПК РФ). Применительно к последним дополнительно необходимо закрепить право на свидание с примирителем без ограничения во времени, а в отношении обвиняемого также важно указать на то, что осуждение или оправдание обвиняемого не препятствует его примирению с потерпевшим и другими заинтересованными лицами (ч. 5 ст. 28² Проекта). Наличие права на примирение в нормах УПК РФ (наряду с включением в ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, наличие заключенного между подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим примирительного договора) корреспондирует с обязанностью следователя (дознавателя), судьи разъяснять потерпевшему, подозреваемому и обвиняемому такое право и содействовать его реализации. Сказанное вытекает из содержания ст. 11 УПК РФ, име-

ющей принципиальное для уголовного судопроизводства значение. Кроме того, любое следственное действие, осуществляемое следователем, дознавателем с участием потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, требует разъяснения прав, предусмотренных ст. 42, 46, 47 УПК РФ. В рамках сложившейся на данный момент практики следователи и дознаватели составляют протокол разъяснения прав подозреваемому, обвиняемому перед допросом указанных лиц. Добросовестное отношение к своим процессуальным обязанностям станет важнейшей гарантией реализации права на примирение заинтересованных участников. Ходатайство о применении процедуры примирения перечисленные субъекты вправе заявлять на общих основаниях, как и любое другое ходатайство, на любом этапе производства по делу. Привлечение же примирителя к участию в деле может осуществляться посредством включения в УПК РФ новой нормы – ст. 168¹ «Участие примирителя», которую можно сформулировать по аналогии с нормой об участии специалиста, предусмотрев, что следователь (дознаватель) при наличии желания сторон примириться обязан привлечь примирителя.

Целесообразность включения в действующий УПК РФ ряда норм, предлагаемых Проектом, весьма сомнительна. Например, не вполне оправданным видится предложение о приостановлении производства по уголовному делу для примирения сторон (ст. 28⁵ Проекта). Включение этой нормы нарушает логику законодателя, поскольку все основания для приостановления производства по делу, предусмотренные ст. 208 УПК РФ, связаны с невозможностью участия лица, действия которого расследуются (то есть подозреваемого, обвиняемого). В остальных случаях должна осуществляться активная правоприменительная деятельность. Сказанное относится и к судебному разбирательству, тем более что по правилам ст. 253 УПК РФ в подобных случаях оно откладывается. Указанная норма достаточно часто применяется, когда суд дает сторонам возможность предоставить доказательств состоявшегося примирения. Анализируемое положение не увязывается с принципом разумного срока уголовного судопроизводства, устанавливаемого как раз для соблюдения прав сторон на быстрое разрешение уголовно-правового конфликта (ст. 6¹ УПК РФ). Нелогичным с точки зрения уголовно-процессуального закона выглядит положение, предусмотренное ч. 4 ст. 28⁵

Проекта: оно позволяет в случае недостижения в установленный срок примирения и невыполнения подозреваемым, обвиняемым условий примирения без возобновления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства продлевать срок приостановления. Во-первых, непонятно, почему при наличии этих двух условий необходимо продлевать срок приостановления производства по делу. Если стороны за определенный, установленный, видимо, ими же самими срок не смогли согласовать условия и достичь примирения, то следует ли любой ценой добиваться данного результата, продлевая срок производства по делу и нарушая при этом другие нормы уголовно-процессуального законодательства? Во-вторых, продление срока приостановления не предусматривается действующим УПК РФ, поэтому неясно, должны ли стороны ходатайствовать о принятии такого решения, по чьей инициативе оно может состояться, в каком порядке его следует осуществлять.

Проектом предоставляется возможность примирения на любом этапе производства по делу. Как показывает практика, расследование одноэпизодного уголовного дела осуществляется пять-шесть месяцев, а уголовного дела о тяжких и особо тяжких преступлениях – девять-десять. Как правило, еще несколько месяцев длится судебное разбирательство. Таким образом, разрешение уголовного дела по существу происходит отнюдь не быстро, что исключает необходимость приостановления производства для решения вопроса о примирении сторон, так как реальная возможность для выражения соответствующего волеизъявления сторон обеспечивается.

Отдельного осмысления требует правовое регулирование случая неисполнения условий примирительного договора, особенно тогда, когда производство по делу окончено, а обязательства, предусмотренные договором, еще не выполнены (ч. 3 ст. 28⁶ Проекта). Сомнения в необходимости этой нормы возникают потому, что, соглашаясь на проведение примирительной процедуры, стороны принимают решение по самостоятельному урегулированию вопросов, в разрешении которых они лично заинтересованы. Должно ли государство в лице его уполномоченных органов гарантировать исполнение обязательств, принятых на себя сторонами добровольно? Принимая во внимание то, что наличие примирительного договора Проект предлагает учитывать

при принятии процессуальных решений уже в стадии предварительного расследования, можно предположить, что его условия хотя бы частично должны выполняться в ходе производства по уголовному делу.

Определенная сложность в регулировании вопросов исполнения примирительного договора возникает, когда обвиняемый во время предварительного расследования находится под стражей, а затем осуждается к лишению свободы. В такой ситуации существенно снижается возможность заглаживания вреда, причиненного преступлением, что ставит осужденного в неравные условия с лицом, остающимся на свободе. Неясность возникает относительно того, кто будет контролировать законность обязательств, принимаемых примирительным договором. По замыслу разработчиков Проекта, примирительный договор не может нарушать права и законные интересы других лиц и противоречить закону (ч. 1 ст. 28^б). Ответственность за законность производства по уголовному делу несет следователь (дознатель) и суд, которые не являются участниками примирительной процедуры и контролировать законность принимаемых на себя сторонами обязательств не могут.

Таким образом, анализируемый Проект не вполне удачно регламентирует процедуру примирения потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, допускает рассогласо-

ванность норм уголовно-процессуального закона, порождает дублирование правил, не дает исчерпывающего ответа на возникающие в процессе применения вопросы. В то же время социальное значение медиации в уголовном судопроизводстве однозначно позволяет сделать вывод о том, что было бы неправильным вообще отказаться от идеи законодательного регулирования примирения по уголовным делам. Осуществлять такую работу необходимо при соблюдении правил экономии нормативного материала, разумного использования имеющегося порядка производства по уголовному делу, соблюдении юридической техники.

Представляется, что совершенствование уголовно-процессуального законодательства в этой части должно происходить за счет внесения соответствующих дополнений в процессуальный статус потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, разработки специальной нормы, определяющей процессуальный статус примирителя и порядок его участия. Это позволит избежать необходимости включения в УПК РФ главы 4¹ и целого ряда других норм, предлагаемых Проектом (например, об изменении редакции ст. 267 (п. 9), 268 (п. 10), дополнении ст. 271 (п. 11), ст. (п. 12)), а также внесения изменений в федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 3 Проекта).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2002. – 542 с. – ISBN 5-94201-118-4.
2. Современное состояние и пути развития уголовной политики : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (31 мая – 1 июня 2019 г.) / под общей редакцией Н. Ю. Скрипченко, Я. А. Корнеевой. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2019. – 298 с. – ISBN 978-5-261-01408-9.

REFERENCES

1. Golovko L. V. *Alternativy ugovornomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. St. Petersburg, 2002. 542 p. (In Russ.).
2. Skripchenko N. YU., Korneeva YA. A. (red.) *Sbornik mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati professorov V. A. Eleonskogo i N. A. Ogurcova «Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugovornoj politiki»* [Collection of the international scientific-practical conference dedicated to the memory of professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov «Current state and development of criminal policy»]. Arkhangelsk, 2019. 298 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА МАШИНСКАЯ – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

NATALYA V. MASHINSKAYA – Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Уголовно-процессуальное противодействие преступлениям: сущность, понятие и значение

В. А. КРЫМОВ

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>, e-mail: krymov-19@mail.ru

Реферат. Термин «противодействие преступности» в настоящее время часто встречается на страницах нормативных правовых актов, научных и учебных изданий и не имеет при этом однозначного определения. Соединив в себе деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению и расследованию уголовно наказуемых деяний, совершаемых в различных сферах жизни общества, минимизации вреда, причиненного преступной деятельностью, а также по привлечению к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, противодействие преступности действительно стало системообразующим понятием при исследовании отдельно взятого вида правоохранительной деятельности.

В этой связи деятельность должностных лиц правоохранительных и судебных органов, связанная с осуществлением предварительного расследования преступлений, производством по уголовному делу, рассматривается как уголовно-процессуальное противодействие преступлениям.

В статье на основании анализа правовой и эмпирической базы, имеющихся теоретических воззрений обосновывается выделение в качестве отдельного направления противодействия преступности уголовно-процессуального, выявляются проблемные вопросы начала его осуществления, а также формулируются выводы и предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства с позиции защиты прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: противодействие преступности; противодействие преступлениям; уголовно-процессуальное противодействие; начало производства по уголовному делу; уголовно-процессуальные правоотношения; защита прав и законных интересов.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Крымов В. А. Уголовно-процессуальное противодействие преступлениям: сущность, понятие и значение. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):368–373. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-368-373.

Criminal procedural delinquency counteraction: essence, concept and meaning

V. A. KRYMOV

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>, e-mail: krymov-19@mail.ru

Abstract. The term “delinquency counteraction” is now often found on the pages of regulatory legal acts, scientific and educational publications, without having an unambiguous definition. Combining the activities of identifying, preventing, suppressing and investigating criminal acts committed in various spheres of society, minimizing harm caused by criminal activity, as well as prosecuting persons guilty of committing crimes, delinquency counteraction has indeed become a systemic concept in research of a separate type of law enforcement activity.

In this regard the activities of officials of law enforcement and judicial bodies related to the preliminary investigation of crimes, criminal proceedings are considered as criminal procedural delinquency counteraction.

Based on the analysis of the legal and empirical base, the existing theoretical views, the article substantiates the allocation of criminal procedural crime as a separate direction, identifies problematic issues of the beginning of its implementation, and also formulates conclusions and proposals for improving criminal procedural legislation from the standpoint of protecting rights and legal interests of participants in criminal procedural legal relations.

Key words: delinquency counteraction; crimes counteraction; criminal procedural opposition; commencement of criminal proceedings; criminal procedural legal relations; protection of rights and legitimate interests.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Krymov V. A. Criminal procedural delinquency counteraction: essence, concept and meaning. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):368–373. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-368-373.

Традиционно жалобы в сфере уголовного судопроизводства образуют значительную часть в общем объеме поступающей к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации корреспонденции. Из его доклада следует, что в 2019 г. 32 % обращений касалось вопросов реализации уголовно-процессуального законодательства (12 168), что на 9 % больше, чем в 2018 г. Количество жалоб по вопросам дознания и предварительного следствия увеличилось на 27 % и составило 4961 обращение, на 34 % возрос показатель жалоб на обоснованность уголовного преследования (2114 обращений). При этом на стадии возбуждения уголовного дела зафиксирован рост жалоб, связанных как с отказом в регистрации заявлений о преступлениях (на 29 %), так и с вынесением постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (на 27 %) [5].

С учетом изложенного, а также принимая во внимание, что наряду с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, назначением уголовного судопроизводства также является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, следует заметить, что нарушение последних обуславливает либо особое внимание к уголовно-процессуальной сфере, либо, наоборот, приобретение преступными деяниями латентного характера, свидетельством чего выступают результаты виктимологических исследований.

Из аналитического доклада «Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений», подготовленного в 2020 г. Фондом поддержки пострадавших от преступлений, следует, что

ежегодно жертвами преступлений становятся порядка 10 млн чел. Проведенное данным фондом и ВЦИОМ исследование показало, что в половине случаев потерпевшие с заявлениями о совершении преступлений в отношении их или их имущества в правоохранительные органы не обращались. Напротив, треть обратившихся в полицию не была уведомлена о результатах предварительной проверки, а в 17 % случаев их пытались отговорить от подачи заявления [9].

Таким образом, данные, представленные в докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Фонда поддержки пострадавших от преступлений, свидетельствуют, с одной стороны, о системном характере проблем, возникающих в уголовном судопроизводстве в целом и на его первоначальных стадиях в частности, а с другой – о важной роли уголовно-процессуального противодействия преступлениям, сущность, понятие и значение которого будут проанализированы в данной статье.

Отмечая важную роль органов предварительного расследования в осуществлении уголовного преследования, нельзя игнорировать более общие задачи, стоящие перед органами внутренних дел. Так, назначением полиции наряду с защитой жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, охраной общественного порядка и собственности, обеспечением общественной безопасности выступает и противодействие преступности. Несмотря на распространенность на страницах нормативных правовых актов, научных и учебных изданий, термин «противодействие преступности» представителями научного сообщества и практикующими юристами толкуется неоднозначно.

Как комплекс направленных на борьбу с преступностью мер противодействие преступности определяет С. В. Троицкий, включая в него как предупреждение (профилактику), пресечение, раскрытие и расследование преступлений, так и привлечение к ответственности виновных лиц, минимизацию и ликвидацию последствий преступного деяния [11, с. 18].

Исследование ряда нормативно-правовых актов позволило С. А. Тимко заключить, что противодействие преступности есть прежде всего совместная деятельность общества и государства, включающая в себя предупреждение преступности, выявление и расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности виновных лиц и ее реализацию, а также устранение либо минимизацию причиненного преступлением вреда. При этом ученый указал, что деятельность эта осуществляется посредством реализации мер правового, информационно-пропагандистского, культурно-образовательного, социального, экономического характера, отметил ее целенаправленность, последовательность и комплексный характер [10, с. 9].

С учетом анализа представленных и иных позиций [2; 3] целесообразным представляется рассуждение о противодействии преступности, во-первых, как деятельности в широком смысле слова, осуществляемой не отдельно взятым субъектом, а в целом обществом и государством, а во-вторых, как о системообразующем понятии при исследовании отдельно взятого вида правоохранительной деятельности. Заметим, что термин «противодействие» получил широкое распространение и в качестве обозначения деятельности, направленной на воспрепятствование расследованию преступлений.

В этой связи закономерно выделение в рамках противодействия преступности отдельного направления, связанного с осуществлением правоохранительными и судебными органами уголовно-процессуальной деятельности и производством по уголовному делу, – уголовно-процессуального противодействия преступлению.

О роли уголовного судопроизводства в противодействии преступности упоминает Н. С. Манова, которая отмечает наличие ряда уголовно-процессуальных механизмов противодействия преступности, выделяя при этом институт досудебного соглашения о сотрудничестве [7, с. 27–29].

На наш взгляд, с данной позицией возможно согласиться лишь частично, а именно

до момента, когда речь заходит о конкретном досудебном соглашении, заключенном между определенными участниками уголовного судопроизводства в рамках одного уголовного дела по расследованию того или иного преступления. Лицо, с которым было заключено соответствующее соглашение, возможно, окажет определенную помощь в предупреждении, пресечении, раскрытии или расследовании ряда преступлений, однако это не повлияет на общую картину преступности. В связи с этим досудебное соглашение о сотрудничестве в полной мере можно признать лишь механизмом уголовно-процессуального противодействия преступлениям, однако не преступности в целом.

О существовании уголовно-процессуального противодействия преступности, на наш взгляд, говорить не представляется возможным по следующим причинам:

1. Преступность – понятие более широкое, чем преступление. К такому выводу приходим, проанализировав ряд научных трудов, посвященных криминологической характеристике понятий «преступление» и «преступность» [4; 8], в том числе основные подходы, выделенные Л. В. Кондратюком и В. С. Овчинским [6, с. 115]. Преступлением является юридический факт, совершение какого-либо преступного деяния, тогда как преступностью – массовое, социальное явление, образуемое совокупностью отдельно взятых противоправных деяний. При этом расследование многоэпизодного уголовного дела, включающего серию преступлений, по каждому из которых были возбуждены уголовные дела, впоследствии соединенные в одно производство, не может охватывать всю преступность в целом.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит упоминания о преступности. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является назначением уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). С точки зрения правового регулирования уголовно-процессуальная деятельность изначально направлена на установление признаков преступления, его фактических обстоятельств в рамках проверки сообщения о преступлении и далее при принятии процессуального решения по ее итогам, предварительном расследовании, судебном производстве.

3. Производство по уголовному делу – деятельность уполномоченных на то уголовно-процессуальным законом должностных лиц, представляющих интересы государства.

Учитывая, что противодействие преступности, как уже было отмечено, включает в себя деятельность общества и государства, то уголовно-процессуальное противодействие преступлениям нельзя назвать их совместной деятельностью, поскольку оно связано с производством по уголовному делу, его движением, осуществлением следственных и иных процессуальных действий.

Потерпевший, свидетель, а также другие участники уголовного процесса, не обличенные властными полномочиями, не могут осуществлять проверку сообщения о преступлении, предварительное расследование, отдельные следственные действия или судебное следствие. Их производство ложится на плечи судьи (в рамках судебного производства, в том числе по делам частного обвинения), следователя, дознавателя и других должностных лиц, уполномоченных на то уголовно-процессуальным законом и представляющих интересы государства. К ним, как представляется, относятся и органы, учреждения уголовно-исполнительной системы, начальники которых вправе производить неотложные следственные действия в случаях, предусмотренных п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ. Учитывая, что речь здесь идет преимущественно о совершении преступлений в расположении учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а равно уголовно наказуемых деяний против установленного порядка несения службы должностными лицами, производство неотложных следственных действий, хотя полноценного расследования и не представляет, однако в целом не может не быть частью уголовно-процессуального противодействия соответствующему преступлению.

Вместе с тем указанная уголовно-процессуальная деятельность имеет особое значение, и, хотя противодействие преступности к задачам Федеральной службы исполнения наказаний не отнесено, осуществление должностными лицами (уполномоченными на то УПК РФ) уголовно-процессуальной деятельности в полной мере позволяет назвать их субъектами уголовно-процессуального противодействия преступлениям, что само по себе выступает одним из направлений противодействия преступности.

При определении уголовно-процессуального противодействия преступлениям особое значение приобретает начало его осуществления, на что указывают приведенные ранее данные Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о количестве жалоб на нарушения уголовно-процес-

суального законодательства при проверках сообщений о преступлениях и вынесении по их результатам процессуальных решений, а равно результаты виктимологического исследования Фонда поддержки пострадавшим от преступлений.

Ранее нами неоднократно поднимались вопросы, связанные с началом производства по уголовному делу. Представляется, что как уголовно-процессуальное противодействие преступлению, так и начало производства по уголовному делу определяется одним моментом – принятием (момент фактический) и регистрацией (момент юридический) сообщения о преступлении. При этом уголовно-процессуальное противодействие преступлению подразумевает осуществление уголовного судопроизводства в целом, выступая общим понятием по отношению к частным – началу производства по уголовному делу, досудебному и судебному производствам.

Таким образом, уголовно-процессуальное противодействие преступлению – осуществляемая в рамках уголовно-процессуальных правоотношений деятельность уполномоченных на то уголовно-процессуальным законом должностных лиц правоохранительных и судебных органов по рассмотрению поступившего сообщения о преступлении, дальнейшему расследованию и рассмотрению уголовного дела.

Систематическое внесение законодателем различного рода изменений и дополнений в уголовно-процессуальные нормы, в частности регламентирующие начало производства по уголовному делу, позволяет говорить о существенном влиянии первой стадии уголовного процесса не только на ход дальнейшего расследования и рассмотрения уголовного дела по существу, но и на процессуальный статус вовлеченных в него лиц.

В этой связи необходимы новые подходы к обеспечению прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений, чему призвано способствовать совершенствование законодательства с позиций повышения эффективности правовых средств защиты законных интересов в уголовном судопроизводстве. Особая роль при этом должна принадлежать принципам уголовного процесса как основополагающим его направлениям процессуальному статусу участников уголовного судопроизводства, а также деятельности, направленной на обеспечение законности и обоснованности принимаемых лицами, осу-

ществляющими расследование, процессуальных решений.

Представляется, что ряд принципов уголовного судопроизводства соответствуют уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках уголовно-процессуальных правоотношений с лицами, получающими уголовно-процессуальный статус в стадии предварительного расследования, однако формально могут действовать с момента регистрации сообщения о преступлении.

В контексте защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства большое значение, на наш взгляд, имеют уголовно-процессуальные нормы ст. 16 УПК РФ, регламентирующей обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Видится необходимым предусмотреть изменение наименования и содержания данной статьи в части разъяснения права на защиту каждому участнику уголовного судопроизводства. При этом обеспечиваться это право будет по-прежнему подозреваемому и обвиняемому.

В продолжение правозащитной линии стоит отметить и процессуальный статус защитника в уголовном судопроизводстве, предусмотренный ст. 49 УПК РФ. Так, на раннем этапе производства по уголовному делу защитник участвует в нем с момента осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в соответствии со ст. 144 УПК РФ. Однако и после возбуждения уголовного дела защитник остается участником уголовного судопроизводства, осуществляющим защиту подозреваемых

и обвиняемых. В отличие от УПК РФ, Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не сужает круг лиц, которым может быть оказана квалифицированная юридическая помощь в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

На практике широко распространено участие в уголовном судопроизводстве адвокатов, представляющих на допросе или очной ставке интересы и других участников уголовного процесса (свидетеля, потерпевшего) [1]. Такое участие обеспечивается лицом, которое имеет потребность в помощи, а не государством, и само по себе не может и не должно являться препятствием для включения в УПК РФ полномочия защитника (адвоката) отстаивать интересы и других лиц, в том числе официально не признанных участниками уголовного процесса. В этой связи, как представляется, нельзя прибегать к защите в свете принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), поскольку речь идет о защите интересов любых участников уголовного судопроизводства, в том числе со стороны обвинения.

С учетом изложенного следует сделать вывод о возможности и обоснованности выделения в рамках противодействия преступности отдельного направления, а именно уголовно-процессуального противодействия преступлениям, а также о необходимости совершенствования правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности с точки зрения обеспечения прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Азизова, О. А.** Адвокат как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Азизова Оксана Александровна. – Владимир, 2006. – 209 с.
2. **Алексеева, А. П.** Понятие противодействия преступности / А. П. Алексеева, П. И. Бабошин // Юристы-Правоведь. – 2008. – № 3. – С. 33–35.
3. **Воронин, Ю. А.** Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России / Ю. А. Воронин, А. В. Майоров // Всероссийский криминологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 7–16.
4. **Гребенникова, С. С.** Понятие преступности / С. С. Гребенникова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2016. – № 1-2. – С. 204–206.
5. Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. – 2020. – № 80.
6. **Кондратюк, Л. В.** Еще раз о криминологическом понятии преступления и преступности / Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский // Журнал российского права. – 2004. – № 9. – С. 113–119.
7. **Манова, Н. С.** Уголовно-процессуальные средства противодействия преступности как фактор обеспечения национальной безопасности / Н. С. Манова // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 26–32.
8. **Новикова, Ю. В.** Проблемы терминологии: «криминологическая характеристика преступлений или преступности?» / Ю. В. Новикова // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 2. – С. 228–233.
9. Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений : аналитический доклад. – URL: <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuuet-korrektirovki.html> (дата обращения: 08.03.2020).
10. **Тимко, С. А.** О сущности понятия «противодействие преступности» / С. А. Тимко // Юристы-Правоведь. – 2018. – № 1. – С. 6–11.
11. **Троицкий, С. В.** Система международно-правовых норм в сфере противодействия преступности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Троицкий Сергей Владимирович. – Москва, 2012. – 29 с.

REFERENCES

1. Azizova O. A. *Advokat kak uchastnik ugolovnogo sudoproizvodstva so storony zashchity*. Diss. kand. yurid. nauk [A lawyer as a participant in criminal proceedings on the part of the defense. Diss. PhD. in Law]. Vladimir, 2006. 209 p. (In Russ.).
2. Alekseeva A. P., Baboshin P. I. Ponyatie protivodejstviya prestupnosti [The concept of combating crime]. *Yurist"-Pravoved"* – *Lawyer-Legist*, 2008, no. 3, pp. 33–35. (In Russ.).
3. Voronin YU. A., Majorov A. V. Teoreticheskie osnovy formirovaniya sistemy protivodejstviya prestupnosti v Rossii [Theoretical foundations of the formation of a system for combating crime in Russia]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian criminological journal*, 2013, no. 1, pp. 7–16. (In Russ.).
4. Grebennikova S. S. Ponyatie prestupnosti [The concept of crime]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Pravo» – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Right"*, 2016, no. 1-2, pp. 204–206. (In Russ.).
5. Ezhegodnyj doklad o deyatelnosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2019 god [Annual report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2019]. *Rossiyskaya gazeta – Russian newspaper*, 2020, no. 80. (In Russ.).
6. Kondratyuk L. V., Ovchinskij V. S. Eshche raz o kriminologicheskom ponyatii prestupleniya i prestupnosti [Once again about the criminological concept of crime and criminality]. *Zhurnal Rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2004, no. 9, pp. 113–119. (In Russ.).
7. Manova N. S. Ugolovno-processual'nye sredstva protivodejstviya prestupnosti kak faktor obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Criminal procedural means of combating crime as a factor in ensuring national security]. *Pravovaya paradigma – Legal paradigm*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 26–32. (In Russ.).
8. Novikova YU. V. Problemy terminologii: «kriminologicheskaya harakteristika prestuplenij ili prestupnosti?» [Terminology problems: "criminological characteristics of crimes or criminality?"]. *Aktual'nye problemy Rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2010, no. 2, pp. 228–233. (In Russ.).
9. Ocenka potentsiala gosudarstvennoj sfery zashchity prav poterpevshih ot prestuplenij [Assessment of the potential of the state sphere of protection of the rights of victims of crime]. Available at: <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuuet-korrektirovki.html> (accessed 08.03.2020). (In Russ.).
10. Timko S. A. O sushchnosti ponyatiya "protivodejstvie prestupnosti" [On the essence of the concept of "combating crime"]. *Yurist"-Pravoved"* – *Lawyer-Legist*, 2018, no. 1, pp. 6–11. (In Russ.).
11. Troickij S. V. *Sistema mezhdunarodno-pravovyh norm v sfere protivodejstviya prestupnosti*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The system of international legal norms in the field of combating crime. Author's abstract diss. PhD. in Law]. Moscow, 2012. 29 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЫМОВ – старший научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>, e-mail: krymov-19@mail.ru

VITALY A. KRYMOV – Senior Researcher of the Department for the Study of Social Processes and the Development of Complex Problems of Law Enforcement of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD in Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>, e-mail: krymov-19@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-373-381

УДК 343.847

Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования

П. В. ГОЛОДОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>, e-mail: pl-family@yandex.ru

Реферат. В статье рассматриваются отдельные правовые и организационные проблемы в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, представлены результаты анкетирования сотрудников уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, намечены пути решения существующих проблем.